

Виталий
Вильчинский

Узвицкыстыи пунт

Фэнтэзи

Самиздат

В стране, где постоянно идёт война между светлыми силами и силами зла, живёт среди троллей и гномов, среди людей и нечисти тот, о ком знают все, и тот, о ком никто ничего не знает. Он даёт людям землю и возможность на ней работать для себя, своей семьи и для того, кого они считают своим повелителем, другом и братом. Люди боятся гнева дракона, которого, кроме рыцарей, никто не видел. Он — вездесущ и, в то же время — недоступен ни для кого. Путешествия и веселый отдых, война и шаткий мир, любовь и ненависть, невыносимая радость и яростный гнев, — всё сплетается в один яркий и незабываемый клубок событий, которые захватывающе описывает автор. Так кто же он — герой этого повествования? Кому мы благодарны за веселье и печаль, за веселый разухабистые песни и тонкие лирические отступления? Если вы начнёте читать, то узнаете об этом подробнее. Вперед, читатель! До встречи на страницах поучительной и занимательной повести, имя которой — жизнь в стиле «фэнтези»!

Виталий Александрович Вильчинский
Извилистый путь

История одного мира

Глава I

Я сидел за столиком у окна, медленно потягивая эль и жуя соленые орешки. За окном виднелся небольшой задний дворик, где росло несколько фруктовых деревьев. На их ветках уже появились первые листочки: в эту деревенскую глушь тоже пришла весна.

Трактир, в который я зашел перекусить, находился в центре деревеньки, стоявшей у когда-то оживленного тракта, проходившего недалеко от гряды гор. Дорога вела к морю, но после того, как в горах поселился дракон, она опустела, в селе стало меньше жителей, а в таверне часто гуляли рыцари со своими компаниями перед сражением со злобной тварью. Наверное, нажирались для храбрости. Но деревня опустела скорее не из-за соседства дракона, а из-за наездов драконоборцев. И эти великие воины, утром основательно опохмелившись и взобравшись в седло с помощью своих верных оруженосцев, покачиваясь в седле, и изрыгая проклятия, отправлялись на ратный подвиг.

Но мерзкий ящер всегда выходил победителем.

Небольшое отступление...

Прицельным плевком жидкого огня дракон срезал копье рыцаря, а вторым поджёг перья на шлеме. Лошадь, обездвиженная волнами ужаса, исходящими от огромного ящера: замерла, как изваяние сама себе. Даже нога одна так и не дотронулась до земли.

Основная масса рыцарей после этого убежала, теряя по дороге остатки своих доспехов, но были и такие, как этот. Спрыгнув с коня и выхватив меч, вояка ломанулся на дракона. Зверь презрительно покосился на него глазом, и демонстративно улегся на живот, и, положив голову на лапы, зажмурил глаза. Опалевший рыцарь налетел на зверюгу, и, отбросив щит, ухватив меч двумя руками, принялся рубить чудищу шею.

Тварюга блаженно щурилась на солнышке и урчала от удовольствия. Рыцарь в ярости начал рубить еще сильнее. Когда у него истощились силы, воин начал пилить. После рубки по бугристой коже и гребню на спине, меч был с такими зазубринами, что и за пилу сойти мог.

Но, что довело драконоборца до белого каления, так это то, что когда он, смахнув пот с чела, сквозь звук пульсации крови в ушах вдруг услышал нарастающий храп дракона. «Да как он посмел спать, когда его убивают?!» И, осатанев от гнева, рыцарь принялся рубить с новой силой. Спустя некоторое время дракон приоткрыл глазище и разомлевшим голосом попросил:

— Сместись чуточку левее. А то водянку к вечеру мне натрешь! — и, закрыв глаз, сделал вид, что снова уснул.

Борец за мир во всем мире издал крик раненой птицы, полный отчаяния и слез. За что бог Света послал ему такое наказание? Чем он согрешил? Эта чешуйчатая тварь еще и издевается над ним!

— Оооо, да-да-да, именно там! — заурчал дракон. На его морде появилось выражение, похожее на блаженную улыбку. Из ноздрей вырывались колечки дыма.

Рыцарь отшвырнул от себя меч, и, заливаясь слезами, вырывая волосы на голове, бросился бежать прочь. Дракон еще долго слышал его истерический вой, косясь на выход с

ложбины между скал, куда скрылся убитый горем драконоборец.

Потом он взглянул на обезумевших от ужаса лошадей, которые так и остались стоять, парализованные защитным свойством дракона. Дракон принял человеческое обличье, и, взяв лошадей — боевую и вьючную, за уздечки, повел их в пещеру.

В глубине логова дракона имелся еще один ход, скрытый огромным валуном. Со входа его невозможно было разглядеть, к тому же, искусно вырезанная из дерева дверь, выкрашенная под камень, делала вход неразличимым и вблизи.

За дверью блеснуло солнце, и показалась зеленая трава. В огромном каньоне, скрытым высокими горами и окруженным отвесными скалами, раскинулись сочные пажити. Здесь паслись коровы, быки, кони. Даже свиньи и куры копались за ограждением. Дракону ведь тоже нужно есть. Выпрягши лошадей, он шлепком по крупу направил их пастись.

Таким был этот золотой дракон. Только мало кто об этом знал. Вернее, почти никто. Драконы живут долго, ни люди, ни нелюди столько не живут. Те, кто знал дракона близко, скорей всего уже умерли, а на родственников крылатому было глубоко наплевать, ведь этот дракон был одиночкой.

Конец отступления.

Шум отлетевшей в сторону двери привлек мое внимание. Открытая ногой, она жалобно стукнулась о стену и захлопнулась обратно, от души вмазав при этом входящему. Посетитель не учёл практичности хозяина: она была снабжена добротной пружиной, зготовлена из столетнего дуба и обита стальными полосами. Так что чересчур борзому посетителю пришлось несладко.

Лязг доспехов известил флегматичного хозяина об очередном высокородном госте.

За дверью послышался вопль и яростная брань. Она снова открылась, только на этот раз более аккуратно. На пороге стоял герой. Тяжелый стальной доспех, под мышкой шлем с перьями и полуторник на боку, морда лица, откровенно обалдевшая от вседозволенности (однозначно, — очередной наглый папенькин сыночек, у которого родитель, как минимум барон, пробившийся в верхние слои общества, благодаря исключительно силе и тупой голове, которая ничему, кроме как махать мечом не обучена).

Так вот, на этой наглой морде, стоящей в дверях, а вернее на ее лбу, вырастала, как огромный мыльный пузырь, шишка. Налитые кровью свинячьи глазки шарили по трактиру в поисках жертвы, чтобы на ней сорвать злость. Но на ком бы? Глазки, наконец, остановились. И этим «ком бы» оказался владелец трактира.

Из-за стойки выглядывала только его голова. Взревев, как раненый зверь, рыцарь отправился мстить за униженную гордость и побитый лоб.

Только зря он по дороге крушил столы и расталкивал в стороны немногих посетителей. Хозяин заведения, тоже человек бывалый, был из бывших наемников. Поэтому, когда он поднялся из-за стойки, поправляя на руке латную перчатку, посетители увидели, что он побольше недовольного рыцаря будет.

Рыцарь это тоже заметил, но, то ли был слишком зол, то ли слишком туп, либо сыграла жестокую шутку инерция, — сделал последний шаг, отделяющий его от стойки, и ему в лицо впечатался железный кулак, внезапно оказавшийся на пути следования лица. Со страшной силой два движущихся тела столкнулись...

От удара металлическая громадина рухнула со страшным грохотом и звоном, казалось, сотрясшим весь трактир. Шлем откатился к стене, жалобно клацая забралом. Глаза воина Света закатились под лоб и сошлись на переносице, а хозяин спокойно уселся обратно и принялся меланхолично разгибать мятую перчатку пальцами.

Публика восторженно смотрела на него. За недюжинную силу владельца трактира прозвали Бизоном, а за хорошо поставленный удар — Кузнечным Молотом. Хотя по натуре своей он был милейшим добряком, однако на шею садиться почти никому не давал.

Через несколько минут дверь снова отворилась, и ввалилась новая порция рыцарей. По виду — такие же сынки богатых родителей. Скорее всего, это были спутники павшего воина. Вели они себя так же по-хамски, как и их товарищ. Но, завидев это недоразумение, отдышающее на полу, с быстро растущей гематомой во всю морду, раскрашенной кровью из разбитого носа и губ, ошарашенно остановились.

— Э-э-э... — выдал первый.

— Ы-ы-ы... — поддержал его второй.

Как это они еще слюни не пустили и соплю по лицу не размазали, я просто диву даюсь!

— А чё это с ним? — это третий нашелся. Видимо, самый умный из них.

У двоих предыдущих на лице отобразилась тяжелая работа мысли, потом они почему-то утвердительно кивнули.

— Ой! — покачал головой трактирщик. — Коленный сустав в латах заело, и он ка-ак дал головой о стойку! У!

Хозяин для пущей убедительности хлопнул рукой об угол столешницы и содрогнулся.

— Ну, вы же, рыцари, знаете, как это иногда бывает! — трактирщик вопросительно поднял бровь.

Друзья поверженного воина, как болванчики, закивали головами. Зал тихонько угорал. Один, не выдержав, съехал, корчась, под стол. И эти придурки шли воевать с драконом! Да-а-а, у их дружка на всю морду фаланги латных перчаток отпечатались!

— Вы позовите свою прислугу, пусть ему помогут. Я скажу, чтобы вам принесли воды.

Хозяин трактира крикнул на кухню, располагающуюся за стойкой, а рыцари потянулись к выходу, чтобы с помощью оруженосцев стащить с себя эту гору металлолома.

Спустя некоторое время пострадавшего рыцаря унесли в снятую им комнату, где и оставили очухиваться. Благодаря колоссальным усилиям слуг в сознание он пришел, но как, ни странно, ничего не помнил. Помнил, как подъехали к трактиру, а дальше — провал. Видимо, хозяин умел бить правильно. Ну, или просто удар получился удачным.

Я попросил еще эля и вновь с удовольствием захрустел соленым арахисом. Ох, и хороший денек сегодня выдался! Эль, как всегда, отличный, хотя я его не очень-то и любил, просто иногда употреблял, дабы горло смочить и немного соли изо рта вымыть. Дни пока нежаркие, а в приоткрытое окно залетает приятный ветерок, пахнущий весной. Благодать-то, какая!

У меня была хорошо развита одна способность: я мог читать человека, как раскрытую книгу. Мог сказать, насколько он искренен, кто он по жизни — подлец, лгун, вор, или представляет собой что-то другое. Для этого мне достаточно было либо одного взгляда в глаза, либо немного общения. А также я умел воздействовать на людей — именно благодаря предыдущей способности мог подобрать к человеку ключик.

Дверь в трактир снова отворилась, и на пороге появилась новая компания. Если

предыдущая была достаточно обыденной, то эта вызывала неподдельный интерес! Совсем юная девчушка, на вид лет восемнадцати-девятнадцати. Светло-каштановые, немного вьющиеся, волосы спадали ей на плечи красивым водопадом, один непокорный локон выбился из этого великолепия, придавая лицу озорное выражение, а изумрудные глаза, маленький носик и алые губы делали ее очень сексуальной. Среднего роста, с обалденной фигурой: асиная талия, полная грудь, красивые ножки — ну, просто девушка-мечта! Я нервно вытер ладонью рот, проверяя, не потекли ли слюни.

Потом — парень-воин. Этот вообще музейный экспонат! Я с трудом удержал серьезную мину на лице. Доспехи на нем очень старого образца, такие лет сто пятьдесят назад из обихода вышли. Это, конечно, преувеличение, но этой рухляди, которая была жутко неудобной и неполноценной, хотелось дать как можно больше лет! Тяжеленная кираса, сочленения на суставах были старого образца и сильно стесняли движения, в общем, полная жуть. Это еще куда ни шло, но они были в таком состоянии, словно их пожевал дракон, а потом долго и нудно выравнивал не очень искусный кузнец. Может, сам парень и равнял.

Он был долговязым, с каштановыми волосами — стрижкой «под горшок», которую тоже лет сто пятьдесят назад носили рыцари ордена Жаворонка (вон, если присмотреться, то на груди с трудом, но видно эту птицу, реющую в небесах). Орден прекратил свое существование, как таковой, лет двадцать с небольшим назад, когда остатки когда-то гордых и великих воинов в тяжелой битве сошлись на границе гор с горными троллями, вышедших из своих пещер, и сметающих все на своем пути.

Никто не знает, почему они вышли из своих пещер, тысячелетия мирно живя далеко в горах, но тогда погибли все до единого из пришедших. Больше набег не повторялись, а орден Жаворонка, за лет десять до этого, разрозненный в себе борьбой за власть, и духовные и моральные ценности, окончательно погиб тогда у Серого перевала. Вначале орден создавался, руководствуясь высокой моралью и принципами: чинить правосудие, помогать сирым, но потом нашлись и такие, которым работать «задарма» не хотелось, а тут деньги можно было чуть ли не самому брать. В конечном итоге, человек двадцать «правильных» рыцарей, в пух и прах разругались с бывшими товарищами по оружию, и их пути разделились. Одни так и остались жить в нищете и называться Жаворонками, а другие переименовались в Золотых соколов, вскорости стали алчными и корыстолюбивыми, высокомерными рыцарями, осели в своих ленах, и по истечению недолгого времени от Золотых осталось одно название. Сейчас это было некое объединение баронов и графов, состоявших при императоре фракцией в сенате.

Тяжелый полуторник тех же времен тяжело бухал по боку. Наверное, все это вооружение принадлежало его отцу или деду, погибшему в битве у Серого перевала. На вытянутом лице, покрытым угрями, выделялся длинный нос и серые глаза. Кроме меча, которого он придерживал левой рукой, он нес седельную сумку, и латную перчатку, на которой отсутствовали фаланги безымянного пальца. В общем, убожество страшное.

Третьим был стройный парень с тонкими красивыми чертами лица (на таких обожают упадать девицы, а потом кричать и рыдать, проклиная «козлов»), с длинными, немного вьющимися светлыми волосами. Из-за плеча у него выглядывал лук и колчан со стрелами, на боку — длинный охотничий нож. Если я не ошибаюсь, он не чистокровный человек. Так и есть, кварталон: необычайно зеленые глаза и черты лица выдают в нем принадлежность к эльфийскому роду.

Четвертым ввалился упитанный парень. Кожаный панцирь, казалось, вот-вот лопнет на

нем, а круглое лицо в ореоле светлых кудряшек, было по-детски нежно-розовым и добрым. Смеющиеся голубые глаза притягивали, как магнит, и сразу заставляли улыбнуться и располагали к доверию. Кожаный нагрудник был надет прямо на мантию послушника, перетянутую толстой веревкой на животе. На ногах — истоптанные сандалии, на шее виднеются деревянные бусины, нанизанные на вереске, с крестом, спрятанным под нагрудник.

Ну и пятый посетитель: хорошенькая полненькая розовощекая девчонка, с такими же светлыми волосами, как у брата монаха, с пышной грудью, алыми губами и широкими бедрами. Судя по рукам, любит копать в земле. Интересно! Чудненькая компания. Они прошли за столик, а птичий рыцарь отправился делать заказ.

— Ой, ха-ха-ха! Я не могу!

А вот и неприятности. Три товарища побитого рыцаря спустились со второго этажа, где сняли себе комнаты, и хохоча, устроились возле лестницы.

— Ты посмотри на это чучело! Это ж на какой помойке он всё это откопал!? — заливался один.

— Ну, точно не на помойке, он у троллей его отнял!

— Точно! Мне кажется, я на нем вижу засохшее дерьмо тролля! — снова отозвался первый.

Ноламнийский рыцарь побледнел, как мел, но промолчал. Дрожащими руками он взял поднос, на котором стояло пять кружек и кувшин недорогого вина, и направился к столу, чтобы вместе с друзьями подождать, пока готовится заказ. А три рыцаря продолжало ржать. Что-то они не в меру умными и сообразительными становились, когда дело доходило до издевки и насмешек.

— По-моему, он его даже ел, и теперь боится рот раскрыть, чтобы не воняло здесь! — громким шепотом, но так, чтобы услышали все, находящиеся в трактире, заявил третий. — Знает, что благородные рыцари не выносят запах навоза!

— Я не вижу здесь благородных, перед моими глазами — все тот же троллий навоз, который жутко развонялся! — заявил ноламниец, ставя поднос на ближайший стол. Его товарищи сидели, напряженно застыв, готовые к драке. Рыцари схватись за мечи. Хозяин заведения сделал движение рукой под стойкой, однозначно что-то беря в руку.

— Что ты сказал, смерд? — зарычал один из рыцарей.

— Что вы все — троллево дерьмо (последнее слово он произнес по слогам), которому нужно преподать урок хороших манер.

— Ты труп, жалкий... — второй рыцарь, как рыба открывал рот, подбирая слово. Его друзья тоже сильно призадумались, казалось, на весь зал раздался скрип гномьих шестеренок в их головах.

— Ну вот, снова! — раздался тихий вздох со стороны столика, где сидела компания молодого ноламнийского рыцаря.

— Урод! — наконец-то выплюнул изо рта чуть ли не радостный крик задумавшийся рыцарь. Создавалось впечатление, что вся вышеизложенная перепалка ими просто заучена, сами они до такого просто бы не додумались. Вот только где они взяли еще одного ноламнийца? Или они так гнобили всех бедных рыцарей?

— Ты — труп, навоз!

«Мда..., - подумал я, — что-то они слишком привязались к этому навозу, может уточнить насчет этого у парней, немного отвлекая их на себя, а то забьют благородного и

храброго парнишку».

— Я думаю, нам нужно выйти на улицу, чтобы не разгромить заведение, — сказал ноламниец, аккуратно ставя поднос на ближайший столик.

— Что, помыться хочешь, троллий помет?

Ну вот, снова об экскрементах речь! Я же говорю, прямо слабость у них к ним какая-то!

— Мальчики, успокойтесь! — стройная девушка сделала жалкую попытку предотвратить предстоящую драку.

— Закрой рот, шлюха! — кинул третий рыцарь, уже почти выйдя из трактира за остальными, но в последний момент обернувшись, и...

А вот у этого слюни потекли почти сразу! Ха-ха! Но если он про «шлюху» забыл, то девочка нет! Ее глаза гневно блеснули, и она, схватив с подноса кружку, выплеснула ее содержимое нахалу в лицо!

— Остынь, придурок! — выпалила она. Все давно ломанулись на улицу, где уже раздавался звон мечей, в зале остались только мы втроем. Я уже собирался было встать из-за столика, пропуская вперед толпу, и хотел захватить с собой орешков.

Вино немного отрезвило рыцаря, и он, похоже, решил взять красавицу силой. Она однозначно ему очень нравилась, но этот вид человека разумного (правда, в последнем иногда начинаешь сомневаться) не умеет вести себя с более низкими сословиями, — то ли воспитание, то ли просто скудость ума.

— Т-т-ты чего, сука! — произнес он, немного заикаясь. Козлизм в крови и симпатия к девушке мешали ему определиться со своим отношением к ней.

В это время девчонка как раз хотела прошмыгнуть мимо него, и он попытался схватить ее за волосы. В отместку она лягнула его между ног, и если бы рыцарь был без доспехов, ему было бы очень неприятно. А так, девушка всего лишь ушибла себе ногу в мягком замшевом сапожке. Она сдавленно пискнула от боли и присела на корточки, растирая себе пальцы ноги через кожу сапога.

— Попалась, сучка? — злорадно сказал он, сграбастывая ее за роскошные локоны.

Она снова вскрикнула и схватилась за его руку.

— Пусти! — сказала она. В голосе послышались слезы.

— Я думаю, мы поднимемся ко мне в номер и там позабавимся, шлюха! — сказал рыцарь, расплываясь в самодовольной улыбке и приподымая ее за волосы.

Девушка заплакала. По мне, это совсем не по-рыцарски. Настоящий рыцарь кинулся бы ее защищать, и однозначно не вел бы себя, как ублюдок, чего не скажешь об этом экземпляре. Я хоть благородным рыцарем себя не считал, но вот поступить, как они, мне внезапно ну, очень захотелось! То есть, вломить обидчику и спасти прекрасную даму.

Посему, поднявшись так, что стул с грохотом отлетел в сторону, я встал из-за стола, держа у руке тарелочку с орешками. На мне была легкая белая рубашка, кожаные узкие штаны, мягкие невысокие сапоги.

У меня — глаза цвета голубого неба, но когда-то мне говорили, что они меняют цвет, когда я начинаю злиться. Сейчас, я думаю, они были цвета бушующего моря. Коротко стриженные волосы цвета коры клена, нос картошкой (по мне, слишком большой и мясистый, хотя говорили, что я драматизирую и преувеличиваю). Рост выше среднего, телосложение — худощавый. Мышцы были четко очерчены, но не торчали, как у какого-нибудь качка-рыцаря, у которого только морда лица не накачана.

— Сопля в консервной банке, отпусти девушку, — низким голосом, в котором

слышались шипящие звуки, заявил я.

Рыцарь перестал тащить девушку вверх, и повернул голову в мою сторону.

— Ты что-то вякнул? — удивленно спросил он.

— Я сказал: отпусти девушку, — я улыбнулся, подходя ближе.

— А то, что будет, выкидывай?

Мне очень не нравится, когда начинают обвинять или оскорблять моих родителей. Особенно вот так.

Я накрыл своей ладонью его руку, которая держала за волосы девушку, и сжал ее до хруста.

— А то... — я дождался, когда волосы девушки освободились, ударил раскрытой ладонью его в грудь.

Если бы не доспехи, я бы проломил ему грудную клетку, а так он отлетел всего на два метра, ударился головой и спиной о стену, и сполз на пол.

— Давайте, я вам помогу! — я протянул руку девушке, которая, все еще сидя на полу, поправляла волосы на голове.

— Угу, спасибо, — шмыгнув носом, сказала она. — Я пальцы на ноге ушибла.

В ее голосе звучала детская обида (совсем еще ребенок! Дитя!)

— Садись за столик, — аккуратно, подводя ее к ближайшему столу, стоящему в трех метрах от входа, я усадил ее на стул.

Так, наверное, нужно податься в рыцари! Эх, как приятно! Благородный рыцарь опустился на колени перед прекрасной дамой и аккуратно растирает ей пальцы ноги через мягкую замшу сапожки, а она смотрит на него глазами, полными благодарности! Идиллия, елки-бревна! Но такие моменты, как всегда, портит что-нибудь эдакое...! Звон мечей, например, как в данном случае!

— Ой, Терен! — она подхватила, вырвав ногу у меня из рук, и, прихрамывая, побежала к двери.

— Ну, щас я им! — раненым зверем взревел я, направляясь за нею. Что за беда, ведь я только хотел поинтересоваться ее именем!

Когда мы просочились на улицу, просочились, потому что выбегали одновременно, — два рыцаря теснили Терена, и уже почти прижали его к деревянному забору, который окружал трактир. Тоже мне, рыцари, — вдвоем на одного! Парень умело отбивался, но уже выдохся, а на доспехе появились новые вмятины.

— А может, вы по одному? — громко задал я вопрос.

— Закрой рот, чернь!

Только теперь я обратил внимание, почему друзья ноламнийского рыцаря до сих пор ему не помогли. Да потому, что у каждого рыцаря было по оруженосцу и по двое слуг, итого, — двенадцать вооруженных людей. И вот один из этих оруженосцев мне и затыкал рот.

— Иди проспись, помойный жук! — еще больше обозлился я. Мало того, что отвлекают от ухаживания за девушкой, так еще и хотят ее друга прикончить, и делают это подлым образом у всех на глазах. Или мне кажется, или сейчас будет много крови, поломанных конечностей и прочих частей тела.

— Ты покойник, слизень! — оруженосец в несколько прыжков преодолел расстояние около семи метров и сделал выпад, пытаясь проткнуть меня на месте.

Я сместился в сторону, перехватил руку за кисть, он по инерции сделал еще один шаг, и

я оказался у него сбоку. Резко ударил коленкой по вытянутой руке, послышался хруст ломающегося сустава и крик, полный боли.

— Минус один! — хладнокровно сосчитал я.

Несколько секунд все стояли, с оторопью глядя на корчащегося и вопящего от боли человека, что дало мне шанс проскользнуть мимо свиты рыцарей, дабы прийти на выручку ноламнийскому рыцарю. Конечно, оставлять врага за спиной очень неправильно, но рыцарю срочно была нужна моя помощь. Хорошо, что он успел одеть дедовский или отцовский шлем, когда парировал удар одного из рыцарей, потому что второй ухитрился и ударил его мечом по голове. Молодой «жаворонок» заметил направление удара и начал от него уходить, но меч противника все же достал его, хоть и по касательной, и сбил парня с ног. С разбегу я врезался плечом в ближайшего атакующего, и он рухнул сверху на противника, которому только что намеревался проткнуть шею. Влепившись мордой в землю, поверженный рыцарь затих.

— Ррррааа! — взревел его товарищ, и мне пришлось подбирать полуторник рыцаря, на котором я лежал сверху.

Хорошо, что ноламниец был в доспехах, а то мы бы его раздавили. Я откатился в сторону, в аккурат, на голову ноламнийского рыцаря, а атакующий рыцарь влепил со всего маху по спине своего товарища, который только начал поднимать голову.

— Уе-ве-ве-ве! — услышал из-под своего седалища. Тьфу, я же сижу на голове «Жаворонка»!

— Прости, дружище, залюбовался картиной! — сказал я ему, подхватываясь с головы поверженного. — «Избиение павшего товарища» называется!

— Помоги встать! — попросил «пернатый».

— Сначала с тебя нужно убрать эту дуру... — я парировал удар рыцаря подобранным мечом. К нам уже бежала свита рыцаря, потому нужно было поскорей с ним разбираться. Благо, с мечами были только оруженосцы, прислуга же была вооружена длинными кинжалами.

Рыцарь вновь атаковал меня, я блокировал удар, отвел его в сторону, подпрыгнул и пнул сапогом в грудь. Я был легко одет, а этой груди железа нужно было лишь придать ускорение в нужном направлении. Рыцарь попятился, закачался... Лицо его покраснело, глаза выпучились от напряжения, даже бисеринок пота на лбу стало больше.

— Да падай уже! — рявкнул я и толкнул его кончиком меча в грудь. Этот грохот и звон доспехов, наверное, эхом отозвался в далеких горах, находящихся километрах в семи от места событий.

Мне показалось, что в лесу, растущем на склонах гор, поднялись птицы, а с вершины самой высокой горы сошла лавина. Я тряхнул головой, прогоняя наваждение, и носком сапога откинул в сторону меч второго рыцаря, чтобы тот не придумывал всяких глупостей, а то, не дай Всевышний, поранится еще! Встать без посторонней помощи он все равно не сможет.

Всё происходящее заняло считанные мгновения, не более трех минут — и драка, и все разговоры. Теперь мне пришлось отступать под натиском трех оруженосцев и четырех слуг. Это только в романах о рыцарях те раскидывали десятки врагов одним ударом, а вот попробовали бы эти горе-авторы хотя бы от двоих одновременно отбиться, я бы на них посмотрел!

Еще чуть-чуть, и меня бы просто пришили к забору, в который я уперся спиной, но

сзади послышался шум драки, звон мечей и женские крики. Слуга и оруженосец развернулись на шум, и последний тут же улёгся на землю от удара, получив дубиной в ухо от Бизона, а слуга пал от левого кулака, протормозив и глянув сверху на упавшего под ноги товарища.

Остальных налётчиков добить было делом техники. Объединив усилия, мы быстро подавили сопротивление, закинув всех павших бойцов в комнату к первому рыцарю, стащив с них доспехи и забрав оружие, свалили амуницию в соседней комнате.

Завтра поутру я с ними побеседую и заставлю дать денег за принесенный ущерб хозяину и «жаворонку», — чтобы починить доспехи. Нашему ноламнийцу я снял отдельную комнату, где его уложили «в полусознательном состоянии», несмотря на протестующие вопли. Девушка с изумрудными глазами повозилась с ним немного, напоила какими-то микстурами, после чего его «обморок» превратился в глубокий сон.

Так как наступило время обеда, а из-за драки все изрядно проголодались, я заказал обед на всех: несколько кувшинов артойского вина, лучшего, имевшегося в местных погребах, жареного поросенка, оливки, круг сыра, вареный картофель в масле с зеленью, фрукты и сладости.

— Не переживайте, я за все уплачу! — улыбнулся я искренней улыбкой, когда они попытались что-то сказать.

— Но нам неудобно, мы вам компенсируем! — начала было все та же девушка, но я отрицательно помотал головой и выставил перед собой руку с раскрытой ладонью.

— И не вздумайте! Мне это совершенно не в тягость! Для меня эти деньги — сущая мелочь! Так что даже и не мечтайте, что я возьму ваши деньги! А будете просить, я обижусь!

— Ннн-ну ладно... — та сначала хотела возразить, но потом кивнула и скорбно вздохнула.

— Так что, будем знакомиться, или я так и буду вас называть: клиричка, лекарь, монах, его сестра, лучник и ноламниец?

— Меня зовут Егор, — представился монах, отпив немного вина. — А это — моя сестренка Элизия, — он кивнул в сторону полненькой девушки, которая в ответ сердито дернула щекой: «Могла и сама представиться!»

— Кален, — важно кивнул кварталон.

— Нейлин, — опустила глаза врачевательница.

— А нашего рыцаря — Терен, — добавила она и смутилась от своей разговорчивости.

— Ну, что ж, ребята, было приятно узнать ваши имена, — сказал я, пряча улыбку от их выжидательно-удивленных взглядов в чаше вина, ведь все ожидали, что я тоже представлюсь.

— Я — Эрландо, — произнес я улыбаясь во все девяносто шесть (я, конечно, шучу насчет количества, но это выглядело именно так).

— Посему, предлагаю выпить за знакомство!

Все закивали, я наполнил все чаши. Мы подняли их над столом, торжественно выпили и набросились на еду. Застучали ложки в мисках, потекло вино по глоткам, все начали приобретать благодушное настроение.

— Ну, что, ребята, расскажите, куда странствуете, чем по жизни занимаетесь? О себе расскажите. — Я вонзил двузубую вилку поросенку в бок, вырезал себе кусок сала с мясом, положил на тарелку, отрезал от него кусочек поменьше и начал жевать, чередуя с хлебом и сыром.

— Мы так, кто куда, кто чем... Я, как видите, был послушником, ну а потом... В общем, набил морду отцу-настоятелю и еще парочке его прихлебателям, ну и свалил домой. А дома сестра, вот, да друг детства, который мирно почивает в комнате наверху. Да, а еще козы, коровы, свиньи... — повел рукой Егор, и грустно потупил взгляд в чашу. Не нравилось, видеть, ему сельское хозяйство, о чём он и подтвердил:

— Да я и в монастырь пошел, чтобы подальше от этого быть, но огород с сараем и там оказался, там работали все послушники. А то, что выращивали — продавали, часть сами съедали... В общем, поехал я свет повидать.

— Ну, а я с братом... За ним же нужен глаз да глаз! — не удержалась Элизия.

— Пока я был в монастыре, затесался к нам в село старый дед, чему-то учил сестру, а потом преставился. Ну, в огороде ковыряться хорошо научилась, всякие там травки-муравки растить да за садом ухаживать. Такой всячины, что у нас в деревне делать не умели. — Он развел руками.

— Это ясно. А вы, симпатичная дамочка? — обратился я к Неилин.

— Я — сирота, — немного грустно сказала она, вертя в руках стакан пальцами на месте, по столешнице. — Меня подбросили женщине, которая меня вырастила, учила понемногу врачеванию, тому, что сама умела. А потом, когда она умерла от неизвестной болезни, пришел барон той земли и забрал наш домик за неизвестно какие дутые долги. Меня вышвырнули на улицу, хотели изнасиловать и продать, но я убежала в лес. А там встретила Калена.

Она кивнула в сторону квартерона, как бы предоставляя самому решать, что говорить, а что нет. Тот дернул щекой, промокнул жир в тарелке ломтиком мякиша, закинул его в рот, прожевал, отхлебнул вина и приступил к рассказу.

— Встретила, это она громко сказала. Я лежал с разбитой головой и медленно истекал кровью, а она... Что-то там лечила, короче. А кто я, что я, я в этих делах не разбираюсь. Правда, когда пришел в себя, ничего вспомнить не могу. Свое имя я и то прочел в письме, которое лежало в моем нагрудном кармане, может, оно адресовано и не мне, но пахнет оно, как и моя мать... Я почему-то знаю, что пахла она именно так.

— Да, грустная история, — кивнул я. — Неприятно на эту тему говорить. Ну, а я тут живу, — широко повел я рукой в сторону окна. — Не совсем тут, в горах. Говорят, там живет дракон. Я пришел к королю этих земель, скупил себе горы с лугом и деревьями около них за бесценок (он был уверен, что ящер с крыльями сожрет меня, а он получит хоть какие деньги). Так я стал графом этих земель, — улыбнулся я. — А дракона в горах не оказалось!

— Интересно! — заулыбалась Неилин.

— Так что, если есть желание, — прошу всех в мой замок! Он, правда, еще не достроен, но место, где отдохнуть и покушать найдется. И не ломайтесь, едем завтра же! — грозно сказал я, видя колебания компании. — А сейчас, все по кроватям, что-то мы засиделись. Хозяин, предоставь нам комнаты!

За разговорами о том о сем мы и не заметили, как наступила ночь. Хозяин давным-давно присоединился к нам.

На соседнем столе стояло изрядное количество опустевших кувшинов из-под вина. Неилин спала, положив голову на руку, согнутую в локте, в проплевшине между грязной посудой на столе. Элизия спала на плече у брата. Бодрствовали только четверо мужчин.

— И еще, завтра они тебе лишних денег приплатить захотят, и свалят отсюда восвояси.

Можешь не переживать. А это — в счёт оплаты за нас, — я выложил на стол десять золотых.

— Мой лорд, я вас прошу, не нужно, — хозяин подвинул монеты ко мне. — Да и здесь намного больше, чем вы должны!

— Вот именно, именно потому, что я твой лорд, я хочу, чтобы ты взял эти деньги. Потом, как-нибудь, мало ли что, случиться может...

Хозяин кивнул и смахнул монеты в карман передника. Этот добряк так и не приобрел жадности и алчности торгашей. Он по-прежнему оставался честным и открытым, просто такая натура.

— Варлам, я тебя попрошу об одной услуге: возможно, я отлучусь на неопределенное время, присмотришь за моей хибарой? Какая-то часть денег будет в оплату твоих услуг. Возьмешь, сколько посчитаешь нужным.

— Хорошо, господин, — кивнул хозяин трактира, поднимаясь из-за стола. — Пойду, приготовлю вам комнаты.

— Вот и хорошо.

Через несколько минут все лежали в кроватях. Кален ушел в комнату с Егором, который отнес наверх свою спящую сестру. А я нес Нейлин, которая уткнулась носиком мне в шею и обняла. Меня аж прошибло от нежности. А еще от нее так приятно пахло... Голова закружилась, и я нею тряхнул, переживая, не стал ли я озабоченным случайно?

Мы уложили девочек в одной комнате, заботливо укрыв одеялами, и сами отправились спать. Я занимал отдельную комнату. Вскоре вся таверна погрузилась в глубокий сон.

* * *

А наутро мы отправились в мой «замок». Это сооружение находилось где-то в трех часах езды в расщелинах между гор. Дорога к нему была немного затруднительна: извилистая тропа, местами ужасно узкая, иногда чуть ли не перегорожена обвалами, но я собирался в скором времени все это исправить. Сделать ее более удобной, но, чтобы при необходимости она становилась вовсе непроходимой.

И вот, когда солнце уже почти стало в зенит, мы с урчащими желудками, ведь завтрак наш был очень легким — кружка молока и кусок бисквита, искусно приготовленного кухаркой Бизоной, начали собираться в дорогу вместе с угрюмо ворчащим ноламнийским рыцарем. Утром он проснулся обиженным за навязанный сон, так еще и своих доспехов не нашел!

Вы бы слышали этот вопль, полный ярости, горя и боли по утраченному металлолomu! Раненый нарвал по сравнению с ним — скулящий слепой щенок. Бедолага чуть не помешался рассудком, мне насилу удалось ему разъяснить, что доспехи в починке у кузнеца, а мы всей честной компанией едем ко мне в гости и заберем его шмотки, когда через пару дней будем возвращаться назад.

Навьючив на моего коня мешки с необходимыми продуктами для дома, я выехал из конюшни харчевни. Когда Терен увидел мою лошадку для перевозки мешков, сумок и тюков, он чуть не умер от зависти и возмущения, и едва не захлебнулся слюной, ведь к седлу моей тонконогой кобылицы был привязан настоящий боевой рыцарский конь-красавец! Черный, как смоль, с белыми гетрами и озорными лиловыми глазами! И возмущался: как можно так бездарно использовать такого коня!?

И теперь Терен тащился за мной на своей старой кобыле (не знаю, как она носила его в утилизированных доспехах), сглатывал слюну и таращился на черного скакуна, шагавшего на веревочке. Интересно: не вынашивал ли он планы моего убийства и изъятия сего средства передвижения?

Вскоре перед нами раскинулась моя долина. Метрах в ста и немного левее от входа в долину стоял двухэтажный бревенчатый скромный домик, с трубы которого поднимался дым, а недалеко от него располагался длинный барак. За длинным столом, врытом в землю возле барака, сидело на скамьях десятка два рабочих, усердно стучавших ложками по оловянным тарелкам. Создавалось впечатление, что это стук инструментов, доносящихся из строящегося замка, возвышавшегося на другом конце долины.

— А вот и мое временное пристанище, — кивнул я в сторону деревянного дома.

Обернувшись к спутникам, я увидел остекленевшие глаза, взгляд которых был устремлен куда-то вдаль. В этом взгляде читалась какая-то животная похоть, или... голод! Я понял, что если я сейчас не накормлю новых друзей, вся вода, находящаяся в их теле превратится в слюну, и они просто стекнут с лошади, а мне потом стирай их мокрые тряпки! Э, нет!

— Поехали, я попрошу Кристу накрыть нам с другой стороны дома, чтобы не слышать этих едоков. Лязг стоит страшный!

И чем ближе мы подъезжали к моему дому, тем сильнее мои спутники погоняли коней, такие умопомрачительные запахи витали в воздухе. Благо, к нему было всего метров сто, и мы подъехали быстрым шагом, а не галопом, или, чего доброго, бешеным аллюром.

— Мой господин! — к нам вышла полноватая женщина среднего роста, обтирая руки о фартук. — Я рада вас видеть!

У нее было приятное открытое лицо, лучезарная улыбка, и волосы, покрытые пеплом седины.

— Криста, я тоже рад. — Я искренне улыбнулся.

— Это мои друзья: Терен, Кален... — я по очереди тыкал пальцем, называя имена новых друзей, те кивали, или немного склонялись в приветствии.

— Как вы уже поняли, меня зовут Криста. Глядя на ваши постояннодвигающиеся кадыки и бешеные взгляды, я подозреваю, что вы очень голодны! Ступайте, мойте руки и умывайтесь, а я позову конюха, чтобы он занялся лошадьми. А потом, ступайте за дом, под клен, и усаживайтесь за стол, я сейчас распоряжусь!

Скорость, с которой все вывалились из седел, была умопомрачительной. Через считанные мгновения все сидели за столом, повязав «слюнявчики», висевшие на спинках стульев, судорожно сжимали ложки и ножики, которыми был сервирован стол, и пожирали дверь кухни голодными взглядами. Когда она отворилась, казалось, что все задержали дыхание! Я чуть не ползал со смеху! С измученных грудей вырвался вздох — из кухни вынырнули три молодые кухарки с загруженными снедью подносами в руках, за ними — двое слуг с ягненком на вертеле, затем — Криста с подносом, на котором стояла большая фарфоровая миска с салатом, и четыре графина холодного компота. Кадыки друзей заходили с устрашающей скоростью! Наверное, трубачи столько слюны не сплевывают после каждого пассажира, сколько сглатывали мои друзья за раз!

— Сейчас-сейчас, мои хорошие! — с улыбкой сказала Криста, помогая накрывать на стол, глядя на молодежь, у которой от нетерпения в предвкушении еды мелко дрожали руки, они с трудом находили им управу, чтоб те не начали сгребать с подноса еще не

расставленную еду.

— А вот теперь — ату ее! — засмеялась женщина, когда последнее блюдо было водружено на стол.

Затем она отошла в сторонку к стволу огромного старого клена и присела на узенькую лавочку. На ее лице сияла счастливая улыбка, но глубоко в глазах притаилась печаль. Старая дракониха, жившая в облике человека уже больше двадцати лет, что-то или кого-то вспоминала. За кем-то грустило и плакало ее сердце. Потом, внезапно ее зрачки расширились, руки сильнее сжали передник и без того помятый и зажатый в руках. Женщина набрала полные легкие воздуха, и... ничего не произошло. Просто улыбка стала радостней, счастливее, а грусть почти исчезла из глаз.

* * *

Доев, все, отвалившись на спинку стула, не сдержали вздох облегчения. Как же это хорошо — чувствовать себя сытым и все еще ощущать вкус изумительной пищи во рту.

— Криста, все было просто потрясающе вкусно! Ты божественно готовишь! После твоей стряпни начинаешь жалеть, что желудок такой маленький!

Мои знакомые нестройно загалдели, высказывая хором свою благодарность и восхваление кулинарных способностей моей поварихи.

— Для меня величайшая благодарность — смотреть, как вы уплетаете за обе щеки, и видеть блаженство на ваших лицах! — мягко улыбнулась дракониха.

После плотного обеда мы пошли осматривать строящийся замок и территорию, прилегающую к нему. Замок уже вознесся на четыре этажа, чего мне было достаточно, только несколько башен возвышалось над ним. Рабочие, отобедав, уже начинали подготавливать перекрытия и поднимать стропила.

— Эх, строится моя нора! — с удовольствием сказал я.

— Ничего себе, нора! — выдохнул Терен, разглядывая громаду из светлого камня.

— Ну да, согласен, норочка! — хмыкнул я. Все удивлённо уставились на меня.

— Ладно, шучу, шучу! — Я поднял руки, согнутые в локтях, как бы сдаваясь. Как же мне им объяснить, что у моих родителей таких размеров было помещение только для прислуги!

Обход помещений занял около трех часов. Всех поразило количество комнат, секретные хода я, естественно, не показывал. За строителей я не переживал: если они и догадывались о предназначении этих узеньких коридорчиков, то секреты и потайные двери будут в них устанавливать совершенно другие люди, а ловушки и вовсе я! Осмотром я остался доволен. В некоторых комнатах уже трудились над внутренним убранством, которое, как и план замка, составлял я. Мне хотелось знать, что где находится и как выглядит. Пока это была только отделка деревом и вывешивание гардин на стрельчатых узких окнах. На все нужно время!

Молодежь тихо млела, а Кален молча поражался. Выйдя на улицу, мы разглядывали домину в лучах заходящего солнца.

— Хороший у тебя замок, — мечтательно произнес Терен. Видимо, у него в голове уже вырисовывалась картина, как он, прекрасный, прославленный и благородный рыцарь — герой, убивший какую-нибудь злобную тварь, например, дракона, завладев его сказочными богатствами, выстроил себе приблизительно такой же замок, и...

Ну не знаю, о чём он дальше там мечтал. Наверняка, что-то возвышенное о прекрасной

даме...

— Так как я лорд этих земель, предлагаю тебе поступить ко мне на службу, — заговорил я.

— Рыцари моего ордена всегда были свободными! — сверкая глазами, заявил мне гордый юноша.

— Как хочешь. Я предлагаю тебе работу с достойной оплатой, она никак не идет вразрез с канонами вашего ордена!

— Я не подамся в услужение...

— Ну и не надо, будь здоров! Иди куда хочешь! — взорвался я. — Я предложу это место кому-то другому! Эльфу предложу должность егеря в моих землях, которые достаточно обширны, и оклад в золотой за четыре седмицы, Нейлин и Элизии предложу достойное обучение в Генроне, одна будет заведовать всеми полями, лесами и иными сельскохозяйственными и прочими делами, а другая станет у меня придворным лекарем! А Егор будет приходским священником. Вот такой я расклад предлагаю.

Все стояли в задумчивости, дружно обдумывая мое предложение.

— Естественно, я не тороплю, можете недельку пожить у меня, завтра сходим на рыбалку, недалеко отсюда в горах есть чудесное озеро, вода кристальная! М...

— Я согласен! — с широкой улыбкой заявил Егор. — Уж чего-чего, а такой перспективы я терять не хочу!

— Я, конечно же, тоже! — пододвинулась к нему его сестра. На ее лице блуждала мечтательная улыбка.

— Ну, что ж, двое уже определилось! — кивнул я. — Так что если надумаете, я всегда рад!

— А с чего такая доброта? — подозрительно поинтересовался кварталерон.

— Просто вы мне нравитесь! А если набирать придворных, то уж лучше это будут хорошие и знакомые люди.

— Вот, а рыцари всегда были свободными! — снова завозмушался Терен.

— Ты страшно глуп, парень! Ордена давно нет, с последним рыцарем он погиб, время идет, и мир меняется, все вокруг меняется, и с твоими фанатическими убеждениями ты тоже не так долго протянешь! Ты просто погибнешь! Я тебе не предлагаю крошить бедных и бесправных, безродных грабить тоже не предлагаю! Я тебя зову ко мне в услужение, защищать мои земли, а не таскаться по миру в гордом одиночестве в поисках приключений на свою задницу!

Во мне просто бушевал гнев! Это же нужно быть таким непролазно тупым!

— Думай, время еще есть. Кстати, мне доложили, что доспехи твои уже готовы. Можешь их забрать у кузнеца, в том селении, где мы ели. Кузнец на пару с учениками за ночь и полдня справился. Денег возвращать мне не нужно, как видишь, я не беден. Два графства по соседству я тоже хочу забрать себе. Коня, к сожалению, я тебе не подарю, мне нужно на что-то сажать своих рыцарей.

Я развернулся и пошел обратно к дому.

Пришло время ужина, а тратить его на уговоры парня или бессмысленное торчание возле замка я не намеревался. Элизия и Егор сразу пристроились за мной, вопросительно, и, словно извиняясь, глядя на друзей.

Кален и Нейлин, тоже немного постояв, задумчиво переглядываясь, пошли за нами. Один Терен остался у громады строения.

— Ужин еще горячий, я вас уже ждала! — сразу засуетилась Криста, подавая на стол кушанья.

Вечерняя трапеза была легкой, потому мы молча перекусили, потому что обстановка была немного напряженной. Кален и Нейлин были поглощены раздумьями, взвешивали все за и против в моём предложении. Вероятность того, что можно расстаться с друзьями, никому настроения не добавляла. А не будет ли это предательством, если уйти, или остаться? Да и то, что Терен до сих пор не пришел, их не радовало.

Относительно спокойными были только Егор и Элизия. Они свой выбор уже сделали, и были им довольны, ведь теперь не нужно скитаться по миру, в поисках неизвестно чего.

Я очень надеялся на то, что и остальные примут верное решение. Мне очень хотелось, чтобы эти молодые люди стали моими друзьями, но... насильно мил не будешь. Все что мог, я им уже предложил, теперь выбор оставался за ними.

С трудом затолкав в себя ужин, начали мяться за столом.

— Я скажу Кристе, чтобы показала вам ваши комнаты. Пока я не набрал прислугу, она выполняет многие обязанности по совместительству. Вдруг что чего — я завтра с утра ушел на рыбалку. Если у кого-то появится желание — сбор в шесть утра, на крыльце дома. А так, я до обеда буду на озере. Если спросите, вам покажут. А теперь, спокойной ночи всем, я отправляюсь отдыхать.

* * *

Утро было свежим, пахло приятной прохладой и росой, настроение было, как всегда в такое время, щекотливо-радостное, аж до сладкого озноба в теле. В общем, трудно объяснимое.

На крыльце сидел Кален. Создавалось впечатление, что он просидел здесь всю ночь, ни на миг не сомкнув глаз.

— Жалуйся! — вместо приветствия сказал я ему. Он поднял на меня сонные, воспаленные от недосыпания глаза, полные непонимания.

— Спрашивай, что волнует. Смотрю на тебя, ты много думал этой ночью.

Кален кивнул.

— Чем может вылезти мне служба у тебя, и смогу ли я уйти в любое время, когда захочу?

— Ну, что ж, зайдем сзади. То бишь, начнем с конца. Уйти ты можешь, но я привык рассчитывать на людей, а в данном случае, я хочу рассчитывать на тебя. А чем может грозить тебе служба у меня? У тебя могут появиться завистники, возможно, будет много работы, а еще тебя могут пытаться подкупить, чтобы убить меня, захотят убить тебя. Но это все в перспективе. А, в общем, ничего страшного.

Эльф сначала смотрел на меня, потом уперся локтями в колени, вперил взгляд в землю, и просидел молча некоторое время.

— Ну что, может, пойдём на рыбалку? — наконец поднял он взгляд на меня. Скрестив ноги и удерживая равновесие на одной ноге, упершись носком в землю и привалившись спиной к деревянной подпорке, я уже начал было подумывать: а не сменить ли мне ногу, или вообще, не уехать ли одному, когда он наконец — то произнёс:

— Пойдем, возьмем рыболовные снасти и наживку и пешочком потопаем.

Солнце уже окончательно взошло, пели птицы, жабы замолчали, над водой торчали только их выпученные глаза. Мы сидели на берегу, и следили за поплавками, по крайней мере, я следил. Все это время Кален молчал, видать, раздумывая, стоит ли расставаться со свободой. Наконец, он оторвал взгляд от водной глади:

— Я согласен на все условия.

— Ну вот, надо было так себя мучить сутки, чтобы согласиться! — с улыбкой сказал я, меняя червя на крючке. Клевало, но рыба оказалась хитрющая: объедала наживку и ждала следующую.

— Зато теперь я сделал свой выбор и не буду потом пилить себя, что он был необдуманым! — заулыбался Кален, наконец вытаскивая свою удочку, которую закинул еще с самого начала рыбалки, но, впад в протрацию, ни разу не вытаскивал. Червя давно съели, а на пустой крючок ловились только жабы. Теперь он насадил на крючок свежего червя, и у нас началась настоящая рыбалка!

— Вот, понимаешь, Эрландо... Или мне теперь стоит называть вас: «мой лорд»? — повернулся ко мне квартерон.

— И не вздумай! По имени, конечно, я недолюбливаю официоз. А вот на приемах, уж прости, придется!

Последнее слово я выкрикнул, так как подсекал рыбину. Нет, не просто рыбину, а Рыбину! На крючке трепыхалась рыбка длиной с мой мизинец, а толщиной еще меньше! Я громогласно выругался на тролльском, а Кален чуть не свалился со стула со смеху. Нет, ну это ж надо! И вот эта маленькая гадость пожирала все, что мы вешали на крючок!

Мы вытащили еще штук пятнадцать этих маленьких упырей, а потом пошел настоящий клев! Сначала были карасики, потом окуни, а когда солнце уже начало припекать, мы вытащили три щуки. Вскоре клев прекратился, рыба ушла на дно, а мы, пересчитав свой улов, снова опустили его в воду в садке, и задумались: не искупаться ли нам самим?

Сапоги, куртки и рубахи уже лежали на чурбачках, на которых мы рыбачили, и мы уже взяли за шнуры на штанах, когда послышался шорох травы под ногами, а потом шелест раздвигаемых кустов.

— А, вот вы где!

Это была Нейлин. Лицо такое же помятое, как и у Калена (видать, она всю ночь занималась тем же, чем и он). Взглянув на него, как бы пытаясь прочесть ответ на его лице, и в то же время извиняясь, она сказала:

— Я согласна. Кален, если ты уходишь, то прости! Может, здесь я наконец найду себе дом, — и она потупила взгляд.

— Ну что ж, вы оба остаетесь! — весело сказал я, и мы с Каленом рассмеялись. Нейлин через мгновение, когда осмыслила услышанное, тоже присоединилась к нам. Ее счастливый смех зазвенел колокольчиком над рекой.

— Знаешь, Эрландо, а ведь это одна из причин, почему я долго ломался, — сказал Кален. — Она мне стала такой близкой, совсем, как сестра! Не знал, как с ней расстанусь. Но в глубине души надеялся, что и она согласится остаться!

— Видите, как все хорошо сложилось! И я доволен, и у вас все хорошо вышло! — улыбнулся я. — А теперь, давайте все же пойдём купаться, а то я скоро поджарюсь на

солнце!

Сбросив штаны и с разбега бросившись в воду, я через шум воды в ушах услышал, как за мной плюхнулся Кален. А когда мы, отфыркиваясь и тряся головами, вынырнули, Нейлин, стеснительно прикрывая нижнее белье руками, осторожно вошла в воду.

Наши головы торчали из воды так, что только верхняя часть и нос возвышались над водой. Мы внимательно наблюдали за красивой девушкой, осторожно трогающую пальцами ноги воду, отдернула ее, а потом, все же решившись, начала заходить в озеро.

Два тюленя молча наблюдали за ее медленными движениями, и как она каждый раз вздрагивала, заходя глубже в воду. Заметив наши пристальные взгляды, зарделась, закрутила головой в поисках, чем бы прикрыться, и замахала руками, прикрывая то грудь, то низ. И мы, не выдержав, выскочили из воды и со смехом начали брызгаться в нее водой. Нейлин взвизгнула и нырнула. А что ей оставалось делать, ведь и так уже мокрая!?

Мы долго, радостно и беззаботно хохоча, плескались в воде, а когда выбрались на берег, ощутили адский голод! Поэтому, даже не обсохнув, натянули вещи, и, забрав улов, быстрым шагом направились к дому.

Где-то через полтора часа мы были на месте, голодные, веселые и довольные. За столом уже сидели Элизия и Егор, стол уже был сервирован, только еды на нем не было.

— Ну, и где вы бродите? Тут с голоду помереть можно, пока вас ноги донесут! — деланно возмутился Егор, сжимая столовый нож в руке.

— Каемся, святой отец! — так же картинно заломил я руки, изображая на лице раскаяние.

— Ты прощен, сын мой! — сказал он, и все засмеялись.

— Если все такие довольные, то значит, все остаются! — с улыбкой произнесла Криста, подходя к столу. — Я прикажу накрыть столик на пятерых, хотя нет, на шестерых.

Все повернулись в ту сторону, куда смотрела она. Там стоял, сгорбившись, Терен.

— Спасибо. Но, это, если вы все же захотите накормить меня. Я все-таки решил уходить.

— Конечно, садись, — кивнул я. — Это твой выбор, но помни: я в любой момент приму тебя, и место первого рыцаря будет сохранено за тобой.

— Я все обдумал, но не может быть такого, чтобы я остался один! — сбивчиво заговорил он. — Я найду остальных, и тогда мы восстановим былую славу ордена!

— Конечно, конечно! Я в этом не сомневаюсь. А теперь прекращаем рассуждать и едим! — подвел итог я. — А то я так голоден, что, кажется, в одиночку сожру секача!

Из дверей кухни вышли наши повара, и вскоре вовсе стало не до разговоров.

Умяв, как минимум, по две порции, мы с облегчением отодвинулись от стола, давая прислуге убраться. Вытерев рот салфеткой, Кален обратился ко мне:

— Эрландо, ты говорил, что хочешь присоединить еще два графства. Каким образом?

— Все очень просто. Графство по соседству скоро может остаться без графа. Вы так на меня не смотрите, никого убивать я не собираюсь, просто граф уже слишком стар, а наследников он не заимел. Либо его жена не могла иметь детей, либо он. Похоже, что второе. Мог бы и на стороне пару бастардов сделать. Или, как вариант, был верным супругом. Поэтому я решил предложить ему либо денег, либо договориться с королем, что после его смерти я претендую на эти земли. Естественно, просьбу подкрепить солидным мешком золота. Думаю, все получится. С другим баронством сложнее. Там куча байстрюков, так как жены не было вовсе, и много родственников. Старик там тоже на ладан дышит,

думаю купить у него баронство, чтобы он разделил эти деньги, как захочет, и — дело в шляпе. С этим я уже договорился, состряпали договор купли-продажи, оговорили все детали.

— А как же с передачей денег? Это же после его смерти ты получишь владения! А если ты не захочешь выплатить эти деньги? — спросила Нейлин.

— Все очень просто. В договоре оговаривается цена надела, и условия, сколько я должен уплатить родственникам. Кому сколько. Все это отдается королю на сохранение, под расписку.

— Интересный способ, — хмыкнула Элизия. — И почти все остаются довольные!

— Не переживай, король получит свое. Я ему обещал первых два года платить дань в два раза больше. Тут все пытаются всеми правдами и неправдами срезать себе ее, а я сам предлагаю платить, да еще и в два раза больше!

— А как же со вторым графом? — спросил монах, цыкнув через зубы.

— Ну, с ним я пока не разговаривал. А следовало бы. Он уже настолько стар, что в любой момент может преставиться, а там — самозахват земель, или, чего доброго, неизвестные родственники. Ее-то можно купить у короля, но это еще нужно обмозговать.

Все молча переваривали информацию. Представляю, какие мысли роились у них в голове! Я собирался оттяпать себе самые солидные по размеру ленные земли в королевстве! Вместе с моими они занимали одну пятую оного! Почему так много? Да потому, что отец нынешнего короля вырос вместе с семи старцами, а он в честь великой дружбы подарил им хорошие куски земли. Король и третий друг, на земле которого я сейчас обосновался, уже умерли, а королевский сын, нынешний король, ничего менять не собирался. Земли не отнимал, все-таки, старики его с пеленок знают, на руках качали, камзолы от его мочи и прочих детских неожиданностей отстирывали.

— Так что, когда поедем сопровождать наших дам в школу искусств, завезу королю грамоту о покупке приморской земли, а пока есть время до осени (учеба начинается именно тогда), нужно уболтать второго соседа.

— Мощную комбинацию ты придумал! — похвалил Кален.

— А то! — с гордостью ответил я.

— А как же люди, с которых ты будешь брать двойной оброк? — подозрительно покосился на меня Терен.

Наверное, он уже собирался покарать меня за то, что обижаю бедных и несчастных крестьян.

— Ты помнишь, что из моего лена, почти все жившие в радиусе двадцати миль от этого места, разбежались. Остались единицы!

На лице Терена заиграли желваки. Наверное, он подумал, как же туго придется оставшимся крестьянам! Да я их просто сгною налогами! Еще чуть-чуть, и он вызовет меня на дуэль.

— Неужели ты думаешь, что я так глуп, что установлю такие налоги, что все крестьяне разбегутся по соседним баронствам и графствам? — приподнял я бровь. — Или ты так глуп, что думаешь, что именно так и будет.

Он озадаченно потупил взгляд. Вот блин, нашелся же такой правильный! Ой, тяжело ему в этом мире придется!

— Ну, а как же тогда двойной оброк? — испытующе взглянула на меня Элизия.

— Не, ну пристали, как банный лист к заднице! Далась вам эта двойная дань! — возопил я. — Кто сказал, что я буду брать ее с кармана крестьян и всех, кто сидит на моей

земле!?

— Поначалу со своего кармана, а дальше... — я загадочно улыбнулся. — Есть у меня тут одна задумка. Только ее нужно реализовать.

— И что же это за задумка, такая? — поставила локотки на стол Нейлин.

— Не скажу. Это пока тайна.

Встретив показательно-обиженный взгляд Нейлин и выпяченную нижнюю губу, я поднял указательный палец:

— И если что, эта тайна умрет со мной! И не смотри на меня глазами побитого щенка!

— Ну, не хочешь, не нужно, — отвернулась Нейлин.

— Ох, уж эти женщины! Вечно им все не так! — простонал я.

Все остальные с интересом наблюдали за нами.

— Не, ну а чё, я ничё! И вообще, все! Закрыли тему. Вот уже и Криста ужин несет!

На улице уже стояла вечерняя прохлада, солнце садилось за лес, на землю опускались сумерки.

— Я, наверное, поеду... — начал Терен.

— И куда ты поедешь?

— Доберусь до тракта, а там....

— Не хочу тебя огорчать, но никуда ты не поедешь! — отрезал я. — Для начала ты поешь, а потом нормально переспшишь ночь, и только потом езжай на все четыре стороны!

— Я вам очень признателен, — благодарно кивнул он.

Когда мы уже доели, он покосился на меня, потом встал из-за стола, опустил на колено, и сказал:

— Ты спас мне жизнь, там, возле трактира. Я благодарю тебя. Но сейчас отдать тебе свою жизнь не могу. Прошу простить меня, но я обещаю, что вернусь, и сделаю то, что должен.

— Хорошо, — кивнул я. — Ты сказал.

Вечером мы поехали на горные луга осматривать мои стада. Не то, что я не доверял своим людям, но им намного приятнее, когда сам граф проявляет свое внимание. Даже интересуется их семьей, еще и пару монет подкинет на нужды. Они открыто общались со мной, рассказывали о своих проблемах, и я старался помочь им по максимуму. Мне нужны были преданные люди.

Сейчас в горах паслось шестьдесят голов коров, сто коней, и около полутора сотен овец. В будущем это должно было стать одним из источников дохода. Быков у меня было пока лишь десять голов, но все племенные, и вскоре я надеялся получить отличный приплод. Мы переночевали в домике охотников, которые сейчас были где-то на промыслах, а наутро отправились на дальний луг, где паслись мои овцы и козы. Переход занял весь день.

* * *

А пока мы взбирались верхом на перевал, чтобы добраться к долине, в которой выпасались козы и овцы. С нами ехали три человека прислуги. Криста попросила привезти пять баранов на еду. Поэтому на поводу шло несколько вьючных коней.

Слуги были вооружены короткими мечами, длиной около шестидесяти сантиметров. За спинами висели луки, на стременах — колчаны со стрелами. В горах нужно опасаться диких

зверей. Иногда на дорогу выскочит горный медведь, другой раз и иной хищник, а временами и горного козла подстрелить можно, тоже неплохо. На привале и перекусить вкусно можно. Вот и сейчас эльф вскинул лук, пустил подряд две стрелы, и под копыта лошадей, почти с отвесной скалы, упал козел.

Кони от неожиданности взбрыкнули, и нам пришлось успокаивающе похлопать их по шее. Отлично стреляет мой егерь, хоть и квартерон! Стрелы вошли кучно, одна рядом с другой, поразив животину в шею.

Мы остановили лошадей. Эльф проворно спрыгнул с коня, вскрыл горло животному и спустил кровь. Связав козлу ноги, он уложил его на спину одной из лошадей, приторочив к специальной корзине для перевозки грузов, которая размещалась у лошади на спине.

Где-то еще через полчаса езды мы выехали на пик перевала, и нам открылся потрясающий вид. Огромный зеленый луг, на самом краю которого виднелась темная полоска густого лиственного леса. И возле этого леса был сооружен загон и домик. Солнце почти закатилось за горы и золотило их пики красным заревом. Потрясающее зрелище!

— Если поторопимся, то до полной темноты успеем, — обернулся я к своим спутникам, и мы пришпорили лошадей.

Когда нам оставалось около трети дороги, в последнем блике солнца мы увидели загон, в который едва-едва различимые люди загоняли темную массу овец. Мы рысью подскакали к загону и почти в полной темноте узнали пятерых моих пастухов.

Они стояли с обнаженными мечами, на лицах их застыла обреченная решительность. Разглядев меня в бликах костра, который они развели недалеко от низких, метровой высоты ворот, закрывавшими загон, они облегченно вздохнули.

— Ох, это вы, граф! — выдохнул седой мужчина, — небо услышало наши молитвы!

Возле огня стоял пенек, у которого дежурили сторожа. Над костром стояла тренога, а возле одного из сторожей — казан с водой, который еще не успели водрузить на треногу.

— К чему такой настороженный прием? — спросил я, спрыгивая с лошади.

Пастухи переглянулись и повернулись к старшему. Старший и по возрасту, и по должности прочистил горло:

— Понимаете, господин, появились тут одни. Уже стащили два козленка и барана. Прости, хозяин, не уберегли! — с горестью в голосе сказал старик. — А сегодня утром и вовсе обнаглели. Пришли втроем, и говорят: «Вы нам будете сами дань платить. Мы тут посоветовались, и решили, что эта земля принадлежит нам, а значит и все на ней наше!»

— Да уж, не кисло размахнулись! — хмыкнул я. — И сколько они хотят?

— Барана или две овцы каждое утро!

— Ого, губа не дура! — выдохнул Егор. — Видимо, их там много!

— А вы говорили, чьи эти земли?

— Да, но они ответили: хоть самого императора! Мы сказали, что ничего отдавать не собираемся, тогда они пообещали придти с друзьями и забрать все, а нас повесить! Вот мы и ждали!

— Понятно, — протянул я. — Ну что, егерь, займемся твоей будущей работой!? А так как старшего паладина у меня нет, то буду я тоже мечом махать! Давайте будем обустриваться.

Горного козла отдали готовить дежурному кашевару, лошадей расседлали, и, стреножив, отпустили пастись.

— А чего это у вас сегодня диета? Каша, кусочек вяленого мяса?.. — спросил я,

усаживаясь на бревно, которое принесли пастухи. — Не могли забыть кого-то из стада?

Остальные пошли умываться к ручью, протекающему в двадцати метрах позади домика пастухов. Домик стоял на краю леса, под могучим дубом, а ручей же бил из-под камня.

— Господин, но это, же ваши стада... — начал седовласый.

— Ой, да перестаньте! Разрешаю раз в две недели забивать овцу или раз в неделю ягненка. Каких — выберете сами. Но так, чтоб не сильно в ущерб стаду. Знаю, маловато даю на пятерых мужиков...

— Господин, вы и так очень добры к нам! — поднял руку в протестующем жесте пожилой мужчина. — Если вы нам разрешите умеренно охотиться в ваших лесах, то мы даже не будем трогать стада!

— Действительно, я даже не подумал! Конечно, охотьтесь! Если мой егерь не будет против! — улыбнулся я искренней улыбкой.

Внезапно в круг света начали выходить люди. Один, два... Четыре... Шесть... Восемь. За их спинами слышался шорох еще как минимум четверых человек. Да, расслабился я сильно, что даже не услышал подхода врага.

— Вам обещали вернуться, встречайте! Я смотрю, вы нам и ужин приготовили! Спасибо, может теперь, в знак благодарности вас не повесят, а просто прирежут, как свиней! — И говоривший гнусно заржал. Ему не особо радостно вторили спутники.

Оратор был мужчина среднего роста, с густой бородой и шрамом на виске. Одежда его состояла из добротного зеленого шерстяного костюма и такой же куртки. Харя у него была откровенно бандитская, да и друзья у него — однозначно с большой дороги.

Я взглянул на пастухов. Бледные, судорожно сжимающие рукояти мечей, которыми толком-то и пользоваться не умели!

— Что-то я сомневаюсь, — спокойно заявил я, чем оборвал смех бородатого. — Отчего-то я сомневаюсь в твоих словах. Они мне кажутся слишком напыщенными и самоуверенными!

— Т... Т... Ты кто такой? — наконец обрел дар речи бородач.

— Да я так, мимо проходил, решил на огонек зайти, с друзьями чайку попить!

— Я смотрю, ты слишком разговорчивый и недоверчивый! — взревел бородач, бросаясь на меня.

Его авторитет пострадал, это ему добавило ярости, он ринулся на меня, оный восстанавливать.

— Я хозяин этих земель, — сказав я, склонил голову в шутливом поклоне. — А из этого следует, что граф.

Он в растерянности начал притормаживать, я резко встал с колоды, и мой меч, блеснув в свете огня, коснулся острием земли. По нему скатилась небольшая капля крови и капнула на землю. Главарь растерянно моргнул и упал на землю, заливая траву кровью из рассеченной груди. Меч вошел под ребра с левой стороны и вышел возле правой ключицы. Позвоночник остался целым, были рассечены грудная клетка и срезаны артерии, ведущие к сердцу. Смерть наступила мгновенно, только мозг еще несколько секунд работал.

Толпа ошарашенно смотрела на лежащего человека, под которым быстро пропитывалась кровью земля.

— Повторюсь: я — хозяин этих земель, а поэтому буду их защищать.

Еще несколько секунд, и они накинлись на меня.

Зигзагообразный удар, свист рассекаемого острой сталью воздуха, — и к первому трупу

добавилось еще два, пока еще зажимающие рассеченные трахеи руками, но уже не жилицы. Шелест летящих с безумной скоростью стрел, — один из них в ужасе заорал и бросился бежать. Его располовинил меч ноламнийца.

Еще один упал с остекленевшим взглядом от удара поленом по уху. В степи послышался крик, полный боли, и эльф выпустил на голос стрелу. Короткий вскрик, и — тишина.

Больше противников не осталось. К огню вышли эльф и Неилин. У Элизии, стоящей возле Терена, тряслись руки, полено валялось рядом, она впервые была человека на поражение. Скорее всего, он уже умер, слишком сильный был удар.

На лице у эльфа не дрогнул ни один мускул. Или ему уже приходилось убивать, или у него была отличная выдержка. Наблюдать эмоции мне было неинтересно. Неилин рвало в стороне. Вокруг было слишком много крови. Ее желудок был пустой, и она только кашляла и корчилась. Я подошел к ней и погладил по спине. На большее у меня просто не хватило фантазии.

Ноламниец был спокоен, случившееся совпадало с канонами его ордена.

— Один пытался сбежать, но провалился ногой в заячью нору, и сломал ее. Его добил стрелой Кален, — сказал, выходя на свет, Егор. — Ну, ты, кошмар ходячий, прям под левую лопатку!

— Это случайность, — отмахнулся эльф.

Неилин снова содрогнулась, я отошел от нее и пошел за кружкой холодной воды. Выпив ее до дна, она с благодарностью посмотрела на меня.

— Идем, умоешься. — Я взял ее за руку, и повел к ручью. Ее ладошка была влажной, она постоянно содрогалась от спазмов желудка.

Девушка долго мыла лицо в прохладной воде, брызгала в него водой, пытаюсь отойти от шока.

Костер перенесли в сторону, трупы снесли в лес, где трое пастухов копали общую могилу. Я отпустил Неилин к Элизии, где они и сидели, прижавшись друг к другу, нахохлившись, как воробьишки.

Немного в стороне эльф разбирал горку вещей, содранные без зазрения совести с мёртвых разбойников Егором. Оружие, деньги, всякие безделушки.

Вскоре в котелке снова закипела вода, мы отлили немного для чая, и засыпали в котел крупу.

Заварив девчонкам успокоительный чай, в который старый пастух сыпнул немного сон-травы (им сейчас точно кусок в горло не ползет), мы отправили их спать в дом. Бедняжки столько натерпелись за день, что тут же уснули, едва коснувшись головами подушки. Сон-трава помогла им не мучиться мрачными мыслями.

Плотно подкрепившись и обсудив все детали произошедшего, варианты упреждения подобных ситуаций, мы тоже засобирались спать. Два дежурных пастуха разошлись по своим постам — один — к воротам загона, другой — на противоположный край огороженного участка. Оставшиеся пастухи и слуги пошли рубить лапник, чтобы улечься на крыльце у дома, которое тянулось во всю длину строения.

Терен решил присоединиться к ним. Остальные, то есть мы, ушли в дом. За тряпичной занавесью спали девушки. Из-за подсыпанной травы им совершенно ничего не снилось, но от воспоминаний и переживаний им точно не отделаться. Мне было жаль их, но я ничего не мог поделать.

Немного погодя, уснули и мы. На сбившихся соломенных матрасах спать было жёстко,

так что и мне снились всякие мерзости, типа болотных кочек, камней под боком, или мусора, который слуги насыпали мне в постель.

Наутро я встал злой и помятый. Но стоило выйти на улицу, под лучи восходящего солнца, отражающегося в капельках росы на траве, противный осадок улетучился мигом!

Все, кто спал на улице, уже проснулся. Терен тащил охапку дров из поленницы за домом, под котелком, в котором булькала вода, горел веселый огонек, поедая вчерашние, положенные с ночи дрова.

Седой, по имени Сарон, помешивал деревянной ложкой варево, запах от которого стоял просто сногшибательный и слюновыделительный. Сегодня на завтрак у нас будет суп с мясом и грибами! Вдыхая его ароматы и истекая слюной, босиком пошлепал по мокрой траве к ручью, умываться.

От утренней прохлады по всему телу забегали мурашки. Я зашел по косточки в ледяную воду и ополоснул торс. Намочив голову, полностью пришел в себя. Сонливость и усталость как рукой сняло. Тело покрылось сиротами, и я побежал в дом. Отершись куском тряпки и натянув рубаху, намотав на ноги онучи, втиснул их в сапоги, направился к выходу.

Почти у дверей я столкнулся с Неилин. Отдохнувшее лицо, но опустошенные глаза. Уж очень сильно она пережила смерть людей, пусть даже и недоброжелателей. А во взгляде, брошенном на меня, так и вовсе читалось чуть ли не отвращение! Так, нужно будет провести разъяснительную работу, а то она, чего доброго, уйдет от меня! Но заняться этим нужно не мне, все равно от моих слов пользы, как с козла молока.

Когда все уселись на бревно, Сарон разлил в деревянные миски пахучий суп. Как раз против нашего места сидения, за широким полем высилась темная громада горы, на самом пике которой лежал снег. Под ней росли небольшие рощи лиственных деревьев. Запах чистого утра, аромат вкусной еды, блеск восходящего солнца на снежной вершине и запах костра, — идиллия! У всех сразу поднялось настроение. Даже Неилин заулыбалась.

— Спасибо тебе, граф! — сказал старый пастух.

— Да, — кивнул один из его подопечных. — Если бы не вы, кормили бы сейчас, каких-нибудь тварей или мух.

— Ну, или раскачивались бы на ближайшем суку, — довершил начатую мысль третий.

Все они с благодарностью склонили головы, прижав руки к груди.

— Ну, такой уже я есть, — немного сконфуженно произнес я. — Просто не в моей природе бросать своих людей в беде.

— Такому господину не зазорно служить и рыцарю ордена Жаворонка! — поднял указательный палец вверх Терен.

— Ну, наконец-то! — выдохнули все.

— Я обещаю обязательно вернуться!

И снова дружный, но теперь протяжный стон.

После благодарственных речей окружающих в мой адрес у Неилин потеплел взгляд. Теперь она уже не смотрела на меня, как на мясника или маньяка-убийцу. «Уф, как я вам благодарен за вашу благодарность!» — мысленно вскричал я.

После такого вкусного и плотного завтрака мы засобирались в обратный путь. Пастухи нагрузили на вьючных лошадей забитых овец и баранов. В качестве хоть какой-то охраны здесь оставалось двое слуг до тех пор, пока я не пришлю им замену.

Оказалось, у меня в графстве все не так гладко и спокойно, как я думал. Надо мыслить шире, а это — дополнительные затраты! Везде нужны деньги! Нужно срочно реализовывать

свои источники дохода, а то с такими темпами я быстро сяду на мель.

* * *

После того, как мы вкусили поздний обед, Терен засобирался. Вопреки своим обещаниям, я все же подарил ему коня, вернее, двоих. Он попытался отнекиваться, но я отмел все его возражения:

— Во-первых, я обещал коней только своим людям, а так как ты обещал вернуться, то ты тоже мой человек. Второе: твоей старушке-лошадке давно пора на заслуженный отдых, а то она переломится под тобой в твоём новом доспехе, а новый доспех, это — уже в-третьих. К нему тоже нужен хороший конь!

Хоть Терен и возражал, в его взгляде и движениях так и сквозила радость. Он обошел коня четыре раза, заглянул ему в ноздри, а потом прыгнул в седло. Смущенно улыбнувшись, он снова слез, попрощался со всеми нами, а потом поскакал к выходу из долины по направлению к тракту, ведя за собой на поводу вьючную лошадь. Вскоре его долговязая фигура скрылась с наших глаз за поворотом горы.

Устало откинувшись на подушки в кресле, граф эл Рези зябко поежился. Старые кости совершенно озябли. Поправив теплый плед на ногах, он снова спрятал руки под пуховое одеяло, которым укутался вверху. В его блеклых глазах мерцали отблески огня, горевшего в камине. Казалось, огонь, горевший в полутора метрах за чугунной решеткой, вовсе не давал тепла.

— Ох, уж эта старость... И не думал, что будет так тяжело! — вяло думал старик. — Как надоела жизнь!.. Одно хорошо: тело не болит. Былые раны иногда ноют и то только на погоду. Да и то не всякий раз! Вот бы и умереть так, без боли. Чтобы лег, уснул, и все. Вот только тело мерзнет сильно! Ой, как это неприятно! — снова поежился граф.

— Каснер! — слабым, чуть дрожащим голосом позвал эл Рези.

Каснер, не намного моложе своего господина мажордом, как будто ждал под дверью, когда его окликнут, тут же вошел немного шаркающей походкой, почти не слышной на толстых коврах, покрывающих пол. Ковры были выцветшими и истоптанными. Подойдя к креслу, Каснер поклонился.

— Каснер, ты же знаешь, я терпеть не могу церемоний! — немного сварливо заговорил граф.

— Да, господин! — склонил голову слуга.

— Каснер, мы уже слишком много времени вместе, чтобы до сих пор баловаться в этот придворный выпендрей!

Старик замолчал на некоторое время, как будто обдумывая следующую тираду, а потом продолжил:

— Каснер, если тебя не затруднит, согрей мне немного вина со специями.

— Сейчас распоряжусь.

Каснер еще раз поклонился и направился к выходу из малого приемного зала. Граф обреченно вздохнул, улыбнувшись последней выходке придворного.

— Как об стенку горохом! — произнес он, ни к кому не обращаясь.

Через некоторое время вернулся Каснер с подносом в руках. На подносе стоял медный кубок, украшенный рубинами, в который было налито вино, и фарфоровая пиала с курагой. Подвинув маленький столик и поставив его рядом с подлокотником кресла, Каснер выгрузил на него содержимое подноса. Снова поклонившись, мажордом тихо шел из комнаты.

Старик протянул руку и взял со стола кубок, не отрывая взгляда от огня. Сделав глоток, и подняв кубок на уровень глаз, залюбовался бликами огня на рубинах.

— Все в этом мире тленно и преходяще, — печально вздохнул граф. — Кто же задумывается об этом в молодости...

— Господин! — прервал его размышления крик от двери.

В комнату ворвался молодой парень с шевроном старшего солдата на плече.

— Господин граф! — снова крикнул солдат, падая на колени. — Беда, господин, беда!

Граф болезненно поморщился от криков, опустил кубок на стол.

— Что стряслось? И, пожалуйста, не кричи!

— Беда, граф. Кочевники идут! Что делать, господин!?

— Кочевники? — приподнял бровь старик. — Ты бредишь, юноша!

— Господин, их тысячи! Поверьте, это правда! — взмолился юноша. — Когда я выезжал из пограничной крепости, они готовились начать ее осаду!

— Ты пьян, юнец! — раздраженно крикнул эл Рези. — Степняки и с осадными машинами, — это бред! Выбросить его отсюда и всыпать десять плетей на конюшне, чтобы знал, как лгать!

— Но это правда! — закричал воин от дверей, когда его вытаскивали из комнаты два солдата из охраны барона.

А барон снова уставился на языки пламени в камине.

* * *

— Эрландо, есть свежие новости.

В комнату на втором этаже моего нового кабинета вошел Кален. Он был одет в зеленый запыленный костюм, когда-то белую, а теперь серую от пыли, рубаху и высокие сапоги. Длинный узкий меч и нож висели на боку. С ходу расстегнув ремень, на котором висели ножны меча, он отбросил его в угол, где меч, глухо звякнув, все же остался стоять в вертикальном положении, упершись верхней гардой в угол. Кален плюхнулся в кресло, стоящее перед моим столом, и закинул ногу за ногу. Я поставил перо в чернильницу, хрустнул пальцам, и, опершись локтями о стол, заломил бровь, ожидая продолжения.

— Короче, граф, полная задница у нас! — произнес эльф, потирая тремя пальцами нос.

— Что ж такое могло произойти, что ты пришел ко мне немывтый и небритый и сразу начал с нецензурщины, охарактеризовав ситуацию таким крайне негативным словом! — с улыбкой спросил я.

— Да нет, Эрландо, жопа, это слабо сказано! Это просто...

— Так, только тролльих ругательств тут не хватало! Ты нормально можешь сказать!?

— Короче, — Кален опустил ногу на пол, облокотился на колени, — кочевники осадили крепость Сарантай.

— Ну ни...чего себе! — закончил я. — И много их пришло?

— Тьма! Тысяч сорок, наверное!

— Мда... — теперь уже задумался я, скребя затылок.

* * *

Со дня отъезда Терена прошло около месяца. Через четыре дня я отправил своего епископа под надежной охраной с двумя сундуками золота и грамотами о передаче земли графа эл Солена.

Я был занят документами и нарезкой земли новоприбывшим крестьянам. Многие приходили с семьями и со всем домашним скарбом, а другие лишь с небольшим узелком за плечами, ведя за руку жену и малых детей, сидящих в платке на спине. Такими были в основном молодые семьи, родители которых — бедные крестьяне, не могущие дать детям ни земли, ни дома. А, после того, как многие прослышали о том, что граф Эрландо садит на

свои земли и даже дает подъемные, за прошедший месяц людей на моих землях значительно увеличилось. Теперь я мог поднять со своих земель девяносто три окружных, до этого было шестьдесят пять. И народ продолжал идти!

Вот и сейчас раздался стук в дверь, и дворецкий, просунув голову в приоткрывшуюся щель, с немым вопросом уставился на меня. Тяжко вздохнув, я кивнул.

За прошедшие дни мне настолько надоела фраза: «Господин граф, к вам переселенцы», и ответ: «Пусть войдут», что мы понимали теперь друг друга с полувзгляда.

В комнату вошел молодой парень в серых холщовых штанах, льняной рубаше и истоптанных ботинках на босую ногу. Рядом с ним стояла молоденькая девчушка, лат семнадцати, с округлым животиком, в белой блузе, синем сарафане и в поношенных ботиночках на ногах. Ее муж был ненамного старше её, лет двадцати с небольшим. Вот вам и новая молодая семья в моих землях.

— Господин, — заговорил парень. Молодые люди неумело поклонились. — Эээ... я слышал, что у вас можно немного земли получить...

Парень замялся, просто не зная, как себя вести и что говорить дальше.

— Все правильно ты слышал, парень, — кивнул я. — Если вы оседете у меня на землях, ты получишь лошадь, соху, топор, лопату, тямку, двадцать пять соток земли и золотой подъемных. Два года вы почти не будете платить дань, но и уйти со своих земель вы не сможете. Вы станете моими крепостными. Два года вы будете платить оброк в размере десяти процентов. Потом — стандартный оброк королевства, сорок процентов от собранного с полей, садов и водоемов. Давить податями не буду, так что вам решать.

— Спасибо, господин! — парень кинулся на колени и поклонился до пола. — Не предам господин, век помнить буду!

— Вставай, можешь идти. На кухне вас накормят, а дворецкий проведет вас на хозяйский двор, где вы получите все обещанное. Ваши земли будут у Северного Отрога, возле леса. Там колышками отмечено. Вам расскажут, как туда попасть.

— Спасибо, господин! — снова начал кланяться мой новый смерд, его беременная жена тоже поклонилась, насколько позволял живот.

— И еще один нюанс: ваши имена. — Я подвинул к себе толстую книгу, в которой было пока исписана только пара страниц.

— Ронег и Темилая, господин! — низко поклонился парень.

Внеся их в реестр на новом чистом листе, развернул книгу и сказал:

— Поставьте свои подписи вот здесь, а не умеете — нарисуйте крестик.

Парень с женой изобразили что-то жуткое и пугающее на странице, насадив пару клякс. Хорошо, хоть чернильницу не опрокинули.

— Да, чуть не забыл, — промокнув страницу, я выложил на край стола золотой кругляшок.

Парень взял его дрогнувшей рукой и тут же сунул его за щеку. Таких денег он сроду в руках не держал. Пятясь задом и кланяясь, они вышли из дверей.

— Да, интересно тут у тебя! — с улыбкой повернулся ко мне Кален, проводив крестьян взглядом. — Теперь они твои с потрохами!

— Знаю. Зато теперь они верные мне люди. Я люблю ничем не запятнанных, неискушенных, простых людей, без подноготной, которые не будут искать своей выгоды, не будут рыть под того, кто о них печется и кормит.

В общем, такие встречи и разговоры с новоприбывшими крестьянами происходили

каждый день, а иногда и по несколько раз на день. В целом, я был доволен. Чем больше я смердов приму, тем больше буду получать прибыли со своих земель. Но это будет только малая толика с тех доходов, которые я в будущем собирался получить. А вот нашествие кочевников меня совершенно не устраивало! Хотя, это с какой стороны посмотреть. На войне можно хорошо заработать, но данная война может докатиться и до моего графства, а это уже разорение. Поэтому ее нужно остановить как можно быстрее, задавить в зародыше, так сказать. Пока она не пошла дальше блокпоста в соседнем графстве. А если донесения верны и у кочевников есть осадные орудия, это уже становится сложнее. Сколы, живущие в шатрах и выращивающие скот, всегда воюющие на лошадях и с луками и не знающие толка в осадном деле, и вдруг имеющие при себе осадные машины, — значит, что-то изменилось. И в этом деле нужно разобраться, причем, чем скорее, тем лучше.

— Кален, у меня есть для тебя задание. Мне нужно разобраться, почему и зачем сколы в этом году хотят пойти дальше, а не ограничились разграблением поселений за крепостной стеной Сарантая.

Были такие, которые селились вне графства, чтобы не покупать землю. Конечно, они терпели убытки от набегов кочевников, много попадало в рабство, но люди все равно шли на свободные земли. Иногда они успевали укрыться за стенами крепости Сарантай вместе со своим скарбом, семьями и скотом, ну, а когда не успевали... В далеком будущем я хотел замахнуться и на Дикие Поля, но это в будущем. Сейчас у меня не было сил, чтобы укротить сколов, покорить или истребить.

— Хорошо, граф. Я займусь этим вопросом, для этого мне придется покинуть графство на неопределенное время.

— Это понятно, а как там успехи твоих учеников?

Следует отметить, что за последнее время Кален выбрал среди простолюдинов пятерых молодых парней, обучал их воинскому искусству, сделав из них помощников себе. Каждый из них получал пять серебряников в месяц, итого, ползолотого я тратил на егерей.

Молодые люди, почувствовав вкус денег, выкладывались по полной. Ведь получив только задаток — два серебряных и двадцать пять медяков, они поехали в графство у моря на рынок и купили себе одежду и разные нужные мелкие вещи. За два золотых можно было купить хорошего раба, за полтора — дойную корову. Золотой равнялся пятидесяти серебряным монетам, а серебряник — пятидесяти пяти медякам.

— Я думаю, справятся. Для кухни они добывают достаточно пропитания и регулярно совершают объезд пастбищ на предмет новых посягательств на твое имущество.

— Нужно будет еще поговорить с Кристой, поинтересоваться, как справляются нанятые слуги. Но это уже вопрос не к тебе. Ты съезди к Сарантаю, походи, послушай, выясни, что и как там. Я надеюсь, ты меня понимаешь.

— Конечно же, уж не маленький. Все в лучшем виде сделаю.

— Тогда добро, я тут по месту кой-какие дела улажу. И вообще, давно наступило время обеда, нужно сказать слугам, чтобы принесли еду в сад за замком. Хочу подышать свежим воздухом. Надоело сидеть в четырех стенах.

Выйдя из моего кабинета, мы направились в сад. Правда, садом он только назывался: молодым деревцам еще не один год расти, чтобы давать достаточную тень и прохладу.

В центре молодого сада, недалеко от фонтанчика, из которого била ключевая вода, стояла красивая беседка из темного гранита. По стенам беседки уже были развешаны длинные вазоны с яркими цветами, а по металлическому каркасу потихоньку плелся дикий

виноград.

Умывшись в фонтане и вымыв руки, мы уселись на скамьи за столиком и стали ожидать обед. Я приказал Кристе не беспокоить меня, когда у меня посетители, пока сам не позову и не прикажу накрывать. Поэтому, хотя было далеко за полдень, можно сказать, ранний ужин, нас никто не потревожил.

Вскоре слуги начали приносить подносы: утка в кислой капусте, вареная убоина, запеченные молочные поросята, гречка с грибами, копченая кумжа, кувшин отличного вина. Мы с удовольствием принялись за обед. Наши девочки давно отобедали и были заняты какими-то своими женскими делами, так что нам удалось откусать в мужской компании и в тишине.

— Ты когда планируешь выезжать? — спросил я эльфа, откидываясь на низкую боковую беседки, и кладя вилку на стол, зубцами вниз на тарелку.

— Завтра поутру. За неделю хочу обернуться, либо пришлю своего парня. Хочу взять кого-то с собою.

— Я тоже на днях уеду, хочу проехать, поговорить с Варламом и прошвырнуться в Лирнен. Все-таки, как-никак портовый город, можно послушать сплетни в кабаках и тавернах, возможно, прикупить пару рабов. Хочу насадить яблоневый сад. Как раз подходящую долину нашел. Еще было бы неплохо побыстрее решить вопрос о небольшой регулярной армии. Вернее, совсем крохотной личной армийки. Конечно, вооружённые крестьяне, это хорошо, но воевать-то они не умеют! Мало кто из них вблизи видел меч, не говоря уж о том, что держал его в руках! Так что этим вопросом тоже нужно озаботиться.

— Да, дел у тебя невпроворот, — печально вздохнул Кален.

— Ну, как говорится, назвался груздем — полезай в кузов, — развел я руками с видом полного сожаления на лице.

— Одно радует: скоро, недели через полторы-две, должен вернуться Егор. Я надеюсь, все пройдет так, как я запланировал.

— Стратег ты наш! Я был бы уверен, что нашествие сколов — это твоя работа, чтобы убрать старика с его графского кресла, если бы не знал, что ты с ним не договорился! — хохотнул эльф.

— Нет, мне это невыгодно, — покачал я головой. — Будут гибнуть мирные жители, а я хочу не разграбленное и разоренное графство, а земли, заселенные людьми, которые смогут приносить мне выгоду!

— При этих словах наш благородный рыцарь зашарил бы по поясу в поисках меча и начал бы выяснять, каким образом ты будешь получать выгоду! — снова засмеялся Кален.

— Да! — заулыбался я. — Может, это и к лучшему, что пока я становлюсь на ноги, его с нами нет, а то каждый день бы выслушивал нравоучения! И вконец задолбался бы объяснять свои поступки!

Эльф уже хохотал во все горло, да так заразительно, что к нему присоединился и я.

— А чего это вы здесь хохочете? — спросила Неилин, входя к нам в беседку. На ней было узкое светло-зеленое платье, дивные волосы, собранные в пучок, перевязанные зеленой лентой, были переброшены через плечо.

— Благо, хоть вы у меня адекватные, не обремененные благородством, которая не то, что переливается за край, а просто хлещет! Я бы просто сошел с ума и повесился на ближайшем суку! — сказал я, обращаясь одновременно и к эльфу, и к своему придворному врачу.

— Ааа! — понимающе закивала она, и ее звонкий смех колокольчиком зазвенел в пока еще редком саду.

— А куда ты девала Элизию? — поинтересовался, Кален, когда все немного успокоились.

— Да это все граф виноват!

— А я тут причем? — обиженным голосом спросил я.

— После того, как ты подсунул ей книги по разным растениям, мелиорации земель, с нею стало скучно! Она вечно где-то в облаках, о чем-то думает, ковыряется в земле и носится со всякими семечками, росточками, палочками-ковырялочками! — голосом, полным поддельной горечи заныла девушка, но было видно, что она переживает за подругу, и вместе с нею радуется ее успехам.

Правда, мне довелось уболтать Элизию перенести свои тренировки в домик невдалеке от замка, после того как она попросила у меня место для экспериментаторских посадок всякой всячины.

— А где же она сейчас? Надеюсь, не роет траншею для орошения земли и создания заводи для выращивания риса? — обеспокоился я.

— Да нет, вроде пока только читает, — улыбнулись Нейлин.

— Слава богу! — вздохнул я. — Кстати, сопровождать меня не хочешь?

— Ой, а куда? — радостно воскликнула девушка.

— Ну, сначала в Пригорное (так называлось селение, в котором мы познакомились), а потом, думаю, в портовый Кертен!

— Ой, еду-еду-еду! — обрадовалась девушка.

— Неужто так хочется потратить своих десять серебряных, что уже успела заработать? — неподдельная радость девушки вызвала у меня улыбку.

— А, что тут такого? — смутилась красавица.

— Да нет, ничего! Наверное, впервые столько денег заработала!

— Да я вообще, впервые деньги заработала... — проговорила Нейлин как-то невесело. — Нам с Марой люди кто чем платили...

Теперь причины смены ее настроения стали понятны.

— Я тут подумал, авансик в размере пятнадцати серебряных тебе не помешает... — заискивающим голосом проговорил я.

У девушки сразу просветлело лицо, а в глазах закружились кипы платьев и разных «очень нужных» вещей. Этим женщинам сколько ни дай, все равно будет мало! Кален с улыбкой наблюдал за нами, а когда девушка ушла собирать вещи для поездки в Лирнен, он картинно погрозил мне пальцем:

— Ну-ну, хитрец! — коварная улыбка сверкала на лице! — Продолжай в том же духе, и в скором времени у тебя может быть жена, только не слишком балуй!

— Нет, ну а что такого!? — деланно возмущился я! — Только смотри мне, молчи, а то еще обидится, и потом попробуй ее завоюй!

— Да ладно, ладно, я — могила! — все с той же миной произнес эльф.

Так что вместе с преданным и сообразительным егерем я заимел и хорошего друга. Он был веселый парень, с которым было легко и просто.

Элизия делала успехи в своих сельскохозяйственных изысканиях, так что это было также ценное приобретение, в хорошем смысле слова. Нейлин прочитала единственную книгу по врачеванию от корки до корки, и казалось, могла пересказать ее по памяти. О

«земле» нашлось немного больше, поэтому наша экспериментаторша... Ну, в общем понятно. Я надеялся, что осенью мои девчата с легкостью поступят в Академию Искусств, и дадут форы многим.

А наутро третьего дня мы отправились в путь. Сутки назад Кален в сопровождении двух учеников отправился в графство эл Рези, чтобы воочию убедиться в численности сколов, а не из рассказа какого-то мужика, который аж сюда добежал со своей семьей. Его словам можно было верить, потому что слова подтверждались слухами, но своим глазам веры больше, чем тем, что у страха.

К обеду мы добрались до Пригорного и направились в трактир «Усталый путник». Варлам, как всегда, сидел за стойкой. На этот раз перед ним лежала раскрытая книга, которую он медленно, по слогам читал вслух, водя пальцем по строчкам. Когда мы вошли, он дочитал предложение про какие-то «ка-ры-и-вы-ы-е ны-о-гы-и», и, смахнув пот с чела, загнув уголок страницы книги, закрыл ее и положил на полку в стойке. Но я успел прочитать на переплете полустертое название «Дон Жердин Малашнский». Книга была о глупом длинном рыцаре и его низеньком полном оруженосце.

— О, господин граф, рад вас видеть! Сейчас налью холодного эля! — засуетился здоровяк, наполняя кружки пенным напитком.

— Взаимно, Варлам, взаимно! — я сделал несколько глотков. — Я смотрю, ты увлекся прозой, читать научился!

— Ой, та то кухарка моя, все «давай научу да давай научу»!

— Ну, молодец, молодец, не тушуйся! — хлопнул я его по груди (до плеча было трудновато дотянуться). — Теперь не только деньги считать умеешь, а вон и книги читаешь!

— Я смотрю, вы сегодня с дамой, — немного смутился здоровяк.

— Угу, ты должен ее помнить, — улыбнулся я. Нейлин сделала небольшой реверансик.

— А как же, помню! — хлопнул по стойке ладонью бывший вояка. За его спиной стукнулись на полках друг о дружку глиняные и деревянные кружки. — Боевая у вас подружка!

Нейлин покраснела до корней волос, смущенно потупила взгляд.

— Есть предложение: перебраться всем дружно за стол, и, будь любезен — попроси подать на стол.

— Ой, простите, господин граф, совсем дурная голова! — засуетился хозяин. — Что ж я это так!?

Пока он ходил на кухню отдавать распоряжения и сгребать на стол все, что было съестного, мы устроились за столиком у окна. Краска уже почти сошла с лица молодой девушки, но встречаться со мной взглядом она не хотела. Вместо этого она разглядывала, цветущие деревья через мутноватое стекло. В это время появился Варлам с огромным подносом, нагруженным снедью.

— Просто я тоже еще не обедал, — оправдывался он. — И если граф не против, я составлю вам компанию.

— Почему бы и нет, буду даже рад! — я пододвинул ему стул, чем очень польстил трактирщику.

— Во какой у нас граф! — сказал он, подняв указательный палец, обращаясь к моей спутнице. — Я за него всех...! — огромный кулачище, размером с прелестную головку Нейлин, взмыл над столом.

— Да, он у нас классный! — подтвердила девушка, и снова зарделась.

— Какой? — удивленно приподнял бровь громила.

— Ну, такой — хороший, веселый и добрый... — объяснила та.

— А, ну да. Классный!

— Да что ты над дамой-то издеваешься? — обратился к нему я. В моих глазах плясали веселые огоньки. — Видишь, как ей неловко?

От моих слов девушка еще больше смутилась, поэтому, чтобы она успокоилась, я предложил вымыть руки и приниматься за трапезу. В холодной воде из ведра, только поднятого из колодца, Нейлин сперва умыла горящие щеки, а потом и руки, затем еще раз ополоснула лицо, брызнув в него водой, и пошла к столу. Я старательно вымыл руки и лицо соленой пенящейся глиной. Варлам дожидался своей очереди. Когда я закончил, он выплеснул грязную воду на траву, набрал свежей, и, опустив в нее руки:

— Что у вас с ней? — как бы невзначай спросил он.

— Да так, ничего.

— Ой, граф, да я же вижу, какие взгляды вы на нее бросаете, когда теряете контроль над собой. Да и она к вам равнодушна, — вновь выплеснув воду, он набрал ещё, ополоснул ведро, наполнил его свежей и поставил на крышку колодца, которым тот прикрывался, чтобы разный сор не падал в воду.

— Давайте вместо интимных вопросов интимно займёмся трапезой! Я голоден, как стая шакалов!

— Да, конечно, — улыбнулся хозяин трактира, и мы вернулись в зал.

Нейлин сидела, повернувшись боком к дверям, и разглядывала выцветший гобелен, на котором с ветки на ветку порхала какая-то яркая птичка, зажав ладошки между коленками. Я невольно залюбовался ее профилем. Девушка повернулась, и нам пришлось сделать вид, что мы только что вошли.

Принесли горячее. На столе благоухала еда. Он был уставлен подносами, на которых томились в специальном соусе почки заячьи в сметане, печень лосиная в лотках, заячьи пупки, зайчатина печеная, баранина в полотках, сельдь на пару, спинки стерляжьих, щучьи головы заливные с чесноком, запеченные окуни. Казанок, стоявший на дощечке у края стола, источал ароматы ухи из пескарей. И в довершение всего этого гастрономического великолепия в центре стола возвышался кувшин с ледяным вишневым компотом (здесь знали, что вино я предпочитаю компоты).

— Ох, и кухарка у тебя! Хвалю, хвалю! Прям глаза разбегаются, а желудок сводит спазмы от желания все сразу съесть!

При упоминании о кухарке взгляд Варлама потеплел и затерялся в пространстве, так что в скором времени можно было ожидать, что эту полненькую румянощековую женщину он назовет женой.

— Я к тебе вот по какому поводу заехал, — начал я, когда основная часть пищи была поглощена, а все, откинувшись на спинки стульев, смаковали компот. — Ты последние новости слышал?

Здоровяк кивнул:

— Да, и если все, что я слышал, правда, то...

— В том-то и дело, что, скорее всего, правда. Может, немного преувеличена, но правда. Ты у нас человек военный, и мне бы хотелось с тобой проконсультироваться. Я хочу нанять себе маленькое войско, не мог бы ты посоветовать мне своих знакомых?

— Надо подумать. — Варлам сложил руки на столе. — Это, смотря какое войско.

— Лучников да мечников, хоть и не ахти, можно выбрать и из смердов, а вот сотню кованой конницы, было бы неплохо.

— Да, действительно маленькое войско. Особенно, если в борьбе против сколов. Они же ее, как огня боятся!

— Верно мыслишь. Кованая рать — это тебе ведь не неповоротливые рыцари.

— Что ж, — промолвил Варлам, подымаясь из-за стола. — Сейчас принесу одну вещицу, покажешь ее одному человеку, и скажешь, что тебе нужно. Он поможет все решить.

— Вот и славненько. Я не ошибся, к кому ехать, — улыбнулся я, и, поднявшись из-за стола, протянул ему для пожатия руку.

Он охватил ее своей лапищей, а затем направился в свою комнату, находящуюся на первом этаже, недалеко от кухни. А мы с Нейлин вышли во двор, где нас уже ожидали накормленные и напоенные кони, а в чрезуздельных сумках лежали съестные припасы. Хозяйственная кухарка и без понуканий знала, что делать. Так что, получив от Варлама небольшой сверток, мы вскочили в седла, и через некоторое время я и мой придворный лекарь трусцой направлялись в сторону моря.

Расстояние было довольно приличным, так как между нашими графствами на протяжении трех дней пути лежали «ничейные» горы, вернее теперь уже мои, а потом еще полтора дня до Лирнена. По правую руку раскинулась равнина, если ее можно так назвать. Пологие холмы переходили в зеленые луга, а те, в свою очередь, в холмы. Среди этой зеленой, колеблющейся при порывах ветра пелены, простилающейся аж до самого горизонта, встречались кусты, группы лиственных деревьев.

Когда солнце склонилось на запад, садясь где-то далеко за бескрайнее поле, я решил остановиться на ночевку. Горы были в трехстах метрах от дороги, и наконец я нашел возле них подходящую ложбинку. Поляна, где мы остановились, была примечательна тем, что в ней, заканчивая свой путь, ручей, бегущий с гор, образовывал овальное озерцо. Совсем маленькое, где-то около шести метров в ширину и двенадцать в длину. Расседлав лошадей и стреножив их, я услышал покашливание за спиной:

— Ээээ... Ммм... Граф... — начала Нейлин, не зная, куда деть свои руки. — Вы не могли быыы... — она бросила взгляд в сторону озера.

— Спинку потереть? — с видом рабской покорности и готовности исполнить любую прихоть дамы на лице, спросил я.

— Ннет! — категорично заявила хозяйка покорного раба. — Я хотела попросить, чтобы вы отошли подальше, я хочу ополоснуться!

— Как скажете, госпожа! — закивал я. — Пусть будет по вашей воле!

— Тьфу, иди ты! — махнула она рукой, и пошла к сумкам за куском ткани, чтобы вытереться.

— Если что — зовите! — лицо моё излучало ну просто фанатическую готовность потереть спинку!

— Иди уже! — крикнула девушка, хихикнув.

Я отошел метров на двадцать от лошины, по дороге насобирав хвороста и срубив пару сухостоин. Усевшись на вязанку дров, я устремил свой взгляд вдаль, глядя, как на горизонте догорала алая полоска заходящего солнца. Настроение было откровенно разгильдяйское, и мысли текли в одном направлении: как бы подшутить над Нейлин!? Одна мысль была коварней другой, я даже похихикивал, представляя ее лицо. Но тут блаженную тишину вечера разорвал женский крик с той стороны, где я оставил девушку. Меня, как скат током

ударил! Я взвился над вязанкой, на которой сидел, через мгновение меч был у меня в руках, а я с багровыми выпученными глазами понесся вперед. Казалось, что сейчас в одиночку разнесу ту кованую конницу, которую собирался нанять. Когда я вырвался из кустов на поляну возле озера, Неилин сидела на другом берегу на корточках, обхватив руками колени, и смотрела в воду.

— Ччто сслучилось? — проскрежетал я, брызжа слюной и кровожадным взглядом обшаривая округу.

— Там жаааббаааа! — плаксивым голосом протянула Неилин.

— Жааабаааааа? — с идиотской улыбкой на лице уточнил я. — Елки-бревна! А ничего, что ты голая?

Последнее было произнесено ядовитым голосом и с саркастичной улыбкой. Через секунду раздался истерический визг и плеск рухнувшего в воду тела. Когда над водой появилась голова, Неилин застала меня, деловито стягивавшего сапог с ноги, второй уже валялся в траве, а когда с ним было покончено, я взялся за ремень.

— Ты чего делаешь? — дрогнувшим голосом поинтересовалась она.

— Ну, ты же звала, вот и лезу тереть спинку! — серьезнейшим голосом заявил я, шмякнув меч рядом с сапогами. Очередной визг и ураган брызг в мою сторону, но я уже, хохоча, улепетывал назад к вязанке топлива для костра, подхватив сапоги и ножны с мечом под мышку, ехидно хохоча. Ну, совсем, как дитя малое!

Да, вечер удался! А вот ночью эротические грезы мне обеспечены! Неилин вышла из-за деревьев посвежевшей, с мокрыми, рассыпанными по плечам волосами и укутанная в тряпицу, заменяющую полотенце. Взглянув на меня, она быстро отвела взгляд, а щеки ее зарумянились.

— Ну, теперь моя очередь окунуться! — деловито заявил я, поднимаясь. — Так что, если у вас пробудится желание... — я печально вздохнул и отправился купаться, перекинув через плечо полотенце и помахивая котелком. А когда вернулся, холодные закуски были уже аккуратно выложены на чистую тряпицу. Оставалось только забрать хворост, вернуться к нашим вещам и котелку, наполненным водой, и сварить каши.

Вернувшись на поляну, я сложил ветки юртой, развел огонь и повесил над ним котелок. Подогнув ноги, уселся у костра, временами поправляя дрова. Неилин нанизала на ветку кусок колбасы и жарила ее над огнем, временами отбрасывая прядь, спадающую на глаза. Когда вода закипела, она зачерпнула две кружки кипятка, а в оставшуюся воду всыпала пшеничную крупу. Бросив по щепотке мяты в чашки, села на землю, выставив перед собой полусогнутые ноги. Наши взгляды встретились, и некоторое время мы смотрели друг дружке в глаза.

— Не смотри на меня так, — отведя взгляд в сторону, застенчиво попросила меня.

— Как, так? — моя улыбка была похожа на улыбку пятиклассника, который впервые пошел на свидание, и теперь жметесь, не зная, как признаться в любви.

— Вот так! Так, как ты смотришь!

А потом, мы... Просто играли в гляделки. Она, краснея и смущаясь под моим взглядом, готовила вкусное варево, быстрым движением откидывая челку с глаз.

Каша, наконец, сварилась и допрела под крышкой, а мясо поджарилось. Неилин сняла котелок с треноги, кинула на вареную крупу шкварчащий кусок мяса. Нарезав его кубиками, де вушка перемешала варево ложкой и рассыпала по алюминиевым мискам. Белый хлеб с сыром, холодный мятный чай и миска горячей жирной пшеничной каши с мясом. Треск

костра и шум деревьев, небо, озаренное звездами. Романтика!

За моей спиной хрустнула ветка, и через секунду... Шелест извлекаемого из ножен меча и голос, полный обиды и слез:

— Не, ну вы чего! — шмыг носом. — Мало того, что не приглашают, так еще и голову отрезать норовят! Голодного, беспомощного и слабого человека!

Кален пальцем отодвинул от горла режущее острие меча.

— Ой-ой-ой! Кто бы говорил! Во-первых, ты квартерон, а насчет «беспомощного», тут вообще три «ха»! — сказал я, пряча меч в ножны.

— Вот гадство, и про квартерона знает! — типа обидевшись, заявил эльф, присаживаясь на траву, скрестив при этом ноги, накладывая себе кашу на три листа лопуха, которые послужили ему вместо миски, а заодно для того, чтобы горячей кашей не обжигало руку. Ложку он выудил из кармана.

— А ты куда лошадь девал? Из зарплаты вычту! — деланно возмутился я.

— Да где-то с вашими коняшками бегают! А седло в кустах, поем, принесу.

— Ну, что там за новости? — я подсел ближе к огню. Нейлин отряхнула штаны от крошек хлеба.

— Та блин, говорю же, поем — расскажу!

— Ты жуй, жуй! Не отвлекайся!

— Та ну бревна-дрова, сколько можно! — эльф в отчаянии хлопнул рукой по коленке.

— Все, все, молчу!

Калин с аппетитом поглощал кашу, а мы с Нейлин быстренько смотались, ополоснули, она — опустевший котелок, а я — чашки с ложками, и снова уселись у огня, хрустя печеньем, и запивая его компотом.

— Короче, так, — эльф вытер тряпицей рот и руки, сделал глоток компота, и, вытянув перед собой ноги, упершись руками в землю за спиной, начал:

— Короче, дело было ночью... Темной... Он мягко берет за жо... — вкрадчивым шепотом поведал Кален....

Многозначительная пауза...

— Так, о чем это я?

— Блин, убью сейчас!

— Да сиди ты и слушай! Не перебивай! Значит, взял он ее за жо... Не перебивай, говорю! За жесткую ткань, куртку-то свою, одевает, значит, берет фонарь и выходит из караулки на башне. И, значит, смотрит в поле, а оно шевелится. Он так немного фонарь приподнимает над головой, не знаю, что он хотел разглядеть таким способом. А тут стрела трень о камень возле головы, а вторая: швырк в мышцу, что от шеи к плечу идет...

— Это трапеция — подсказала Нейлин.

— Да, трапецию пробил и дальше полетела.

— Ну, блин, и начало у тебя!

— Кому какое, — зыркнул на меня эльф. — Мне и Нейлин, надеюсь, нормальное, а вот тебе... Каждый судит в меру своей распушенности!

Нейлин захихикала.

— Приколист доморощенный. Рассказывай, что там дальше.

— Фонарь из руки выпал, он смотрит — а под башней их море перекатывается, голов в смысле. Там их на конях уйма. Ну, часовой рану рукой зажал, пригнулся, и к сторожке.

Схватил другой фонарь, и с дверей метнул его в кучу дров просмоленных. Фонарь разбился, масло потекло, полыхнуло так, что!.. Можно было во всей красе разглядеть, что делается под башней. Вернее, под высоким утесом, на котором она стоит. Там и катапульты на возах, и баллисты с таранами...

— Вот это жесть! — выдохнул я.

— Та да, подготовка у них хорошая! Говорят, что ими, в смысле расчетами осадных машин, руководит какой-то белый. В смысле, не узкоглазый склот.

— Это уже интересней, — поскреб я подбородок. — Начинать войну против Нарании, которая еще не империя, но стремится в нее войти, и это произойдет со дня на день... И идет она в империю для того, чтобы ограничить и обезопасить себя именно от таких конфликтов!

— Да, что-то тут загадочное, — кивнул, Кален. Нейлин молча слушала, переводя взгляд попеременно то на эльфа, то на меня.

— Не стоит забывать, что горный хребет дальше расходится, отделяя Дикие Степи от Желтой Пустыни. В наше королевство и оттуда всякие лезут. И раньше больше опасности исходило именно оттуда, а теперь еще и кочевники. Так что теперь наш король бешеными скачками понесется к императору, умоляя его поскорее прибрать нас в империю. Уж лучше быть царем одной из областей империи, чем правителем разграбленной страны. Будет счастье, если еще живым правителем! Я думаю, так далеко не зайдет, в смысле разграбленного королевства и мертвого царя.

— Надежда умирает последней! — улыбнулся Кален. — Только вот как ты собираешься заполучить тогда графство эл Рези, ведь если оно освободится, император захочет усадить своего ставленника!

— Такая вероятность есть, конечно, но я думаю, обойдется. Хоть и империя, но царство все же другое.

За нашими длинными и скучными разговорами мы и не заметили, как исчезла Нейлин. Оглядевшись по сторонам, мы обнаружили ее спящей на медвежьей шкуре недалеко под кустом. Разложив шкуру, она засунула под нее сумку, и, уложив на эту импровизированную подушку свою прелестную голову, мирно посапывала. Рядом с ней лежал плащ на случай, если будет холодно, хотя в это время года, когда заканчивается весна, а скоро начало лета, это сомнительно. Во сне девушка притянула плащ к себе, обняв правой рукой и обвив ногами. На ее личике читалось полное умиротворение и даже радость, немного приоткрытый рот обнажил ряд ровных белых зубов.

— Что, завидуешь? — с подстебом поинтересовался эльф.

— Кому?

— Кому, кому, плащу конечно!

— Тьфу, да иди ты! — отмахнулся я. — Ложись спать, я подежурю.

— Ну-ну! — хохотнул тот, и, завернувшись в свою накидку, улегся прямо на землю с противоположной стороны костра от Нейлин и отвернулся к кустам.

Вскоре послышалось его глубокое ровное дыхание, а я так и сидел, рассматривая спящую девушку.

— Тьфу ты! — тихо ругнулся я, дав себе пощечину.

Кажется, я так и уснул, вперившись взглядом в губы девушки. Как же мне хотелось подойти и поцеловать ее. По-моему, я даже облизывался, но это мог быть сон. Часовой,

блин! Спал я чутко, и поэтому меня разбудил какой-то неясный шорох, который вскоре затих. Я вновь задремал, сложил руки на согнутых коленях, уронил на них голову и сделал вид, что захрапел. Из-под прикрытых ресниц (голову я уложил так, чтобы не было видно моего лица), я мог наблюдать за событиями, происходящими вокруг. Сзади сопенье Калена на мгновение прервалось, а потом снова выровнялось. Он тоже, видимо, не спал, как и я, насторожившись.

Шевельнулась ветка куста, возле которого спала Нейлин. Из-за него выскользнула рука и зажала девушке рот. А потом появился и обладатель руки с грязью под ногтями. Девушка, спросонок не понимая, что происходит, попыталась вырваться и что-то мычала, но похититель второй рукой подхватил ее под мышки и начал тянуть в кусты.

Моя рука мгновенно слетела с колен, ухватилась за рукоять меча, а вторая оттолкнулась от земли, помогая телу вскочить. Вжикнула стрела, и я понял, что эльф оказался быстрее. Но в следующее же мгновение я отбил стрелу, которая предназначалась уже эльфу.

— Вот, с-сука! — выругался эльф и выпустил еще одну стрелу, и к крику первого разбойника, которому стрела эльфа с чвакающим звуком и противным хрустом вошла в колено, добавился второй. Но первый крик почти сразу стих, так как бандит потерял сознание, а второй продолжал орать дальше. Нейлин сидела на земле, словно оцепенев, и потирала щеку, расцарапанную обгрызенными ногтями.

Наступив лежащему человеку на живот, я прошел за куст и хладнокровно заколол орущего. Эльф, матерясь, бросился в заросли, и через секунду я понял причину его действий: послышалось испуганное ржание лошадей и глухие удары копыт. С перепугу конокрад забыл распутать ноги лошадям, и теперь бешено колотил лошадь пятками. Кален с кровожадной улыбкой натянул тетиву до упора, казалось, что сейчас или лук треснет, или тетива лопнет, и отпустил стрелу. Она вошла между лопаток и, пробив человека навылет, улетела вдаль. Тот кулем рухнул под лошадь.

* * *

Мы собрали разбежавшихся лошадей, тело убитого стрелой между лопаток бандита оттянули в маленький, глубиной метра полтора, овражек. Забрали его сумку, которую он уже успел приторочить к седлу, да и не только его, там висели сумки всех грабителей: видимо, они были уверены в своей удаче. Когда мы вышли на поляну, Нейлин сидела возле преступника с раздробленным коленом. Он слабо стонал, пот лился с него ручьями.

— Я немного обезболила ему ногу и смазала мазями, но он потерял много крови, — с побледнев на лице, оправдывающимся голосом сказала девушка. — Но ходить хорошо он все равно больше не сможет. Всю жизнь будет хромать.

— Ничего. Зато теперь будет всю жизнь помнить, — без всякого сожаления сказал эльф.

Нейлин взглянула на него. В ее взгляде читалась борьба сочувствия к раненому и ненависти к торговцу людьми. Ну а кем еще его можно назвать, если он хотел похитить девушку? Ну, конечно, есть и другие варианты, зачем она им понадобилась, но все же я склонялся больше к первому.

Наступил рассвет, спать уже не хотелось, да и какой тут сон после всего произошедшего! Эльф сходил к озеру, набрал в котелок воды и смыл кровь с травы. Второго

убитого мы положили рядом с первым, засыпали их землей, навалили камней и присыпали ветками, чтобы зверье не растащило.

Нейлин кипятила в котелке воду, собираясь варить уху, а пленник, все еще без сознания, лежал под кустом. Ведь теперь он уже не мог удрать. Светло-коричневые засаленные волосы, скатанные в колтуны, прыщавый, перебитый нос, вонючий рот с выбитыми передними зубами (все оставшиеся были век не чищенными, да к тому он курил табак...) Грязная, засмоктанная борода, очевидно, он любил сгребать ее в горсть и пропускать через кулак. Я презрительно сплюнул: тьфу, блин, ну неужели нельзя хотя бы мыться? Ну, разбойник ты с большой дороги, но зачем, же ходить-то в рванье, если можно разжиться и нормальными шмотками, снятыми с телег купцов, в крайнем случае, даже с трупов!? Вот один из парней, которому эльф всадил стрелу между лопаток, был одет очень даже ничего. Опрятный, вроде как даже пах туалетной водой... А это пугало? Мерзость!

— Ничего, там, где будет его новое жилье, много не помоешься... — сквозь зубы проговорил я.

— О чем это ты? — поинтересовался эльф.

— Неважно, — я искоса глянул на Нейлин. — Не место и не время. А этого, как поедем, грузи на свою сменную лошадь, и тащи в мой замок. Пристроишь его в казематах. Он сам выбрал свой путь.

— Мугу, — кивнул Кален. — Есть у тебя какие-то планы, насчет него?

— Работа и только работа сможет смыть грехи, тяготящие его грешную душу!

— Что ж это за работа-то такая, чтоб ее убийце и вору можно было доверить?

— А ты сам-то подумай. Мы где живем?

— Ага, камен... — заикнулся егерь.

— Тссс! — цыкнул я на эльфа. — Я же сказал, при девушке — ничего! И вообще, никому ничего. А место его ПМЖ ты почти угадал.

— Ох-хо, неужели...?

— Если ты думаешь о том же, о чем и я, то да.

— Тын, тын, тын... — Кален сделал движение сжатыми кулаками, в которых было что-то «зажато», как будто он что-то забивает, но двигал он руками так, чтобы никто не увидел.

— Да, да, — подтвердил я. — Сколько ж денег можно тратить, кубышка не бездонная! Я тебе не дракон, который спит на потомственных сокровищах!

— А я уж было заподозрил! — хохотнул эльф.

— Так что нужно будет купить рабов. А также ими можно будет разжиться, захватив сколов. Я пока что хочу тихонько начать копать гору, а когда уже наладится добыча, можно будет и во всеуслышание заявить о...

— Я понял твой гениальный план! Набег сколов, а дальше, — свергнуть деда, получить графство, и кучу рабов!

— Не, ну ты нормальный человек? — я покрутил пальцем у виска. — Я что тебе, зверье какое-то?

— Та чего, заставляет призадуматься! — захихикал эльф.

— Я тебе!.. Так, все молчим!.. — последнюю фразу я сказал уже шепотом, так как нам приблизилась Нейлин:

— Мальчики, кушаем.

Она вручила нам по тарелке горячей ухи и вернулась к костру за хлебом и овощами.

— Ммммм... — закатил глаза эльф. — Вкуснооо!

— Ты как всегда наварила вкусняшку! Ну, просто объедаешь! — добавил я.

— Ой, спасибо... — смутилась девушка.

Поев, я вместе с Каленом усадил, привязав к крупу лошади, уже очухавшегося и вовсю матерящегося бандита. Дабы не выслушивать поток этой грязи, ему запихнули в рот кляп. Эльф, попрощавшись с нами, повернул на север. А мы упаковывали вещи, собираясь двигаться по дороге на юго-запад.

— А что с этим будет? — поинтересовалась Неилин.

— Будет искупать свои грехи перед человечеством!

— А. А что будет делать?

— Время покажет. Лес валить, поле пахать, увидим, занятий придумать можно много!

— Да... Бедный. Тяжело ему будет... — как-то взгрустнула девушка.

— Нужно было думать, перед тем как идти на дорогу! А лишить человека жизни, грабить, насилловать, ему было легко! — возмутился я. — Ты хоть понимаешь, где ты сейчас могла бы быть?

А вот этого говорить не следовало. Мда, в порыве ревности, оправдывая свои поступки, я сболтнул лишнее. Возраст так и не научил меня держать язык за зубами. А ревность кольнула меня из-за того, что она пожалела какого-то гнусного негодяя!

— Ой, прости, я не то ляпнул! — попросил я девушку, накрывая своей ладонью ее ладошку. Она обхватила себя руками за плечи, уставившись перед собой.

— Ну, болван я, грубый неотесанный мужлан!

В ее глазах блеснули слезы.

— Во я идиот! — сокрушенно сказал я и притянул девушку к себе. — Ты меня простишь?

Что-то я становлюсь нюней и размазней! Но мне очень хочется загладить свою вину перед девушкой!

— Нет, ты прав. — ответила она. — Они бы меня изнасиловали, а потом убили бы или продали в рабство...

— Я бы этого не допустил! — с жаром заверил я.

— А если бы и тебя убили? — всхлипнув, спросила она.

Тьфу, болван! И кто меня за язык тянул, спрашивается?

— Есть Кален. Он бы спас, — я нежно провел пальцем по царапине, которая вспухла на нежной коже ее щеки. — И давай больше не будем о плохом! Пожалуйста! Ведь все обошлось!

— Угу.

— Ты бы лучше полечила свою щечку. А то больно на тебя смотреть!

— Ой, я забыла. И тебя тоже нужно.

Она намазала соленой мазью царапину у себя на щеке, а потом и мне на лбу. Я и забыл, что когда побежали за третьим бандитом, я расцарапал себе лоб обломанной веткой. Когда она прикоснулась к моему лбу, я ощутил приятный холодок и легкое покалывание.

— Спасибо тебе, Неилин, — я заглянул ей в глаза.

— Не за что, — девушка отвела взгляд в сторону. — Ведь это моя работа!

— О да, и вы отлично с ней справляетесь, придворный лекарь! — улыбнулся я.

— Спасибо... — смущению девушки, казалось, не было границ.

— Ну что, может, продолжим наш путь? — спросил я, легко вскочив с земли, на которой мы сидели.

— Да, конечно! — обрадовалась она тому, что завершилась такая щекотливая ситуация.

Наши сумки были уже приторочены к седлам. Окинув на прощание поляну взглядом, мы выехали на дорогу и двинулись в путь. К обеду закончилось мое графство. А через два дня мы выехали на холм, с которого был виден город, раскинувшийся в пяти милях от нас, который был прекрасен на фоне голубого моря. Это был Лирнен.

Возле города пахло морем и гниющими водорослями, слышался крик чаек. Мы подъехали к городским воротам с такой стороны, где почти не было путников. Так, с десятков мужицких телег да пару верховых, а вот к северо-западным воротам выстроилась большая очередь. Приблизительно через сорок минут, заплатив въездную пошлину, мы попали в город и окунулись в шумную толпу.

Вокруг нас высились каменные дома с черепичными крышами, виднелись улочки, ровно в длину копыта всадника, как и во всех старинных городах, но от северо-западных ворот и до порта тянулась широченная главная улица, проходящая мимо базара, который разместился в сорока метрах от пристани, почти у самой крепостной стены. На прилегающих улицах народу было поменьше, но все равно, по сравнению с моей глушью, это была толпа, и мне здесь было неуютно. Мы пробрались к таверне, стоявшей неподалеку от главной площади, которая называлась «Дранный сапог», что и было изображено на вывеске.

Это было заведение среднего класса, тут не было излишнего шика, но и пьяных вонючих моряков, которые перепились дешевого эля или рома, здесь не было. Когда мы въехали в открытые ворота «Сапога», навстречу нам поднялся опрятный мужчина, перед этим сидевший на скамейке под деревом с густой кроной. Недалеко от дерева был вырыт колодец, около которого стояло корыто, наполненное доверху водой. Двор был вымощен камнем.

— Добрый день. Я конюх, можно ваших лошадей? — вежливо поинтересовался он.

— Да конечно! — я спрыгнул с лошади и помог спуститься даме. Передавая поводья конюху, я незаметно вместе с ними вложил ему в руку серебряшку.

— Будете останавливаться у нас, или вы только перекусить? — поинтересовался конюх.

— Наверное, проживем пару дней, — ответил я.

— Тогда ваша поклажа будет в одной из лучших наших комнат!

— Хорошо, спасибо вам за заботу.

Мужчина низко поклонился, а мы, вытащив из сумок кошель, направились в здание, вход в которое находился немного выше уровня земли, и попасть в зал можно было, поднявшись на крыльцо, преодолев четыре ступенькам. Крыльцо было увито плющом, по углам стояли каменные газончики с красными цветами.

В зале, размером девять на двенадцать, царила приятная прохлада и стоял легкий полумрак: свет лился из окон, застеклённых разноцветными стеклами. Лакированные столики из светлого дерева стояли в три ряда, четыре из пятнадцати столиков были заняты. В зале не было шума и криков, двое сидевших тихо разговаривали между собой, перемежая разговор трапезой. Мы с Нейлин сели за третий столик у стены, возле двери. На нём стояли две баночки с солью и перцем и вазочка со свежими цветами.

К нам тихо подошла девушка из прислуги, зеленый ковер на полу скрадывал шаги.

— Здравствуйте, что будете заказывать?

— А что вы можете приготовить? — спросил я служанку.

После оглашения списка я заказал холодный борщ с бычками в томатном соусе, картофельное пюре, акулий плавник, салат из свежих овощей, пшеничный хлеб и кувшин холодного малинового компота. Нейлин попросила подать ей то же. Затем мы сняли две комнаты на три дня. Пока готовили горячее и резали салат, мы разглядывали посетителей. Через два столика от нас сидел черноволосый, коротко стриженный мужчина в дорогом

черном камзоле. Рядом на стуле лежала его шпага. Дорогие ножны, рукоять из черного дерева, серебряная гарда с драгоценным камнем в верхнем углу. Это была плоская шпага, которой можно наносить не только колющие, но и рубящие удары. На чаше, прикрывающей пальцы, были видны несколько помятостей и царапин. Голубые глаза, аккуратная, коротенькая, узко выбритая борода с усиками. Загорелое и обветренное морскими ветрами лицо выдавали в нем моряка, а вот дорогая одежда — капитана корабля.

Другие двое — два мрачных типа, сидящих невдалеке от него, в другом конце зала, у двери, ели маленькие жареные кусочки мяса, запивая их элем, лениво переговаривались между собой. По бросаемым на морского волка косым взглядам можно было понять, что у них есть к нему какое-то дело. И вряд ли капитану хотелось его решать. Интересно, чего они от него хотят?

Третий стол занимал толстяк. В нем можно было опознать купца, а по блюдам, расставленным перед ним, ценителя вкусной пищи.

Ну, а за четвертым спал молодой парень со светлыми волосами и аристократичными чертами лица, которое выражало такое горе, что самому хотелось заплакать. А количество пустой тары, которой был уставлен весь стол, не давало повода усомниться в том, что он действительно спит.

Еду подали достаточно быстро, и мы, плотно подкрепившись, поднялись в свои покои, где уже лежали наши сумки, Нейлин, сославшись на усталость, ушла спать, а я, быстро ополоснувшись в большом деревянном тазу с теплой водой, переоделся и, заперев дверь, перевернул висящую белую табличку на другую, красную сторону, что означало: не беспокоить. Прюделав это, я тут же выпрыгнул в окно.

Я мягко приземлился в траву под окном. Перелезши через забор, я устроился недалеко от ворот, запирающих вход на территорию таверны, и стал ждать.

На улице уже смеркалось.

* * *

Когда стемнело, дверь таверны открылась, и из нее вышел моряк с блондином. Капитан придерживал его под руки, а тот, опираясь на его плечо, заплетающимися ногами брёл рядом, что-то с жаром доказывая своему спутнику. Вскоре они вышли из ворот, и стало слышно, о чем тот говорил.

— Редго, зачем ты меня ведешь на корабль! Почему ты не даешь мне пить? — всхлип. — Я хочу упиться, чтобы забыть ее! А на корабле ты не дашь мне это сделать!

— Конечно, не дам! И пошли быстрее, перестань жевать сопли!

— Но, Редго, она ведь ушла от меня! И я не верю, что это она забрала все деньги и векселя! Ее подставили!

— Придется поверить, парень! И вообще, я устал тебя ждать! — зло сказал моряк, и одним движением вскинув пьяницу себе на плечи, быстро пошел в сторону, противоположную порту.

Из дверей выскочили те двое, которые следили за капитаном, и выбежав за ворота, остановились в растерянности. На секунду остановившись и оглядев окутанную тьмой улицу, они разбежались в разные стороны. Я двинулся в тени домов и деревьев за тем, который направился в сторону ушедшей парочки. Отойдя немного от входа в таверну, я присел за

кустом. Вскоре послышался свист первого, и второй преследователь вернулся, пробежав мимо меня. В его руке что-то тускло блеснуло. Поднявшись, я тенью бросился за ним и, догнав на ходу, резко ударил по голени ноги, которая в этот момент была сзади и уже оторвалась от земли для перемещения вперед. Естественно, он такого не ожидал, да даже если и ожидал, остановить движение ноги и не дать ей зацепиться за вторую было невозможно. Он даже сгруппироваться не успел, слишком велика была скорость, да и неожиданно все это! Он выставил перед собой руки, хотя это движение было слишком запоздалым, ободрал до крови ладони и лицо, а также разбил локти и колени. Его длинный узкий нож выпал из руки при падении, и метра четыре кувыркаясь и подпрыгивая на стыках камней, пролетел вперед. Подтянув ноги и сев на пятую точку, он ошалело растирал по лицу кровь и с какой-то детской обидой смотрел на свои руки.

— Гильдия воров, говоришь? — спросил я, опускаясь перед ним на корточки и рассматривая только что подобранный нож. — Что ж вы убийц-то не попросили с ним разобраться?

— Они уже с ним разобрались, — зло сплюнул в сторону кровь вор.

— Ах да, твой дружок! — я коротко ударил рукоятью его кинжала в висок и оттащил потерявшего сознание парня в кусты. Связав лежащего его же ремнем, снова бросился вдогонку. Через несколько улиц послышался звон клинков и сдавленная ругань. Капитан отбивался от убийцы шпагой, держа ее левой рукой, правая у него свисала плетью.

— Все демоны бездны, второй пришел! — вскричал он, из последних сил он, отбивая удар короткого, сантиметров сорок длины, узкого меча, которым орудовал убийца. Убийца ко мне он даже не обернулся, поэтому даже удивиться не успел, когда его голова отделилась от плеч.

— Ты чего? — удивился капитан, наводя на меня шпагу, острие которой заметно дрожало. Вымотался он изрядно. Да и крови потерял достаточно (при ближайшем рассмотрении с правой стороны груди я увидел торчащий нож, который проткнул грудную мышцу и оцарапал ребра. Дорогой камзол был пропитан кровью).

— Не переживай, хотел бы тебе зла, позволил бы им тебя убить! — спокойно сказал я, вытирая свой клинок об одежду убитого.

— Действительно! — выдохнул кэп, державшийся из последних сил, и тут же съехал спиной по стене, оставляя кровавый след, и упал на своего спящего товарища.

— Эй! — тихо позвал я его. — Только умирать мне тут не вздумай!

Оттащив его в скверик, находящийся как раз за углом дома, под которым происходило сражение, сюда же приволок и его товарища.

Вынув нож и разорвав на нем камзол и рубаху, я начал рассматривать раны. Да, плохи дела. Колотая рана живота, скорей всего, прыгнул с того самого короткого меча, ну, а с рукой все понятно. Разорвав его рубаху на полоски, как смог, перетянул раны и, оставив все как есть, понес парня назад, в трактир. Конюха у ворот уже не было, аллея, ведущая к главному входу, не освещалась, лишь у входа тускло светили два масляных фонаря. Моряка я нес на руках. Пинком открыл дверь и внес его в уже пустой зал. Уложив раненого на стол, крикнул высунувшейся заспанной кухарке, чтобы та нагрела воду и кинулся на второй этаж.

Здесь меня ожидал еще один сюрприз: спящая около двери моей комнаты Нейлин. Рядом стояла ваза с фруктами и кувшин с неизменным компотом.

— Дорогая, — шепотом позвал я ее, коснувшись губами ее носика, — мне нужна твоя помощь! — и, когда она открыла сонные глазки, добавил:

— Очень срочно!

Я протянул ей руку, помогая встать. Она по инерции побрела за мной, но когда мы вышли на свет лампы, висевшей на стене перед лестницей, испуганно закричала. Дело в том, что весь я, да теперь и ее рука были в крови.

— Тише, перестань, это не моя кровь. Там человеку внизу плохо! — сказал я, зажимая ей рот рукой.

Все же постояльцев мы разбудили. Но, слава Богу, то ли сейчас на них был не сезон то просто так сложилось, однако в коридор вышел только толстый купец. Увидел он, правда, только наши спины, когда мы спускались вниз, но ему все равно было интересно, что же произошло.

Кухарка сидела на стуле возле миски с водой и обмахивалась платком. Когда мы, наконец, спустились в общий зал, парень уже еле дышал. Под столом собралась уже изрядная лужа крови.

— Ой, мамочки! — вскрикнула Нейлин и прижала пальцем вену на шее. — Сердце уже еле бьется! Мою сумку принеси быстрее! — крикнула она мне вдогонку, потому что я на пути в её комнату. — Мне горячее вино быстрее несите!

Когда я принес сумку с лекарствами, Нейлин начала вытаскивать оттуда всякие мешочки с травками, порошочками и целыми сушеными листьями каких-то трав или растений. Залив кипящим вином раны на животе и грудной клетке, начала засыпать их каким-то целебным порошком, который, взаимодействуя с выступающей кровью, пузырился и шипел, а кровь запекалась и сворачивалась. Промыв с помощью этой процедуры раны и наложив на них листочки, размоченные в миске с теплой водой, туго перемотала их чистыми полосками холщовой ткани.

— Внутренние органы не повреждены, ему только проткнули шкуру, — сказала Нейлин, моя руки и лицо в тазе с теплой водой.

— Ладно, ты лечи его, а я за другими схожу.

— Да сколько их там!?! — перепуганно спросила моя знахарка, а кухарка еще резвее замахала платочком. Толстяк за столом заинтересованно уставился на меня.

— Остался ещё один, и тот, скорее всего, просто пьян.

В комнате раздался вздох облегчения.

По дороге заглянув к своему «пациенту», я обнаружил вора в сознании, усердно пытающегося вырваться с пут.

— А теперь давай мы более спокойно поговорим. Что вам понадобилось от тех парней?

— Разбежался и сказал! — с ухмылкой ответил он мне. — Уиии!

Я больно ударил его тыльной стороной ладони по губам.

— Ты невежливо разговариваешь! Говори лишь то, о чём я тебя спрашиваю.

— Да не пошел бы ты в...

Предложение оборвалось на самом интересном, а парень изо всей силы тряс головой и сдавленно ругался. От удара в ухо он завалился набок, так как перед этим сидел, вытянув ноги...

— Следующий удар будет в нос, — пообещал я, потрянув рукой. — Не люблю, когда пререкаются.

— Не твое собачье дело! Ты уже покойник! Наехать на гильдию: это...

— Уточню, на две гильдии. Твой дружок спит беспробудным сном, зажав голову под мышкой. И ты последуешь за ним. Город нужно очистить от отребья.

— Да, ты круто влип, приятель! — на его лице появилась ухмылка, а в глазах плескался страх перед скорой смертью.

Я вынул длинный узкий клинок из голенища сапога.

— Слушай, браток, давай договоримся!? Я тебе дам денег! — залебезил вор. — Я с гильдией договорюсь!

Последнюю фразу он закончил на высоких истерических нотках.

— Мне ничего от тебя не нужно, — ответил я поднимаясь. — Все что мне нужно, у меня есть.

Я спрятал нож в сапог, повернулся и пошел, не оборачиваясь. Мне еще пьяного на себе тащить.

Когда я дотащил что-то нескладно бормочущего парня в таверну, оставалось около часа до рассвета.

— Откройте дверь.

В зале за сидела Неилин с бледным лицом и пила что-то из кружки. Пристроившись за соседним столиком о чем-то тихо беседовали купец с хозяином и поглядывали в ту сторону, где лежал раненый. Парень, кажется, спал, выделялось его лицо, белое, как мрамор (слишком уж много крови потерял).

Я пошел к лестнице, а кухарка побежала передо мной, показывая дорогу.

— Я беру еще одну комнату.

— Хозяин, распорядитесь, чтобы раненого обмыли и уложили в одну комнату с его другом, — сказал я трактирщику, усаживаясь за стол к девушке. — И вещи его сложите рядом с кроватью, одежду выстирать и заштопать, под одеялом она ему не понадобится.

— Как скажете, господин! — полноватый мужчина поднялся и отправился отдавать приказания.

К себе в комнату ушел и купец, понявший по моему лицу, что сейчас я не склонен отвечать на вопросы.

— Подогретое вино, пожалуйста, — обратился я к кухарке, и когда появилась передо мной кружка, заговорил с девушкой:

— Ну, что он?

— Жить будет, только слаб очень. Сколько умела, столько сделала, только умею я мало, — грустно произнесла она.

— Ничего, научишься, — утешил ее я. — Завтра купим кой-какие книги, а остальному тебя научат в Академии. Я свое обещание помню и сдержу.

— Угум.

Девочка была совсем вымотанной физически, морально и эмоционально.

— Ну, зайчонок, тебе пора спать. День выдался тяжелым.

— Да, пойду я, наверное.

Она поднялась, поставила кружку и ушла наверх. Я еще немного посидел, медленно пропуская вино через зубы. Оно было не таким уж и противным, и я заказал себе еще кружечку. Этот день и для меня выдался нелегким. Уж слишком много событий. Отвык я от такого. Прокрутив все происшествия в голове, и решив, что без русоволосого парня все равно ничего не пойму, я отправился к себе.

Рухнув поперек кровати, носком сапога стащил второй, а потом босой ногой скинул оставшийся. Возился я с этим долго, проще было перевернуться на спину, сесть и спокойно снять оба сапога, но это было так лень! Стук второго упавшего сапога я услышал словно

через пелену, и через секунду уже спал.

* * *

Когда я пробудился, было уже далеко за полдень. Об это можно было судить по солнцу, ярко светившему прямо в окно. Я так и лежал, как лег вечером: на животе. Подушка была мокрой от пота и слюны, которая вытекала из приоткрытого рта. Голова гудела, вся одежда была измятой и мокрой от пота, конечно, попробуйте спать под палящим солнцем в душном помещении, да еще и в теплой одежде. Вечером, спасаясь от холодного ветра, дувшего с моря, я хорошо оделся.

Под дверью слышалась какая-то возня и бурчание полусшепотом. Я решил их не замечать, и, повалявшись в кровати ещё некоторое время, тихо слез с кровати, с омерзением сбросив из себя все на пол и, в чем мать родила, побрел в ванную комнату. Там, в огромном деревянном корыте была налита чистая вода. Налили ее еще утром, но она уже остыла, поэтому я с удовольствием влез в нее, охая от холода, и с блаженным выражением лица улегся, уставившись в потолок. Корыто было сантиметров шестидесяти высотой, и сейчас вода на десять сантиметров не доходила до края.

Масляную лампу я не зажигал, просто оставил дверь открытой и теперь здесь царил приятный полумрак. В дверь несмело постучали.

— Граа-аф? — послышался робкий голос из-за двери. Он был слишком тих, чтобы разобрать, кто это был. — Эрландо-о...

Эрландо меня звали только близкие друзья, значит, это был мой придворный лекарь. В дверь снова постучали:

— Я вхожу... — прозвучало на этот раз громче, и в приоткрывшуюся дверь просунулась прелестная головка Неилин. Обозрев комнату и мои шмотки на полу, она несмело вошла в комнату. Еще раз обозрев мой номер и не заметив меня, посмотрела в сторону темнеющего входа в ванную. Робко, даже вроде как меньше дышать стала, двинулась по направлению ко входу.

Когда она вошла в ванную, в воде плавал труп, мерно покачиваясь, создавая волны. Спина выглядывала над водой, голова скрывалась в воде.

Блаженную тишину прорезал женский крик, преисполненный ужаса и горя. Утопленник приподнял голову над водой и тихим вкрадчивым голосом поинтересовался:

— К чему эти вопли? Голова и без того болит, пришла тереть спинку, так три...

Вопль перешел в визг, только к нему добавились шлепки. Девушка лупила говорящего «мертвяка» ладонью по спине.

— А-а-а-а! — дурным голосом посетовал на жизнь тот. — Я же просто потереть просил!

— Негодяй! — плаксивым голосом закричала девушка и, ухватив утопленника за голову, затолкала ее под воду. Парень усиленно сопротивлялся, а потом его сопротивление стало слабее, и в конечно итоге он обмяк под водой.

— Вот так тебе, мерзавец! — отошла девушка от ванны, уперев руки в бока...

— Ой! — испугалась она. — Ой, божечкиии! Что же я наделала!?

Подбежав к ванне и ухватив окончательно утонувшего графа за волосы, изо всей силы потащила из воды.

— Эрл, очнись! Эрл, пожалуйста! — девушка плача, ничего, не понимая, потащила утопленника за волосы из ванны на пол, чтобы сделать искусственное дыхание и попробовать оказать хоть какую-то первую помощь.

Внезапно труп вскочил на ноги и закрыл девчонке рот страстным поцелуем. Та ошарашенно замерла. Через минуту, оторвавшись от девушки, облизав губы, скорбным голосом, он произнес:

— Сначала вроде как спинку потереть, а потом топить начали. А когда я смирился со своей участью и стал умирать спокойно, меня решили не убивать безболезненно, а сначала снять скальп...

Девушка зарыдала, прижав руки к лицу. Я прижал ее к себе и начал поглаживать по спине. Она всхлипывала и тихонько плакала.

— Прости меня, это была очень злая шутка! — попросил я ее, целуя в склоненную голову. Она снова содрогнулась от всхлипа. — Прости меня, пожалуйста!

Неилин отстранилась от меня, посмотрела мне в глаза своими воспаленными красными глазками, развернулась и убежала, хлопнув дверью. Через минуту в нее просунулась голова хозяина таверны. Заметив меня голого, стоящего в проеме двери ванной комнаты, пробормотал извинения и исчез за дверью. Я на какое-то время задумался. Поразмышляв еще некоторое время, открыл свою сумку и, достав чистое платье, натянул на себя. Пока происходило действие, я успел полностью обсохнуть, разве что волосы оставались мокрыми. Вытерев их насухо полотенцем и всунув ноги в сапоги, которые пришлось долго оттирать щеткой, я вышел на коридор. Из-за соседней двери доносился тихий, словно детский плач.

— Я (хлюп!), думала (хлюп!), что его утопили (хлюп!), а он, притворялся-а-а-а! — перерыв где-то на минуты две, в котором слышно было совсем тихий скулеж. — Я думала, что его утопила-а, а он, и-и-и-и, снова притворялся-а-а-а!

— Вот блин, попутал нечистый! — сквозь зубы прошипел я, двинув себя кулаком в челюсть.

— На, — послышалось за спиной.

Развернувшись и потирая битую щеку, я нос к носу столкнулся со вчерашним блондином.

— Бери, тебе оно нужнее! — все так же тихо, почти одними губами прошептал он. — Иди, грехи замаливай!

Сунув мне в руку крохотную деревянную шкатулочку, он на цыпочках вернулся в комнату, куда я пристроил его с братом.

Шкатулка была из красного дерева и, открыв ее, я увидел на пурпурном бархате тонкое золотое колечко со сверкнувшим драгоценным камнем.

— Ого, ну спасибо дружисе! Выручил, что и сказать! — прошептал я, захлопывая коробочку.

— Неилин! — теперь уже я робко постучался в её дверь. Плач на мгновение стих и снова продолжился. — Можно я зайду?

— Нет! — хлюп. — Катись прочь!

— Ну, пожа-алуйста-а!

— Пошел вон! — хлюп-хлюп.

Я осторожно попробовал приоткрыть дверь, но она оказалась запертой. Усевшись на пол и, оперевшись о дверь спиной, гнусавым голосом затянул:

Одинокий бродяга, хоть пляши, хоть не пляши,
под окном у принцессы притаился в тиши-и-и.
Взором пылким влюбленным в ее окна смотрел.
Его взгляд устремлено к той принцессе летел.
Его сердце так пылко сильно билось в груди,
Погляди-ка принцесса, оглянись и приди.
Но принцессе не до него было,
Ведь ее сердце другого любило-о-о!

За дверью не было слышно ни звука, и я воодушевленно загундосил дальше:

Своей грязной, но честной рукою-у-у,
Сжимал для неё кольцо золотое-е-е!
Голодный и нищи-и-и-й он еле дыша-а-ал!
Чтоб купить ей подарок, все, что было, прода-а-ал!
Не жевал он уж долго-о-о, аж темнело в глаза-а-ах!
И старуха с косо-о-о-ою-у ожидала в куста-а-а-а-а-ах!

От сострадания к своему герою, балладу о котором я сочинял на ходу, я и не заметил, как запел жалостливым всхлипывающим голосом:

Был он парнем хороши-и-им, знал всего понемножку,
Ну, а к сердцу любимой всё топтал он дорожку-у-у-у!
Вот пою, вот страдаю, вот стою на крылечке,
Вам вручаю, миледи, золотое колечко!

Неилин резко открыла дверь, и я спиной ввалился внутрь комнаты. Резво перевернувшись и вскочив на колени, раскрыл шкатулочку и протянул ее к девушке.

— Примите сей скромный дар, госпожа... — квелым голосом попросил я. При виде меня, стоящего на коленях, в ее немного припухших глазах проглядывали одновременно сочувствие к «нищему».

Взглянув на колечко, она всплеснула руками и прикрыла ими рот:

— Ой, какое красивое! Это мне?

— Нет! Прекрасной принцессе! — я выдержал паузу: — Принцесса, вы примете сей дар? Не погнушаетесь?

— Вот уж артист! — снова улыбнулась она. — Вечно ломаешь комедию! — и потом, уже дрогнувшим голосом:

— Можно взять?

— Не можно, а нужно!

Девушка осторожно взяла колечко и надела на пальчик. Оно пришлось ей в самый раз! Девичьи глаза излучали такую радость, что у меня аж мурашки поползли по коже от прилива нежности.

— Ты такой милый!

— Значит, я прощен?

— Ага, — утверждающе кивнула она и попросила:

— Можно, я побуду одна?

— Да, конечно! Прости, что вломился в твою комнату!

— Та ничего! — махнула она ручкой, на которой поблескивало кольцо.

Улыбаясь, я на коленях вышел из комнаты.

В коридоре стоял блондин, наблюдавший за мной все это время, и показывал мне большой палец. «Идем», — мотнул я головой на дверь в мою комнату.

У окна стоял столик с двумя креслами на тонких ножках с тонкими спинками из орехового дерева, обитыми красным бархатом (при желании можно было притянуть еще одно, стоявшее рядом с кроватью). На столике стояли фрукты и компот, принесенные Нейлин вчера вечером.

— Присядем, — предложил я собеседнику, указывая на кресла.

Усевшись, я разлил по чашкам компот. Мы взяли вилки, и, насадив на них по кусочку яблока, принялись с интересом разглядывать друг друга. Как я уже и говорил, он был высоким блондином среднего телосложения. Обращали на себя внимание правильные черты лица, небесного цвета глаза и тонкие губы. Слегка вьющиеся волосы каскадом спадали с широких плеч. Я обратил внимание на правую ладонь: ладонь, привыкшая к рукояти меча.

— Мы с вами до сих пор не познакомились, хотя не могу сказать этого же о своей спине, — улыбнулся я.

— Мне это уже говорила ваша дама, — немного смутился он. — Меня зовут Ален. Прошу простить за причиненные неудобства!

— Все нормально, насколько я понял из твоих вчерашних пьяных бормотаний, у тебя было на то причина. Ну да ладно, сейчас не совсем об этом: я — Эрландо.

При этих словах мы, не сговариваясь, привстали и одновременно пожали друг другу руки.

— Хотелось бы услышать комментарий, что это были за типы, и чего от вас хотела гильдия воров и убийц?

— Ого, и убийц? — он вздрогнул. — А я то думал: кто же проткнул моего братца?

— Угу. Мне очень интересно, за что же такое, совершенное тобой, я буду отдуваться перед гильдиями за двух прирезанных представителей данных профессий.

— Да-с, — парень сглотнул. — Не хило. Ну, в общем, дело было так. Здесь, на ярмарке, я встретил прекрасную черноволосую даму и, естественно, влюбился, если это можно назвать любовью. Дальше — задорный смех, прекрасные глаза, нежные руки, несколько вечеров, проведенных вместе. А потом... я просыпаюсь у себя в гостиничном номере с гудящей головой и без гроша в кармане. Ни красавицы, ни денег. И хотя я отрицал ее причастность к этому делу, брат занялся расследованием. Однако, как только он начал ее поиски, ему тонко так намекнули: будешь совать нос, куда не положено, пойдешь на корм крабам.

Через некоторое время он обнаружил её: она уже охмуряла другого — толстого господина, какого-то толстосума. Брат ее отловил и отрезал мизинцы на обеих руках. Это клеймо вора на всю жизнь!

— Да, я знаю, — мы отхлебнули по глотку с чашек. — Теперь понятно, как вы перешли им дорогу.

— И даже после этого я не переставал ее боготворить. Все увещевания брата пропускал мимо ушей, никаким доводам не верил, а вчера, допился до зеленых человечков. И вдруг

утром на меня снизошло озарение. Может, она что-то подсыпала в вино, что выводится из организма через какое-то время, не знаю, ведь она мне до сих пор нравится. А тогда это была какая-то одержимость.

Он откинулся на спинку кресла, и, съехав на край стула, вытянул вперед ноги.

— Думаю, отрубленные пальцы это правильно. Тем более, подозреваю, что обула она тебя на целое состояние.

— Да, так оно и есть. Но его уже вряд ли вернешь.

Мы погрузились в мрачные раздумья. А сколько таких обманутых по всему королевству или империи? А скольких обманула эта дамочка? Теперь-то она уже никого не обманет!

— А чем занимались вы с братом? — задал я вопрос Алену.

— Мой брат — моряк, капитан брига. Он водит караваны до Онерей. У меня было небольшое торговое судно. Теперь больше у меня его нет. Больше того, я уверен, что они его уже перепродали.

— Думаю, стоит пройтись в порт и посмотреть, а вдруг оно еще стоит там на якоре, — заявил я, поднимаясь. — Подождите меня здесь немного, я скоро вернусь.

Произнося это, я вытащил увесистый мешочек с золотом, перепоясался ремнем с ножнами для меча, всунул в них оружие, взглянул в мутноватое окошко, поправил челку, одернул камзол и вышел из комнаты.

Ален остался сидеть в кресле, уныло глядя в окно, но где-то в самой глубине его глаз затеплилась надежда.

Мне довелось пройтись в бедный район города. Блошинный район (так он назывался) был грязным и неприглядным. Дома, приземистые и обшарпанные, улицы, ни разу не убранные ещё со времен начала постройки города. Все, что их хоть немного умывало — ливни в сезон дождей, — район был размещен немного ниже остальных районов города, и вода несла нечистоты других районов по его улицам, заодно вымывая и его. В первые недели дождей в море долго вливался грязный поток, черной полосой выделяясь в море, пока не рассеивался в огромных толщах воды. Сейчас до сезона дождей было еще далеко, так что приходилось часто петлять по узким улочкам, обходя кучи мусора, постоянно остерегаясь ведра помой на голову из окна. В конце пути я уже не мог обнаружить чистых участков и я, махнув на то, что окажусь по уши в нечистотах, уже ступал туда, где эти кучи были не особо высоки.

В своих чистых одеждах среди грязных улиц я выделялся, как изумруд на куче золы. Грязные, в лохмотьях, люди провожали меня недобрыми взглядами. Я был уверен, что за мной уже внимательно следили...

Наконец-то я нашел то, что мне было нужно. Облупленная вывеска над входной дверью перекосившегося здания гласила: «...ты». Если прикинуть, то пивная, или другое заведение общепита, а то и мастерские, на «ты» заканчиваться не могут, а может, там было написано ругательство, и оно указывало на каждого прочитавшего... Но, по-видимому там было написано «Продукты».

Взявшись за выгнутую дугой палку, прибитую к двери вместо ручки и отполированную тысячью рук, я потянул её на себя. Перекосившаяся дверь была счесана в левом верхнем углу, там же была стерта и дверная коробка.

Скрипнув так, что мурашки побежали по спине, дверь открылась. В грязном, таком же старом, как и весь деревянный дом, помещении было мрачно, так как большинства стекол не было, а вместо них отверстия были затянуты бычьими пузырями. На полках стояла всякая

ерунда, но меня она мало интересовала.

За прилавком в потертом сюртуке сидел плешивый мужик в возрасте и задумчивым взглядом смотрел на меня.

— Добрый день, — вежливо поздоровался я.

— Здравствуйте, — кивнул тип.

— У меня проблемка, понимаете... очень трудно решаемого характера... — я воровато оглянулся по сторонам и даже вытянул шею, заглядывая за спину мужика. Тот тоже растерянно оглянулся.

— Но у меня есть деньги!

Я поставил ребром на стол монету, придерживая ее указательным пальцем. Начищенное золото блеснуло в полутемном помещении. Глаза продавца алчно загорелись.

— За ваши деньги...

— Нет-нет, вы не понимаете! Мне нужно то... — я снова оглянулся, — что не продается в магазинах. Мне нужно... — закончил я заговорщицким шепотом и сделал движение, как будто выпустил облачко дыма под потолок.

Мужик понятно кивнул, и глянул на дверь.

— Сколько надо? — деловито поинтересовался он.

— Ну, для начала, сколько он у вас стоит, а там уж я решу.

— Половину золотого на один раз.

— Дороговато. За золотой три порции и сойдемся. И еще на пятнадцать золотых возьму отдельно.

— Ладно, — кивнул хозяин магазина. — И это только по доброте душевной!

— Заверни в отдельные пакеты. Три в бумажный, а остальное — в кожаный мешочек.

— Сделаю, — кивнул тот и скрылся в дверях, которые виднелись за прилавком.

Через некоторое время он вернулся с заказанным товаром и выложил его передо мной, а я отдал ему монеты. Забрав то, что теперь принадлежало мне, покинул заведение.

Громилу, кинувшегося на меня из-за угла и намеревавшегося двинуть меня по голове дубиной, я уложил хорошим ударом в челюсть. Его палка упала на него.

Шторка на окне слабо дернулась, и я понял, кто был инициатором нападения. Ну, да ладно, теперь без разницы.

Быстрым шагом я убрался с трущоб. Меня ждали дела. Отойдя подальше, пропетляв для верности еще немного, дабы снять с себя «хвост», и убедившись, что оно нет, я направился прогулочным шагом в порт. Привлекать лишнее внимание городской стражи нервными движениями и настороженными взглядами не стоило. Ведь в холщовой сумке я нес «пожизненное» в соленых рудниках». Так гласила мера наказания за употребление и распространение только что приобретённой наркотической травы. Этот наркотик вызывал мгновенное привыкание, сильнейшую зависимость, от которой было почти нереально избавиться. Его курили через трубку, испытывая при этом галлюцинации и ощущения, как при занятии любовью, только в несколько раз сильнее. Наркотик разрушал психику человека, делая его за несколько лет совершенно неменяемым. При этом мозг человека просто высыхал. Вот эту дурь-траву я и нес собой.

Порт встретил меня запахом гниющей рыбы и водорослей, криком чаек и шумом прибоя. Здесь стояло три боевых и полтора десятка торговых кораблей, среди которых был и бриг Алена, который стоял вдали от берега.

Здесь было многолюдно. Бегали грузчики, сновали торговцы, воры, моряки и зеваки.

Прогуливаясь по пристани, я разглядывал людей и посматривал на палубу «Русалки морей» (так назывался корабль Алена).

На борту стоял толстый тип в дорогих одеждах и разговаривал с высоким мужчиной в темном наряде. Толстяк размахивал перед ним руками, а тот снисходительно улыбался, указывая на какие-то детали корабля, и стучал по фальшборту. Было понятно, что один из них — покупатель, а второй — продавец. Кто покупатель, стало ясно, когда толстяк развернулся и спустился по трапу на пристань.

Тип в черной одежде подошел к борту, облокотился на него и с ухмылкой посмотрел вслед уходящему. К нему подошел моряк, мужчина лет сорока от роду, среднего роста, коренастый с загорелым лицом и бородой сантиметров пяти длиной. Переговорив с капитаном, он спустился на берег и пошел в город.

Я незаметно последовал за ним. Мужчина добрался до недорогой таверны, уселся за свободный столик и заказал ром. Заказал он большой кувшин, значит, он либо кого-то ждал, или собирался напиться до смерти. Глядя на его мрачное выражение лица, я определил, что, скорее всего, будет второе.

Устроившись недалеко от него, заказал себе любимый соленый арахис, кружку пива, три жареных перепела и компот. Пока я ждал заказ, моряк уже опрокинул в плотку три кружки рома. Оторвав ножку перепелки, я сгрыз хорошо прожаренное мясо, промокнул губы мякотью белого хлеба и отправил его себе в рот. Все же тут не так плохо их готовят, этих перепелов.

После последнего куса птицы я вытер руки салфеткой серого цвета, засаленной и в больших жирных пятнах (слава Богу, хоть не воняла!) Взяв пиалу с арахисом и пол-литровую кружку с пивом, я подошел к столику моряка:

— Позвольте присесть?

Морской волк поднял на меня печальные глаза, которые были совсем немного мутноватые от выпитого. Этот человек был не так уж слаб касательно алкоголя.

— Попробуйте, — кивнул он. Усевшись напротив его и бросив пару зерен арахиса в рот, я тихо заговорил:

— Не буду ходить вокруг да около, перейду сразу к делу. Я видел, как вы сходили по трапу с «Русалки».

На лице моряка проглянули смешанные чувства. Он вопросительно посмотрел на меня.

— Также я знаю, что на вашей посудине совсем недавно сменился капитан.

Моряк посмотрел на меня уже с подозрением. Конечно, я бы тоже насторожился, подойди ко мне незнакомый тип и начни задавать не очень приятные вопросы.

— Какие у вас были отношения с предыдущим владельцем, Аленом? — продолжил я.

— Чего вы от меня хотите? — уже раздраженно спросил сидящий передо мной мужчина.

— Дело в том, что я — друг Алена, и он и я сам, мягко говоря, не в восторге от смены владельца судна.

Во взгляде моряка блеснул интерес, но настороженность не пропала.

— И что вы собираетесь что-то сделать?

— Конечно же... Я вам могу доверять? — я забросил в рот последние три орешка и тщательно прожевал.

— Мне-то доверять вы можете, а вот я вам?..

— Несомненно, — набрав в рот пива и ополоснув зубы, глотнул. — Как бы тихо мы не

говорили, думаю, нам всё же стоит обратиться отсюда.

Выложив на стол два медяка, щелкнул пальцами, привлекая внимание хозяина, и направился к выходу. Послышался звук монет, которые открытой ладонью припечатали к столу, а потом — шаги за моей спиной.

Выбравшись на свет божий, мы спокойно пошли, на отдалении друг от друга в сторону городского парка. Это был небольшой клочок земли, усаженный деревьями по обеим сторонам единственной короткой аллеи, на которой росли деревья, стояло с десятков лавочек, а пройти его можно было за минут за пять нормальной ходьбы (но парочки бродили медленно, воркуя о чем-то своем). От аллеи в разные стороны расходились дорожки.

Сам парк был похож на квадрат, в который был вписан квадрат поменьше, разделенный на четыре ровные части дорожками, то бишь, две широкие дорожки перекрещивали парк, а одна дорожка обходила парк по периметру на расстояние метрах в десяти от окончания парка. Небольшой пятачок в центре, с маленьким фонтанчиком в виде чаши, из которой поднималась железный столб, на верху которого были закреплены четыре фонаря. Возле фонаря страстно целовалась парочка, а чуть дальше в кустах...

— Ну, и молодежь пошла, — беспардонные до невозможности! — зло пробормотал шедший за мной моряк.

За парком очень близко друг от друга стояли дома, образуя некий коридорчик, проскочив через который, мы очутились недалеко от ворот, выходящих на пристань.

Выскользнув на пристань и выбравшись на пустующий пирс, я остановился, и присел на анкер, похожий на огромный болт, торчащий из камня.

— Насколько я понял из рассказа вашего капитана...

— Да нет, капитан я, а он — владелец брига.

— Это я и хотел сказать, вы уж простите, я в этом деле не очень. Так вот, судя из его рассказа, я понял, что его красиво ограбили на его корабль.

— Позвольте угадать: та дамочка, с которой он таскался? — с какой-то ненавистью спросил капитан.

— Вы догадливы, прямо в точку. Она его опоила чем-то вроде приворотного зелья, и оно действовало до тех пор, пока они обстрипали дельце. А когда с капитана, пардон, владельца, вышли все яды, пары, или чего-то там, он прозрел. Но было уже поздно.

— Я так и знал! — зло харкнул далеко в воду капитан. — Якорь мне в ранец и гулять по рее, я видел, что дело неладно! Он же совсем отмороженный стал! Правда, я виделся с ним нечасто, только тогда, когда он платил деньги мне и матросам и наблюдал за выгрузкой новой партии товара. Дернуло его плыть с нами в этот рейс!

— В общем, приблизительная картинка у меня вырисовалась. Так вот, прибрала к рукам корабль гильдия воров, или кем-то нанятая гильдия воров, а устранить бывшего владельца помогала гильдия убийц.

— Недурно! — дернул в сторону головой капитан.

— А завершением всей этой заварушки стали протрезвевший и весь в ужасе Алэн, и его братец Редго, лежащий весь продырявленный и с трудом дышащий, который сейчас находится под покровительством моей лекарки.

— Ну, ни... чего не могу сказать! — выкатил глаза моряк. — а как все...?

— Хотели они пришить обоим братцев тогда, когда Редго нес на плечах вяло матерящегося Алэна, благо, я оказался рядом. Исход такой: одного лечит мой придворный лекарь, второй мучится угрызениями совести и прочими чувствами, которые могут угрызать.

А того, кто сократил численность вышеуказанных гильдий на двух членов, скорей всего, активно ищут по городу.

Капитан «Русалки» покачал головой. Достал из кармана кисет и трубку, набил ее, насили разжёл и глубоко затянулся. Выпустив две струи дыма носом, как дракон, затянулся еще раз и, выбив трубку, зажал ее в зубах.

— Да, дивненькая история. А я-то думал, что наш хозяин и продал, и предал нас... А оно вот как выходит... — взгляд его устремился в пространство.

Была уже темная ночь, когда мы выходили с таверны. Вовсю светили звезды. Лунная дорожка, зыблемая мелкими волнами, лежала серебряной полосой на черной глади воды.

Я молча сидел и ждал. Вечер был холодноватым, и я встал, чтобы немного согреться. Капитан как будто только вспомнил обо мне, вздрогнул и заговорил:

— Дрянная ситуация, дрожжи им в гальюн. Да и вам не позавидуешь. Гильдии — штука непростая...

— И сам знаю. Слухи все равно поползут, я же на горбу нес братьев, видела кухарка, купец какой-то и хозяин таверны, и это, как минимум.

Моряк снова потянулся за кисетом, но потом отдернул руку и оправдывающимся голосом сказал:

— Я курю очень редко, а это что-то на нервной почве... Так что вы там про возврат корабля говорили, а то уже я и полкоманды собрали свои вещмешки в ожидании худшего.

— Ах да, вернемся к прерванной теме разговора, — продолжил я и, прохаживаясь по пирсу с капитаном, начал толковать ему свой план. Примерно сорок минут спустя мы распрощались и разошлись в разные стороны: я — к себе на постоянный двор, а он — на «Русалку морей».

И вот, когда я снова приперся спать далеко за полночь, на этот раз Неилин у меня под дверью не сидела. На её месте стоял табурет, на нем — поднос с остывшей курицей, салат из свежих овощей и несколько ломтиков хлеба. Под крышкой в гусятнице лежала тушеная картошка.

У меня призывно буркнул живот и я, отперев дверь, внес поднос вместе с табуретом. Вдоволь наевшись и стащив с себя одежду, ополоснулся во вновь остывшей воде, юркнул под одеяло и с блаженной улыбкой на лице закрыл глаза. Немного полежав, высунул руку из-под одеяла, двумя пальцами затушил свечу, перевернулся набок, зажал конец одеяла между коленками и провалился в сон.

* * *

Поздно утром, часов в одиннадцать, я принял ванну, выпил чашку горячего, чуть сладкого, чая с лимоном и булочкой с ванилином, облачился в богатый черный камзол, белую рубаху, черные узкие штаны и начищенные до блеска низкие сапожки, вышел на улицу. Шпага висела левом боку, и я придерживал ее за рукоять, положив на верхнюю догу ладонь. С гордо поднятой головой я вошел в порт. «Русалка морей» стояла на том же месте, где я видел вчера, мерно покачиваясь на волнах. Поднявшись по трапу и заметив капитана Семпса, как вчера он представился, я подозвал его властным движением руки. Два человека с оружием искоса наблюдали за мной. Наверняка, ставленники нового владельца.

— Я вас слушаю господин! — слегка поклонился капитан, глаза его на мгновение

закрылись, правда, это мгновение длилось чуть дольше, чем тогда, когда человек моргает. — Что вам угодно?

— Я слышал, эта лоханка продается! — нагловатым голосом сказал я. — Мне хотелось бы пообщаться с ее владельцем!

— Сей момент! — кивнул Семпс.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Из капитанской каюты вышел жулик с отекившим лицом от обильных вчерашних вечерних возлияний, поэтому был слегка не в духе. Из рта шёл стойкий запах перегара. Отлично, то, что нужно для моей задумки.

— Ну, и кто здесь хочет меня видеть? — раздраженно спросил он, одергивая мятый камзол.

— Я, — самую малость склонил я в поклоне голову.

— И что вам от меня нужно? — хамовато спросил он.

— Вообще-то, я хотел бы приобрести этот корабль, но мне он уже не нравится, и только потому, что здесь мне хамят! — гордо вскинув голову и развернувшись на каблуках, я направился к трапу.

— Эй, ты, подожди! — запоздало, поняв в чем дело, крикнул мне вслед вор. Я согнул руку в локте и отмахнулся тыльной стороной ладони:

— Мне от вас уже ничего не нужно!

На причале уже стояло человек десять зевак, с интересом наблюдая за разворачивающимися событиями. Так как разговор происходил почти у самого борта и на повышенных тонах, с берега все прекрасно было слышно. Это было даже лучше, чем я предполагал!

— Стой, я сказал! Ты купишь у меня этот корабль! Парни, хватайте его!

Охранники-молодчики бросились мне наперерез. Оставалось надеяться, что они не из гильдии убийц, а такие же грабители, как и их предводитель.

Одного я сбил ударом ноги в лицо, а другого с силой саданул кулаком в солнечное сплетение. Получивший ногой, быстро поднялся с палубы и вновь начал наступать на меня, сплюнув кровь и вытащив из кармана нож, второй же остался лежать, судорожно пытаясь вдохнуть. Перехватив руку с ножом, я вывернул её и резко выбросил агрессора за борт. Зеваки издали одобрителный гул: «Ооооо!», а хозяин, уже с ножом в руке бежал ко мне.

— Да что же это такое! — воскликнул я и сиганул за борт в воду. Расстояние между бортом корабля и причалом было метра два. Добравшись к берегу, я вцепился руками в пирс, качнулся вперед, и оттолкнувшись руками от земли побежал прочь. Зеваки разочарованно загудели.

Добравшись до ворот в город со стороны порта, я подбежал к караулке. Там я увидел капитана городской стражи, который распекал за что-то старшего лейтенанта. Тот стоял, вытянувшись по струнке, и согласно кивал, когда нужно, улавливая слова начальства:

— Если я тебе прикажу, — орал разжиревший солдат — ты у меня собачье говно будешь есть, ты меня понял?

— Капитан, капитан, на меня было совершено нападение! — картинно, тяжело отдуваясь, завопил я.

— Да поше... — в запале развернувшись ко мне, заорал он, но, увидев на мне дорогую одежду, изменил окончание фразы, — Пойдемте со мной, разберемся! Взвод солдат — со мной! — добавил он, обернувшись к лейтенанту. — Ведите!

Грохоча сапогами по деревянному настилу, за мной бежали солдаты во главе с капитаном и сержантом. Зеваки (теперь их собралось намного больше!) при виде нас, подбежавших к кораблю, расступились.

При нашем приближении лицо вора сначала помрачнело, а потом растянулось в кривой улыбке.

— На этом корабле на меня напали! Владелец приказал меня задержать! — кивнул я на типа, облокотившегося на борт и ехидно улыбающегося (при этом я придержал своей ладонью ладонь толстого и воняющего потом капитана стражи города, на долю секунды опустив руку в его карман).

— Чушь все это! — нагло сказал вор с палубы. — Не было такого!

— Но люди на берегу все видели! Так что они подтвердят! — сказал я, обернувшись к толпе, которая утвердительно загудела.

— Вообще-то, он первый на меня напал, так что я требую его задержать! — послышался голос вора с палубы.

— Что вы скажете в свое оправдание? — высвободил свою руку солдат. Его лицо не слишком отличалось от лица захватчика корабля: такая же ехидная улыбка и уверенность, что докажет то, что сочтёт нужным.

— Я скажу вот что: этот корабль не принадлежит этому господину, — сказал я, отходя на шаг и картинно отряхивая свой рукав. — Из достоверных источников мне стало известно, что его настоящего владельца просто ограбили.

На лице капитана мелькнула злорадная улыбка, а с палубы донесся громкий хохот.

— Этот корабль, и все что на нем — мое! — отсмеявшись, произнес жулик. — Все — до последнего гвоздя! Могу показать бумаги, подтверждающие мои слова! Вот! — и он вытащил из кармана свернутый в трубку пергамент и развернул его.

Толстяк капитан подошел к краю пирса и протянул руки — стоявший на корабле спустился вниз и отдал бумаги. Стражник сделал вид, что внимательно их изучает, хотя я был уверен наверняка, что он знает все, что там написано.

— Все верно этот господин говорит: это его корабль, — произнес с улыбкой солдат, отдавая бумаги.

— Тогда я требую устроить обыск на корабле! — категорично заявил я.

— Да кто вы такой, чтобы его требовать? — скептически спросил страж.

— Граф Эрландо Эрнст, — с кривой ухмылкой слегка поклонился я. Лицо капитана дернулось. — Так что я могу не ломать комедию, а попросту приказать это сделать!

— С-с-стража, — дрогнувшим голосом начал он, в то же время глядя на вора. Тот едва заметно кивнул. — Стража, тщательно обыщите корабля моего прия... этого господина!

— Да, и еще, лейтенант, я просил бы оставить с нами несколько солдат во избежание всяческих недоразумений.

Капитан усмехнулся и кивнул, подтверждая мою просьбу. С нами осталось трое военных, сам же старший лейтенант и с двенадцатью солдатами поднялся на корабль, обыскивать судно. Перед этим они сами были осмотрены на предмет лишних вещей начальником стражи, чтобы чего-то вдруг не подкинули. Не знаю, может, здесь всегда так делали, а может, просто в данном случае делалось все, чтобы предупредить всякого рода случайности.

Минут, наверное, двадцать-тридцать на корабле было все спокойно, а потом раздались удивленные возгласы! На палубу выбежал лейтенант с пятью солдатами и крикнул капитану

стражи:

— Задержите этого человека! В каюте, которую он занимает, найдена пыльца счастья!

Сначала на лице мошенника еще висела презрительная улыбка, а потом оно дернулось и окаменело. В глазах заплескался ужас.

— Вот, — лейтенант передал в руки капитану стражи мешочек с наркотическим веществом. Тот его открыл, вынул зеленоватый порошок, потер его пальцами, понюхал и бросил пакетик в воду.

— Это все ложь! Его подставили. И вы ничего не видели! — угрожающе надвинулся он на лейтенанта.

Я подошел к краю пирса, и принял из рук рыбака, проплывавшего мимо в этот момент мимо судна и остановившегося привлеченный большим скоплением народа. В лодку и упал выброшенный предмет.

— Знаете, если ваши подчиненные ничего сказать не могут, то уж поверьте, я, да и все люди, стоящие вокруг, уж точно не промолчат!

— Да кто ты... - захлебнулся толстяк. Слюна брызгала во все стороны. — Да ты знаешь, кто я?

— Капитан стражи, ты — трутень, взяточник, живешь за счет других, ублюдок графа эл Солен, наркоман, который курит пыльцу счастья, мне еще чего-нибудь вспомнить? О мальчиках в постели и иных темных делишках?

Внебрачный сын графа эл Солен стоял, то бледнея, то краснея, раскрывая рот, как выброшенная на берег рыба.

— Да ты з...

— Знаю-знаю... — кивнул я. — И про травку у тебя в кармане тоже знаю.

От страха у него дрожали ноги, и, с трудом взяв себя в руки и выпрямившись, он все же гордо вскинул голову:

— Вы ровным счетом ничего не докажете! — его рука скользнула в карман...

— Стража, схватить их! — крикнул старлей.

Рука толстяка успела погрузиться в карман, и почти вытащила его содержимое наружу, но солдаты не растерялись, а ловко вывернули руки командира за спину. «Владелец» корабля кинулся в воду, но тут подсобил все тот же рыбак, резко оттолкнувшись веслом от причала, сдвигая суденышко в сторону, и незадачливый грабитель «щучкой» плюхнулся на дно лодки. Дедок довольно засмеялся, глядя, как вор верхней частью тела застыл в лодке, а ноги свесились в воду. Его голова и руки были разбиты в кровь, пальцы, скорее всего, сломаны — у бедолаги был болевой шок.

— Отпустите меня, скоты! — орал связанный капитан стражи. Солдаты деловито обшаривали карманы, а он продолжал верещать:

— Это не мое, мне подкинули!

Следует отметить, что травку вытаскивали не из того кармана, в какой я подкинул, ну, а когда вытащили пакетик с «моей» травой, он вообще выкатил глаза:

— Это уж точно не мое! — дурным голосом завопил он.

— Ага, то есть предыдущая твоя была? — с улыбкой уточнил лейтенант. Моряки с «Русалки», столпившись у борта, довольно захохотали.

— Нннет, та тоже не моя! — сказал отпрыск графа, дергаясь и пытаясь освободить руки. Бандита вытащили с лодки, бросили на пирс, сержант уже собрал свидетелей для суда, трава была сложена в сумку, и будущих каторжников повели в городские казематы.

— Ты заплатишь, скотина! — орал экс-капитан стражи. — Ты еще не знаешь, с кем связался!

— Удачи! — помахал я рукой им вслед. Вскоре зеваки рассосались, солдаты, плотной стеной окружив подсудимых, скрылись из глаз за воротами города, а сержант, который остался на причале и читал документы на корабль, изъятый у бандита, подошел ко мне:

— Простите, граф...

— Эрнст, но называйте меня просто Эрландо. Мне так больше нравится.

— Хорошо, граф Эрландо. На документе стоит подпись и печать Эрика эл Солен, так что, думаю, не составит труда доказать, что это — незаконный документ. Осталось вам разобраться с гильдиями и с папашей Эрика.

— Ну, за последним, думаю, не постоит. Отпрысков у него хватает, человек он у нас любвеобильный, и уменьшение на одного, да и такого — наркомана и типа, путающегося с разными отбросами человеческого общества, я думаю, ему жалко не будет. Меньше головной боли.

— Это если с такой стороны смотреть... — кивнул лейтенант, улыбнувшись. — К тому же, благодаря этому инциденту меня наверняка повысят в звании. Да еще и задержал двух преступников в начале карьеры. Хех! Главное, чтобы меня назначили капитаном.

— Не переживайте, если что — я составлю протекцию. Кто у вас занимается назначением новых начальников стражи и прочих?

— Этим занимаются главы всех гильдий. Ну, кроме тех, которые вне закона. Но весьма веское слово в этом имеет граф эл Солен.

— Я составлю вам протекцию. Надеюсь, к моим словам прислушаются, — я искренне улыбнулся и протянул ему руку. Тряхнув своими каштановыми волосами до плеч, парень ответил мне рукопожатием.

Служака был лет тридцати, с открытым и приветливым лицом, светло-серыми и добрыми глазами, но в нем чувствовалась та струна, которую можно задеть в любой момент, и она отзовется низким угрожающим звуком, очень недобрый звук. И задевали ее в основном люди, преступившие закон, в отношении же других людей и по надобности он мог слегка придержать эту струну, и тогда она отозвалась бы глухим звуком, как струны гитары, накрытые ладонью.

Разговор продолжался уже возле казарм, по соседству с которыми во внутреннем дворе казарм находилась городская тюрьма.

Казармы стояли буквой «П», своими концами упираясь в скалу, в которой и были высечены камеры. Они были сделаны ещё с незапамятных времен: когда люди пришли сюда, пещеры уже были. Их высек неизвестный народ, исчезнувший с материка задолго до появления на этих землях людей.

На стенах пещер встречались высеченные рисунки с изображением коренастых, бородатых мужчин, и либо они были низкие ростом, или просто так изображались на рисунках. У эльфов еще сохранились предания о низкорослом народце, который жил под землей и обладал несметными богатствами, но даже там не сохранилось его название.

Следует отметить, что именно эта гряда гор тянулась с севера, начинаясь где-то очень далеко, на самой границе с империей. Вообще, сами горы, если смотреть на них с высоты, имели вид буквы F, выгнутой в левую сторону, а нижний «хвостик» уходил рифами на десятки километров в море. На конце «хвоста» находился небольшой безлюдный остров, и он был последним клочком суши на юге планеты. Других земель с этой стороны материка

никто не находил.

Однажды один богач торговец, снарядив три корабля, решил проверить (мало ли!), а вдруг далеко там, за морем, есть люди, и с ними можно выгодно торговать!?

Через десять месяцев вернулся один корабль, на нем была четверть команды, которая с трудом управлялась со всей этой махиной. Матросы были больными и ополоумевшими, они съели все, все, что было на судне, даже кожаные вещи. Если удавалось сбить летучую рыбу, которая иногда перепрыгивала через борт корабля, они тут же разрывали ее на части, чуть ли не убивая друг друга за сырое рыбье мясо. Они даже приучились пить соленую воду, но те, кто не смог этого сделать, погибли.

Моряки выглядели страшно, они были на грани каннибализма. Их долго отхаживали, несколько умерло от того, что сразу набросились на еду, которую продавали в порту, просто отнимая ее у торговцев. «Дальше ничего нет», — был их ответ на вопрос, что там, за морем. Больше никто попыток найти новую землю никто не предпринимал, так что можно было утверждать, что мое графство находилось на краю земли. Торговля, конечно, здесь была: у рифов было много различных моллюсков и рыбы, а также крабов и кальмаров. Добыча их была, правда, не «фонтан», так как всему причиной был тот же дракон и беспокойные сколы «за горбом». Дело в том, что рыбный промысел как таковой и в больших размерах образовался не так давно, потому что рыбу ловить можно было и в других местах, да и дешевле транспортировать, правда, некоторые виды рыбы и креветок водились только здесь, но доступны по цене они были далеко не всем. Так что рыбный промысел, который только начал развиваться, засох на корню. Жемчуга здесь тоже не было. Этот уголок огромного материка признали бесприбыльным, и рыба здесь вылавливалась почти только на еду.

Были, конечно, такие как Ален, которые ездили за крабами, креветками и редкостной рыбой, но если бы их наехало слишком много, не было бы покупателей. Так что, есть вероятность, что Алена Фаурера «кинули» на корабль конкуренты. Ну, а так как развитие рыбного промысла было в моих планах, придется мне «кинуть» этих кидал, да так, чтобы больше не захотелось. Но это только в том случае, если здесь имело место конкуренция, а если ее не было, а было простое крупное ограбление, то нечего и суетиться.

Ну, это так, лирика, а пока что есть насущные проблемы:

— До скорой встречи! — сказал я будущему начальнику стражи. — И большая просьба: стерегите их хорошенько, не хотелось бы, чтобы два мерзавца остались безнаказанными.

— Мы уж постараемся, господин Эрнст, — улыбнулся страж порядка. Он вошел в казармы, а я ушел по своим делам. У меня было еще дело на окраине трущоб.

* * *

— Здравствуйте, — слегка поклонился на моё приветствие мужчина.

— Меня интересует литература по врачеванию, если такая имеется, и мази для ран.

— С мазями проще, это есть, а вот с книгами... Сейчас посмотрю на чердаке. Помнится, были когда-то.

— Хорошо, я подожду вас.

Пожилый мужчина встал и вышел в дверцу, расположенную в стене за его спиной. Я стоял в небольшом магазинчике, который находился на первом этаже дома, и занимал одну из комнат, в другой, я так понял, было складское помещение. Везде царило запустение.

Некоторые полки были пусты, на других еще стояли баночки, висели пучки сушеных трав, валялись еще кой-какие вещички. На некоторых полках по кружкам пыли можно было определить, что совсем недавно там что-то стояло, и его убрали.

Через минут двадцать хозяин магазинчика явился с потрепанным и пожелтевшим томиком и, протерев тряпицей пыль, положил его на прилавок. Сверху поставил глиняную баночку грамм на триста с кусочком ткани на горлышке, перетянутым ниткой.

— Вот, за это все три серебряных, — твердым голосом сказал он, но в глазах мелькнул страх, что я не заплачу, развернусь и уйду, оставив товар.

Владелец дома был седой, среднего телосложения, немного сгорбленный, с мозолистыми ладонями. Озабоченное лицо и уставшие выцветшие глаза.

— Возьмите, — сказал я, выложив три монеты на стол перед ним. — Я думаю, эта книга того стоит. У меня знакомая немного в этом понимает.

— Тогда, сейчас, еще подождите, — он вновь скрылся за дверью и вернулся со стопкой из трех книг, перетянутых бечевкой. Если предыдущая была в три пальца толщиной, то эти — по четыре каждая.

— Возьмите. Мне они все равно без надобности. Я хочу все распродать и уехать прочь из этого города. Не могу уплатить все налоги, ну и... Вы понимаете, есть еще и неофициальные налогосборщики, люди, которые хотят денег за то, что они называют «крышей». Здесь никому не нужны мои услуги. Некоторые цветы и деревца за домом выкопаю, те, что мне очень дороги, а остальные придется бросить...

Он говорил тихим грустным голосом, опершись руками о прилавок и опустив голову, тоскливо глядя перед собой. Говорил больше для себя, чем для меня. Видно было, что цветы свои он любил, лавчонку он свою забросил с горя, а по рукам и рукавам, испачканным землёй, было видно, что большую часть времени он проводил в своем саду. Штаны на коленях у него тоже были в земле, налипшие комочки еще не осыпались, значит, незадолго до моего прихода он хозяйничал именно там.

— Вы не хотели бы работать у меня? — спросил я.

— В смысле? — с некоторой задержкой спросил он. В его глазах читалось удивление.

— В самом прямом. Я граф Эрландо Эрнст. Хороший знающий садовник мне не помешает. Тем более, у меня большие планы на будущее.

— Й... Я не знаю господин... — растерянно проговорил он. — А куда и что...

— Мое графство по соседству. Я насадил там себе сад, и хотелось бы, чтобы за ним был хороший уход. К тому же, я хотел бы, чтобы вы взяли себе ученицу. У меня есть способная девчушка.

— Господин, я могу забрать свои растения? — с робкой надеждой спросил он.

— Все до единого! Я не сомневаюсь, что у вас — потрясающая коллекция, и я бы хотел некоторые образцы видеть у себя в саду! Если вы, конечно, не будете возражать!

— Что вы, господин граф! — он низко поклонился. — Сочту за честь! Вы исполнили все мои мечты одним махом!

— Но, мы еще не обговорили вашу заработную плату.

— С меня будет достаточно места, где я буду жить, немного денег на еду, и сада! А, ученица, которой я могу передать свои знания, — это потрясающе!

— Все это у вас будет, можете не переживать. У меня к вам еще один вопрос: в сельском хозяйстве вы понимаете? В овощах там, корнеплодах, я, правда, не знаю, есть ли в них разница... Во фруктах вы разбираетесь, я в этом уверен...

— О да, конечно, я вывел такие сорта картофеля, помидоров и огурцов, которые...

— Вот и хорошо, это просто отлично! Давайте об этом поговорим уже у меня в замке. И, наверное, в присутствии моего советника по вопросам сельской промышленности. Я в этом — полный ноль!

— Спасибо, господин, спасибо! — затараторил он, выбираясь из-за прилавка. Низко поклонившись и поймав мою ладонь, он прижал ее к губам. — Спасибо вам!

— Пожалуйста, не нужно, — я аккуратно вынул свою ладонь из его рук. — Я не испорчен властью и не люблю, когда люди унижаются передо мной. Я тогда неуютно себя чувствую, и хочу вас попросить общаться со мной на равных. Тем более, вы старше меня.

— Господин, — удивленно вскинул брови мой собеседник. — Я еще никогда не видел таких людей, как вы.

— Ну, а теперь познакомились, — моя улыбка была искренней и радостной. — Значит, вас можно ждать у себя в замке?

— О да! — закивал старик.

— Вот, смотрите, — я достал еще денег из кармана. — Это вам за книги, а это — на переезд. Вам же нужны телеги там, лошади, или, я не знаю, другие тягловые животные.

— Перестаньте! — замахал руками садовник. — Не нужно, книги теперь принадлежат вам, а переезд я оплатить смогу!

— Ну, тогда это — на всякий случай, и пусть эти деньги будут предоплатой ваших услуг!

* * *

Распрощавшись со счастливым стариком, я, наконец, отправился к себе домой. Толкнув входную дверь, и войдя внутрь, я окинул зал взглядом. Все столики были заняты, никаких уголовных или подозрительных личностей не наблюдалось, поэтому я прошествовал к стойке, и облокотившись на нее, обратился к трактирщику:

— Добрый вам вечер.

Он, улыбнувшись, кивнул, и поздоровался со мной.

— Мне, пожалуйста, ужин в номер. Все то вкусное, что вы подаете сегодня вечером, графин холодного компота и бутылочку вина, когда Ален покинет номер. Стол накройте на троих. Спасибо. Ой, и еще, момент, — вернулся я. — Можно наполнить ванну?

— О да, это можно, прям, сей момент! Вода нагрета, я сию минуту прикажу коридорному, чтобы ее наносил в ванну!

— Еще раз: премного благодарен! Я приму ванную и позову накрывать.

* * *

Посидев, немного покиснув в своей деревянной кадке, я яростно потерялся намыленной мочалкой, вымыл голову, отершись и обмотавшись полотенцем, вышел в комнату. Захлопнув за собой дверь кончиками пальцев ноги, дошел до кресла, стоявшего в углу, и шлепнулся в него. Откинувшись на спинку, блаженно закрыл глаза. На улице уже стемнело, под окном трещали кузнечики, приятно пахло ночным воздухом... Стоп, окно. Нет, ОКНО! Почему онс

открыто!?

— Сидим, — кольнуло что-то острое мне в бок. — Не делаем резких движений, и прямо сейчас не умрем.

На столике вспыхнул масляный фонарь, до этого прикрытый заслонкой. За столом, на «моих» стульях сидело два почтенных господина. Один — худощавый, с серыми глазами и каким-то незапоминающимся лицом. Черный богатый камзол, серая рубаха и тонкая трость с серебряным набалдашником.

Второй — крупный, но не толстый, с носом картошкой и карими глазами. Простодушное лицо и лучики-морщинки у глаз и на щеках говорили о том, что он много улыбается. Уж не над трупами ли своих врагов?

Оба гражданина были седовласые. Глядя на них, я почему-то был уверен, что они привыкли повелевать и не слышать возражений. Если не ошибаюсь, то первый — представитель верхушки гильдии убийц, если не глава, а со вторым — такая же ситуация, только это гильдия воров.

— А что, есть варианты?

— Есть, — кивнул полный.

— Но сначала мы выслушаем тебя, — закончил убийца.

— Хорошо, — кивнул я. Покалывание в районе моей левой лопатки исчезло. — Я только...

Резко подняв и закинув за себя руки, сложив в замок, я схватил стоящего сзади за шею, и, перекинув через себя, грохнул о пол: как топором махнул.

Упавший встал и снова занял стул.

— Простите, — сказал я, поднимаясь и сбрасывая с себя полотенце на спинку стула. — Просто хочу одеть халат. Холодно! — добавил, сделав наивное лицо.

Шишки уголовного мира города продолжали молча, лишь слегка напрягшись, сидеть. Худой незаметно повернул серебряный набалдашник на пол-оборота. Я был уверен, что внутри трости спрятана длинная тонкая шпага.

Продефилировав под взглядами «пап» к своей кровати и двумя пальцами ухватив халат за воротник, демонстративно тряхнул и завернулся в него.

— Ну, вот, — сказал я, засовывая ноги в тапочки, взяв за спинку стул, стоящий у кровати, и подтащив к столу, уселся и откинулся на спинку — Теперь можем и поговорить... А то нагишом, да еще и за спиной маячат и тыкают ножом в спину. А вдруг порежут? Больно же будет.

Кресло я поставил так, чтобы сидеть вполоборота ко входу.

— Вы на удивление спокойны! — заулыбался крупный мужчина. — Неужто, у вас в рукаве есть какие-то козыри, о которых мы не знаем?

— Да нет, таковых не имеется. Просто я по жизни уравновешенный. Чего шараться от всех и от каждого? — вор хмыкнул. — Но у меня есть предложение!

Оба с интересом посмотрели на меня.

— Вы, вообще, как, голодны? Я — просто умираю от голода! Так вот, мое предложение — послать вашего телохранителя за пищей вниз, только пусть он скажет хозяину, что вино, нужно сейчас!

По лицу худого скользнула улыбка, а полный хлопнул ладонью по ноге и захохотал.

— Вот красавец! Просто душечка! Эй ты, дуй-ка вниз за жратвой! — сказал он, отсмеявшись, и утерев слезы с ресниц.

Пришла горничная и накрыла на стол. Я попросил ее забрать грязные вещи в стирку, а сам, извинившись и выйдя в ванную, надел белую блузу и черные штаны и вышел к гостям.

— Господа, еще раз прошу прощения за задержку. Теперь давайте начинать.

Следующие несколько минут мы молча насыщались, разглядывая друг друга. Наконец, отдав должное салату из кальмаров и рису, тушеному картофелю, разным вкусняшкам, которые я так и не опознал, мы взяли в руки бокалы вина, и откинулись на спинки стульев.

— Хотя ты веселый парень и потчевал нас вкусной едой, но претензии у нас к тебе остались, — заговорил глава гильдии воров. Главный убийца пока молчал. — Убито двух наших людей, еще один за решеткой. А шестерка прокололся на сайело. И что-то мне подсказывает, что твой бок везде присутствует.

— Интересно, значит, вы курировали всю эту затею с кораблем? — деланно удивился я. — Я-то думал — это личная затея Стефана и его сестренки. Вам же от этого будут крупные барыши. Ескон приставлен к Стефану для его охраны, а Регон человек, который продает полученный товар, всю выручку отдает вам, вы же ее разделяете соответственно рангу. И графеньш к этому никакого отношения не имеет?

— Эк, какой гаденыш, все по полочкам разложил! — всплеснул холеными руками полный гильдиец. — Прямо, аж завидки берут!

— Да, только пару мелких штрихов добавить, и будет конфетка, — низким голосом проговорил убийца. Кстати, впервые за вечер он открыл рот.

— Где и что, уточнить? — спросил я, доливая себе в бокал.

— Да расскажи ты все в красках! — заискрился улыбкой глава воров. — Интересно же на сон грядущий послушать!

* * *

— Ну, приблизительно так мы и подозревали. Все, конечно было намного примитивней и банальней, чем оказалось на самом деле, но... — задумчиво промолвил худой гильдиец. — Мы понимали, что эти ублюдки что-то мутят у нас за спиной и хотели понять, что именно.

— Да, потому-то и решили сначала с тобой поговорить, а потом — бритвой по горлу и... — сделал характерное движение улыбчивый господин. — А теперь как-то жалко. Хороший ты малый, граф... Как, бишь, вас величать?

— Эрландо. И без титула, будьте добры, — слегка поклонился я.

— Нам тоже не хотелось бы слышать их на людях, потому что, как вы догадались, они не высокосветские. Меня зовут Реган, а моего коллегу по ночным промыслам зовут Леган.

— Точно! — хлопнул я ладонями по ляжкам так неожиданно, что мои собеседники вздрогнули. — Вы близнецы! А я-то думаю, что мне все время глаз мозолит!? Что-то крутится, а понять не могу! Ваши имена поставили все на свои места! — я довольно откинулся на спинку стула.

— Во какой наблюдательный! — засмеялся Реган. — Глаза мы ему мозолим!

— Не драматизируйте! — махнул я рукой. — Ладно, давайте я лягу удобно, приму благодушное выражение лица, и режьте!

— Не драматизируй! — теперь махнул рукой Леган. — И резать тебя теперь не за что. Крыс, выходит, прибрал.

— Да, и тех ублюдков из тюрьмы никто вытаскивать не будет. По крайней мере, не

наши гильдии, — добавил от себя Реган.

— Вы, ребята, если что — обращайтесь! Помогу в силу своих квелых силенок! Да и мне ваша помощь может не помешать!

— Ну, парень, ты мне нравишься. Было приятно с тобой познакомиться. — протянул руку Реган. — Ты обращайся, если что. Подможем!

Распрощавшись с господами, которые ушли через дверь на этот раз, я позвал горничную и попросил убрать со стола. Фух-х-хх, длинный вечер, но это еще не конец!

Стол накрыли еще раз, и я пошел за Неилин.

Хотя было далеко за полночь, из-под двери девушки струилась полоска света. Поправив под мышкой приобретённые в лавке книги, я осторожно приоткрыл дверь. Неилин сидела на краю кровати, согнув ноги и обхватив их руками. Уложив подбородок на колени, она смотрела на тлеющие в камине угли.

На столике у кровати стоял подсвечник с тремя горящими свечами. Ветерок из открытого окна колебал огоньки, и от этого по стенам пробегали причудливые блики. Осторожно опустив книги на тумбу у входа и прикрыв за собой дверь, я подошел к кровати. Неилин так ушла в свои раздумья, что даже не заметила меня. На ее плечах лежало полотенце, по которому были рассыпаны волосы.

На ней были одеты просторные хб-шные штанишки и кофточка, на ногах тапочки с собачками. Скорей всего, сшила мохнатые собачьи головы и пришила их к шлепанцам она сама. Блики играли на ее изумрудных глазах, а маленькое розовое ушко так и просило его куснуть. Немного постояв, я шмыгнул носом, привлекая к себе внимание. Девушка вздрогнула, повернула голову в мою сторону, несколько секунд поморгала, чтобы глаза отвыкли от света пламени, и наконец узнала меня:

— О, Эрландо, привет! — радостно выдохнула она, и губы её растянулись в улыбке.

— Соскучилась, маленькая моя? — спросил я, присаживаясь рядом и обнимая ее за плечи. Она кивнула и грустно улыбнулась.

— Я тоже, — провел рукой по покатоному женскому плечу. — Расскажи, что тебя печалит?

— Ну, знаешь, я переживаю, — негромко сказала она. — Ты же перешел дорогу плохим людям... А они наверняка захотят отомстить. И потом, ты постоянно где-то пропадаешь. Я тебя жду, и думаю: а вдруг ты не вернешься больше никогда?

Она повернула ко мне свое лицо, и я заметил, что глаза ее покрасневшие и припухшие. Я легко подхватил ее на руки и усадил к себе на колени. Она всхлипнула, и уткнулась лицом мне в грудь, прикрывшись ладошкой с одной стороны. Мы сидели так несколько мгновений, а потом я заговорил:

— Не нужно плакать. Уже все позади, — одной рукой я прижимал ее к себе, а другой легонько поглаживал по спинке. — Теперь уже не нужно бояться. Если бы они хотели меня убить, я бы сейчас лежал мертвый в соседней комнате.

Она резко отстранилась от меня, упершись ладошками мне в грудь, и заглянула в глаза.

— Они приходили? — тревожно спросила она. — Что теперь будет?

— Давай ты быстренько оденешься, и мы встретимся у меня в комнате, там я все расскажу! Я пойду, позову Алена, для него тоже есть новости.

Девушка соскочила у меня с рук и побежала к дверям:

— Я и так посижу! Мне интересно, вы поторопитесь!

Постучав в дверь к братьям, я услышал голос Алена:

— Да-да, войдите.

Парень стоял у постели брата, сжимая в руке кинжал, рядом стояла пиала с заваренными травами, тряпица, которой он протирал раны брату, была в другой руке.

— А, это вы, — облегченно вздохнул он и убрал кинжал. — Есть новости?

— Да, таковые имеются, именно о них я и хотел поговорить. Когда закончите, зайдите ко мне в комнату.

Он кивнул и снова начал осторожно смачивать раны Редго. Осведомившись о самочувствии больного, я тихо вышел из комнаты, беззвучно прикрыв за собой дверь.

Вернувшись и заняв стул напротив Неилин, налил ей в бокал вина. Дверь отворилась, и вошел Ален. Удивленно подняв бровь, вопросительно посмотрел на меня:

— Я что-то напутал со временем?

— Нет-нет, все верно. Занимай свободный стул! — махнул рукой я.

— Ну, что, мне есть о чем вам рассказать. Начнем с самого безобидного: Неилин, я тебе купил книги по врачеванию и нанял себе отличного садовника и учителя для Элизии в одном лице. Плавнo перейдем к следующей новости, — я вынул из кармана сложенный вчетверо пергамент, и протянул Алену.

Он взял его дрожащими руками, догадываясь, что там, но когда развернул его, лицо его побледнело и окаменело.

— Вот, это доказательство, что корабль твой, только придержи его до судебного заседания. Это — ценная улика.

Кровь, наконец, вернулась в его лицо, и он просиял.

— Но, как!? — дрожащим голосом спросил он. — Как вам это удалось?

— Давай, я объявлю еще парочку новостей, а потом все по порядку. Где-то час тому назад меня чуть не убили. Одновременно гильдия воров и гильдия убийц посетили меня на этом месте!

В комнате повисло молчание. Каждый думал о своем, перебирая разные варианты у себя в голове.

— И что ты им предложил в обмен на свою жизнь? Или ты и их, того? — озвучила общий вопрос Неилин.

— Ну, я им сказал... — я оперся локтями о стол и уложил подбородок на пальцы, сцепленные в замок. — Я им сказал, что Ален заставил меня это сделать силой, захватив в плен Неилин, но теперь, раз обстоятельства так изменились, то они могут забрать тебя в сексуальное рабство, в обмен на мою жизнь свободу... — закончил я драматическим голосом, прикрыв глаз, и почесав бровь тремя пальцами.

От подзатыльника Алена я увернулся, а вот пощечину Неилин пропустил.

— Пошто посмел боярыню обидеть? — с вызовом спросил я, прикладывая холодную бутылку с вином к горячей щеке.

— Кого? — спросили они в один голос.

— Неважно, есть такой титул у одного народа.

— Так, а что с гильдиями?

— Ну, слушайте все по порядку, — я плеснул себе вина в бокал, кинул на хлеб еще одну шпротину с другого бутерброда, откусил, со вкусом прожевал и запил глотком вина. Поморщился, глядя на вино через стекло, и выплеснул его в окно:

— Мерзость-то какая! Ну, а это — чтобы всем досталось.

Под удивленные взгляды, обращенные на меня, в окно влез эльф, смаргивая капли вина

с ресниц.

— Как романтично, — сказал он, перекидывая ногу через подоконник. — Два, нет, три мужика, и одна дама, и та в пижаме!

Нейлин кинула в него оливкой, но он быстро отстранился, и та просвистела мимо, исчезнув в темном проеме окна.

— Иди, приведи себя в порядок и садись к столу.

Когда эльф вышел из ванной, чисто вымытый в свежей воде, облаченный в чистую одежду, он приволок самое большое кресло и влез за стол. Из сумки достал свою деревянную кружку, и, наполнив ее вином, опрокинул полчаши в рот. Заев все это бутербродом со шпротиной, только той стороной, где лежал соленый огурчик, откинулся на спинку кресла. Мы с интересом наблюдали за ним. Немного поразмыслив, он подвинул к себе поближе бутерброды с красной икрой, и, наполнив заново свою емкость, кивнул, и снова отвалился на спинку. Сделал глоток и еще кивнул:

— А теперь баяй, барин!

У нас троих дернулись брови, но потом все устали на меня.

— Вот такие-то пироги, ребята, — окончил я свой рассказ, дожевывая арахисовое зернышко. — Так что их завтра, как миленьких, повезут в горсовет, и там, в зале судей, в присутствии городского совета судья им вынесет приговор. Тук — как гильотина рухнет судейский молоток, и... Может, им лучше была бы гильотина? Рудники — это ад на земле...

Все дружно выдохнули и задумчиво кивнули. Стол давно уже опустел, и они время от времени покушались на мой соленый арахис. Я их отгонял шлепками по рукам, но нет, нет, а орешек-другой пропадал. Смотрю, он всем понравился!

— А следующая моя новость, и, наверное, самая важная на этот вечер: я вас всех выгоняю!

Вдоволь с удовольствием насмотревшись на перекошенные лица, я закончил мысль:

— Я устал целый день носиться по городу, поэтому пошли вон, я хочу спать!

— Ну, ты задолбал со своими идиотскими шутками! — взревел Кален.

— Тихо, тихо, люди уже спят! — громким шепотом заявил я.

— Да пошел ты!

Все потянулись к выходу. Эльф по дороге прихватил свои манатки, а Нейлин немного притормозила.

Мой егерь, оглянувшись через плечо и хмыкнув, притворил за собой дверь. Нейлин обняла меня за талию и прильнула к моим губам. Несколько минут мы целовались, а потом она отстранилась и сказала:

— Это тебе за книги. Спасибо. Ты хороший.

Она толкнула меня в грудь, и мы повалились на кровать. Свечи на столе уже были погашены, а подсвечник на столике у постели мы задели при падении, и он покатился по полу, загасив свечи.

Комната погрузилась во тьму, и мы некоторое время лежали на кровати рядышком на спине, наслаждаясь тишиной и темнотой. Я перевернулся на бок и... Это было прекрасно...

Суд прошел как-то обыденно.

За столом восседал, разглядывая перед ним лежащие бумаги, седой мужчина. Рядом с бумагами стояла чернильница с торчащим в ней пером, и лежал деревянный молоток.

Дочитав обвинения, излагавшиеся на нескольких листах бумаги, он разложил те два из них перед собой, на которых под фамилиями обвиняемых и обвинениями нужно было записать решение суда. Аккуратно подровняв стопочку бумаги в углу стола, откинулся на высокую спинку своего кресла:

— Пожалуйста, введите подсудимых.

Дверь, находящаяся по правую сторону от кресла судьи и стола, за которым сидело пять глав гильдий, отворилась, и в нее ввели первого подсудимого — грузного мужчину с презрительной ухмылкой на лице. Руки его были связаны за спиной, на ногах позванивали кандалы. Одет он был в дорогой, но очень измятый костюм, волосы в беспорядке разметались по голове.

— Отец, привет, — по-свойски кинул седому господину на возвышении. Присяжные сделали вид, что ничего не произошло.

Старик сосредоточил свой взгляд на вошедшем, долго изучающе разглядывал его, а потом спросил:

— Ты знаешь, в чем тебя обвиняют?

— Да, — ухмыльнулся тот. — Но это все ложь. Меня оклеветали.

Презрительная ухмылка не сходила с его лица. Старик, передернув щекой, взял со стопки первый лист:

— «Я, такой-то, такой-то, был свидетелем происшествия в порту...» — процитировал он первый листок, и отложил его в сторону. — «Я, такой-то, такой-тович, собственными глазами.» «Я...» Ну, здесь похожие свидетельства...

— А, это пьянчуги какие-то! — с наигранным негодованием воскликнул грузный господин, стоящий перед судом.

— Мы, группа лиц из шестнадцати человек, неграмотные, посему поручили господину..., составить свидетельствующее письмо за нас, и заявляем, что седьмого числа, первого месяца лета года буйвола, стали свидетелями...» — ...они, наверно, все перепились, и были в состоянии белой горячки... — страдальчески покачал головой старик.

Судье было уже далеко за шестьдесят, хотя он выглядел лет на пятьдесят с небольшим.

— Отец, да как...

— Закрой рот! — изо всей силы бахнул кулаком по столу судья. — Ты, жалкий подонок, да как ты смеешь называть меня отцом!? Ты, ублюдок, которого я по доброте душевной признал и дал место в обществе, ты позоришь меня!

— Г... Господин, это все неправда... — проблеял байстрюк графа эл Солен, но тот был неумолим и бесстрастным голосом обратился к главам гильдий:

— Довольно, суд присяжных, вы согласны с обвинениями, и подтверждаете, что этот человек достоин наказания?

Главы гильдий единогласно подтвердили сие решение, и граф тогда произнёс:

— Вмените ему высшую меру наказания. Карайте по полной.

Сопrotивляющегося и орущего, бывшего капитана портовой стражи и начальника

таможенного контроля, потянули из зала.

Его место занял бывший незаконный владелец корабля. Он был бледен, так как стоял под дверью в ожидании своей очереди, и видел, и слышал развязку. Глаза его заметались по залу в поисках своих спасителей.

Увидев меня, сидящего рядом с главами гильдий, он просиял, и, уловив мой взгляд, черкнул пальцем по горлу. Я приподнял брови и улыбнулся. Глава гильдии убийц презрительно отвернулся, а воровской «папа», склонившись к моему уху, зашептал:

— Вот убудок. Мало того, что хотел кинуть нас на деньги, так еще и хочет, чтобы мы разгребали его проблемы...

Я кивнул, подтверждая его слова, и добавил:

— Таких крыс, заведшихся в твоём доме, нужно душить.

— Я уверен, что они не один корабль так продали...

И словно в подтверждение слов гильдийца граф произнес:

— ...обвиняемый замешан в мошенничестве с кораблем господина Алена, поэтому суд считает, что и предыдущие обращения о хищении имущества, то бишь, суден, тоже его рук дело. И в продаже «пыльцы счастья» соучастником в этом был и предыдущий обвиняемый...

Обвиняемый умоляюще взглянул в нашу сторону, но Реган как раз заканчивал свою мысль, а Леган многообещающе улыбался, и от этой улыбки мурашки шли по коже.

— Так и есть. — прошептал Реган. — Воровал, гаденыш. Ничего, люди Легана...

Развернувшись к подсудимому, он ободряюще улыбнулся и подмигнул. Неудачливый мошенник визгливо закричал:

— Это он! Вы видите того человека рядом с глав...

Крик его оборвался, так как сзади к нему подбежал стражник и ударил рукоятью меча по голове. Извиняясь, он посмотрел на графа, но тот благодарно кивнул:

— Спасибо, этот визг было противно слушать. Присяжные, обвинения вы выслушали да и прочитали. Я думаю, этого достаточно, и оправданий со стороны стоя... лежащего перед вами человека не найдется. Согласны покарать его по всей строгости закона?

Присяжные поднялись и поклонились.

— К тому же, документ на владение кораблем «Морская русалка» был поддельным, выписан на имя все того же лежащего. Поэтому я считаю необходимым его аннулировать, а корабль вернуть законному владельцу. Возражения есть? Тогда, писчий, напиши бумагу, я подпишу.

— Этот козел много говорил, — сказал Реган, когда мы втроем вышли из зала суда и теперь спускались по каменной лестнице, идущей от главного входа в здание. — Благо, что ему вовремя заткнули рот.

— И не сомневаюсь, что рот ему затыкали твои люди. Или ваши... — с ехидцей добавил я.

— Если бы мы были короткорукими, наших контор ночных ремесел уже давно бы не существовало! — подчеркнул Реган.

— Этого никто не оспаривает. А надежных людей, я подчеркиваю: «надежных», всегда нужно иметь везде. Так, на всякий случай. Предлагаю зайти куда-нибудь перекусить. А то ведь полдень уже!

— Есть тут одно хорошее заведение. У них отличная кухня! — снова заговорил Реган. Его брат-близнец был молчалив, как гранитная скала. Видать, при рождении распределение всех качеств между братьями было неравномерным, и одному достались избыточный вес,

юморной характер, говорливость, и мало ли там еще чего, а вот второй... Зато, с ними было проще говорить: обращаешься к одному, отвечает один — за двоих, а второй изредка кивает, или скажет полтора слова.

У шикарнейшего дома на главной площади, к которому мы вскоре подошли, красовались высаженные в один ряд туи, за которыми следовала живая изгородь из кустов мраморно-белых лилий, все остальное свободное пространство вокруг было засеяно зеленой травкой, аккуратно подстриженной и ухоженной. Таверна так и называлась — «Золотая лилия». Наверняка, и цены тут были в золоте, ну, уж никак не в медных монетках.

Белые стены с позолоченными откосами, позолоченными дверными и оконными рамами. Идеальная чистота.

— Вот ходил возле этого трактира и думал: а здесь вообще кто-то бывает? Это же какие цены здесь!

— Думаю, если бы это себя не окупало, трактир бы никто не держал. Ведь здесь проходят деловые, иногда и полуофициальные встречи, в порт часто заходят имперские военные корабли (ведь дальше, за дикими полями и пустошью лежит огромное царство, которое последнее время зашевелилось. Поэтому и наш король сейчас засуетился). Да и купцы сюда заплывают. Кедром мы тоже торгуем, на северо-западе королевства его много растет. Не только устриц продавать же! Давайте присядем с вами и всё это уже за едой обсудим.

У самого входа ко мне подбежала очень красивая заплаканная девушка: красные от слез глаза, черные волосы и вспухшие от рёва губы, следы расплывшейся туши на щеках. Длинные перчатки до локтей, голубое платье и накидка из меха соболя. Что-то меня в ней насторожило.

— Господин, помогите, у меня... — запричитала она, с размаху бросившись мне на грудь и цепко обвив шею рукой.

Что «у нее», я узнать не успел: в одетой в перчатке руке блеснул узкий длинный нож, которым она изо всей силы попыталась пырнуть меня в грудь.

— У меня отняли брата и отрезали пальцы, тварь!

— Вот насчет пальцев я заметил, — сказал я, и, удерживая, со всего маху вклепил ей пощечину, от которой та, не удержавшись, свалилась на пол. — И ты, и брат твой получили наказание вполне обоснованно и заслуженно.

Девчонка дернулась, чтобы подняться с земли, и ей в этом помогли. Яростно сверкая глазами, она вновь набросилась на меня, попытавшись еще раз вонзить сломанный о кольчугу нож под подбородок, но ее руки придержал швейцар и парень из охраны заведения, аккуратно вынув обломок из руки, ставшие рядом с ней и таким образом зажавшие ее между собой.

— Проведите ее в подвал, пусть с ней побеседует... Ну, вы поняли кто.

— Да, господин! — улыбнулся вышибала и вместе с швейцаром повел ее в неприметную дверцу за углом.

— Я понял, кто содержит этот гостеприимный трактир! — сказал я, пальцем трогая дыру в рубашке. Снизу под рубаху была поддета тонкая кольчуга, именно поэтому я до сих пор не лежал с дыркой в груди, истекая кровью.

— Хочешь жить, — умей вертеться, — скромненько промолвил Реган, приглашая меня в свой трактир.

— Пойду, понаблюдаю за процессом чистосердечного признания, — сказал Леган и

отправился к двери, за которой минуту перед этим скрылась парочка с девушкой.

Я оглядел внутренне убранство трактира. Стены зала изнутри были драпированы светло-желтой дорогой парчовой тканью, пол был устлан кедровым паркетом, потолок покрыт кедровыми пластинами, украшенными великолепной резьбой, на окнах красовались зелёно-красные шторы с ламбрекенами. По залу в мудром беспорядке были разбросаны деревянные столики на шесть персон, созданные из какого-то светлого дерева и покрытые лаком. Каждый столик украшали салфетница с мудрено выложенными в них разноцветными салфетками, баночки с солью, сахаром и перцем. Напротив входной двери в стене была видна дверь, ведущая в коридор, по обе стороны которого располагались специальные комнатки для частных лиц.

— Обед на двоих, пожалуйста, мне в кабинет.

По широкой, около трех метров ширины деревянной двухпролетной лестнице мы поднялись на второй этаж. Взгляд скользнул по стенам, устланным дубовыми панелями, с вырезанными лилиями понизу и поверху.

— Пройдемте в мой скромный кабинетик, — пригласил меня Реган, толкая покрытую искусно вырезанными узорами дверь, открывающую вход в одну из комнат.

Обычно после таких слов ожидаешь увидеть какие-то апартаменты, от которых либо дух захватывает от помпезности, либо от дороговизны, ну или просто молча поражаешься, а в голове бьется одна мысль: «Кучу денег угрохано в какое-то безвкусное барахло — стоит дорого, а в нем — ни вида, ни красоты».

Здесь же от увиденного действительно дыхание перехватило, и я аж остановился от неожиданности, а потом, тряхнув головой, двинулся дальше.

— Не переживай, не ты один, — утешил меня Реган, усаживаясь за стол, на который слуги ставили посуду с едой. Один из безмолвных парней поднес большой, литров на пять, таз с водой, в котором плавал одинокий лист розы, и патриарх воров омыл там руки. Мне поднесли такой же таз, только у меня листьев плавало поболее, и это никого совершенно не смущало.

— Терпеть не могу показухи! — категорично заявил Реган, повязывая себе «слюнявчик». — Внизу — то для богатеньких, прошу прощения за выражение, говнюков, которые с жиру бесятся, а где этот мусор можно избежать, я пытаюсь его устранить.

Я осмотрел кабинет. Вокруг была строго деловая обстановка: лакированный письменный стол из черного дерева, к нему перпендикулярно приставлен другой стол — для посетителей, рассчитанный человек на восемь. За ним мы и сидели. У одной стены стояли из того же дерева шкафы: одни — с глухими дверцами на замках, другие — со стеклянными, за которыми виднелись разного рода статуэтки, чаши, кубки, шкатулочки. У другой стены выстроились книжные полки с ровными рядами книг в кожаных переплетах с тисненными надписями, в строгом порядке размещёнными свитками, а на одной из полок вообще стоял череп с проломленным виском.

— Да был тут один, — проследив за моим взглядом и прочтя немой вопрос, ответил хозяин дома..

Я ещё раз окинул взглядом комнату. На полу простилался громадный темно-синий ковер. Переведя взгляд на стены, выкрашенные светло-голубым цветом, обратил внимание на картины с великолепными пейзажами и вдруг среди них выделил для себя портрет — харя какого-то типа: толстенное, с обвисшими щеками, лоснящимися от жира, мясистый нос, размером с окорок индейки, губы, искривленные в презрительной улыбке, поросячьи

глазки. Синий фрак, казалось, вот-вот лопнет на пузе.

— Мой предшественник. Терпеть его не мог, — прокомментировал Реган и тут же пояснил, видя мою приподнятую бровь. — Плюю в нее, когда, выхожу из комнаты. Да, кстати, это его запчасть, — кивнул он в сторону черепа на полке.

— Жуткий вы человек, — покачал я головой.

— Да нет, я-то нормальный, а вот место работы обязывает и не такие штучки вытворять. Авторитет...

— М-да, как все у вас сложно и запутано.

— Да нет, нормально, нужно же как-то на них управу находить? Я, вообще, промышлял тут по мелочи, а прижало, — довелось самому начать буянить. Убрал того, убрал другого...

— Интересно, интересно... Чем же таким...

— Да так, были у меня ребятки, ныряли за жемчугом. Пришел вот этот, — кивок в сторону портрета, — и предъявил претензии. А дело только-только пошло... Так, стоп, сначала едим!

На столе стояли блюда с разной снедью: солёная свинина, вымоченная в миндальном молоке и хорошо поперченная, павлин с перьями, каплуны с коричневой и хрустящей корочкой, нашпигованные луком, травами, грибами и жареными каштанами, вместо традиционной фаршированной щуки — расслаивающееся ломти белой трески, запечённой в тесте, под каким-то вкусным коричневым соусом, гороховая каша, репа с маслом, морковь, залитая мёдом, и белый сыр. В центре всего этого великолепия возвышался хрустальный графин с холодным вином.

— Да, затраты только-только начали себя окупать. — продолжил Реган, разливая вино по бокалам. — А эта гл... пardon, червь приполз ко мне за процентом, а то и за всем, что было. Ну что, за знакомство?

Мы чокнулись и выпили.

— Мммм, вкусное! — прикрыл я глаза, наслаждаясь великолепным букетом вина.

— А то как же, для себя — только лучшее. Малийское, вожу своим кораблем.

— Вы неплохо тут устроились, я смотрю!

— Ну, а как, а как? Хочешь жить, — умеи вертеться! — улыбнулся толстяк, вынимая из ножен дорогой кинжал с позолоченной ручкой, усыпанной драгоценными камнями. Лезвие было изогнутой формы, из отличной стали, дорогие ножны лежали на столе на специальной подставке. Ножны тоже были украшены множеством дорогих камней. — Последний раз ходили на Андерон. Лет пять назад. Потом наступило затишье, и вот, по-моему, опять.

Он ножом отчекрыжил себе ножку павлина и положил на тарелку.

— Так мы с братом и пристроились. Это вкратце, а если подробно, то это очень долго, да и не для широкой огласки. Так что, ты уж извини.

— Да тут не за что просить прощения. У каждого есть свои секреты. Так вот. Я хотел с вами поговорить об одном дельце, раз уж так. Вы занимаетесь добычей жемчуга, значит, у вас налажены кой-какие связи. Я тут собираюсь заняться одним дельцем, и хотел бы с вами сотрудничать.

— О каком сотрудничестве, собственно, идет речь? — приподнял бровь Реган.

— Я хотел бы некоторые товары доставлять в империю контрабандно, негласными каналами, чтобы они не облагались налогом. А то многие захотят на этом деле погреть руки, вернее, поймать процент.

— Я мог бы вам помочь, но мне нужно знать, что это будет за товар. Не могу же я

делать это вслепую, вдруг вы собираетесь возить «пыльцу счастья».

— Могу вас уверить, это будет не «пыльца счастья». Это будет нечто другое. Если брать по минимуму, то это будут всякого рода овощи, фрукты, древесина, еще я думаю основать здесь серьезную каменоломню. А вот самое вкусное..

— М-да, планы у вас грандиозные... Но вы меня заинтересовали. А вдруг получится! Тем более, мне бы очень хотелось с вами сотрудничать! Похожи на меня в юности, и, как-никак, вы рисуете очень перспективные планы, и даже очень осуществимые вещи предлагаете. Так что с ресурсом мы вам поможем!

— Надеюсь, дальше этой комнаты наш разговор не выйдет? Очень уж оно лакомое это предложение, однако оно чревато разными последствиями.

— Обижаете! Тут даже брату родному доверять опасно, хоть он у меня больной молчун. Просто на всякий случай.

— Отлично, тогда, можно считать, что мы с вами договорились?

— Гугм! — потер руками Реган, довольно улыбаясь. — Ресурсом для каменоломни мы вас обеспечим! И, отвечая на ваш немой вопрос — все будет без «мокрухи». По крайней мере, двое у вас уже есть. А надсмотрщиков выделим из людей Легана. Он займется.

— Вот и отлично! Приятно иметь дело с образованными людьми! — улыбнулся я.

— О да, я ведь по образованию инженер-архитектор... — теперь уже улыбался Реган, глядя на мои выпученные глаза.

— М-да... Никогда бы не подумал, что... — помахал я рукой, — и вот так... — я развел руками.

— Да ничего тут странного. — заулыбался Реган. — Эта фраза уже была, произносилась сегодня: «Хочешь жить...» ну, и так далее. Наше дальнейшее сотрудничество гарантировано. И я вот думаю: чем бы я еще мог бы вам помочь?

— Я сюда приехал вот по какому поводу: слышали о делах, которые творятся за горами и в графстве эл Рези? — задал я вопрос, и, дождавшись утвердительного кивка, продолжил. — И мне совершенно не хочется, чтобы эта холера перелезла через забор Сарантая, и пошла по нашим землям.

— Заботливый из вас барон получается! Я так понимаю, вы приехали нанимать себе солдат?

— Именно. Не сомневаюсь, что король придет на помощь, однако, если мои донесения верны, он может немного припоздниться.

— Если моя информация не хуже вашей, то это действительно может произойти на самом деле.

— Именно этого я и опасаюсь! Там же люди живут, а не скоты какие, и смерть невинных...

— Знаете, вы оч-чень интересный молодой человек, — сдержанно улыбнулся глава гильдии воров. — Основная масса баронов, графов и прочей гниющей массы именно так и считает — нелюди, рабсила, которая живет на земле, чтобы насыщать их.

— Им есть название — ублюдки. Все люди — люди, и все равны! Есть те, которые поставлены быть главами общества, чтобы направлять людскую массу в нужное русло, дабы не случилось хаоса или анархии, но никак не для того, чтобы помыкать, презирать и унижать нижестоящих! — гаркнул я, и, забывшись, вlepил кулаком по крышке стола так, что аж посуда зазвенела.

— Ой, простите! — смутился я, поднимая завалившийся на бок стакан с салфетками.

— С каждым мигом вы мне нравитесь все больше и больше! — захохотал Реган. — Амбициозный и целеустремленный парень, который медленно, но уверенно воплощает свои мечты в реальность!

— Что вы имеете ввиду? — настороженно поднял я бровь.

— А то, что я знаю, какую политику вы насаждаете у себя в графстве, и это — одна часть. У меня есть также информация, что вы в скором времени можете стать владельцем и этого куска земли! Это меня очень даже устраивает, ведь у нас схожие мировоззрения! — голос Регана стал каким-то мечтательным, а глаза устремились в пустоту. — Ведь в своей юности и я мечтал о том же, но прошло время, и все мечты сгинули под горой мусора суровой реальности. А вы всколыхнули забытое...

— В общем, — бухнул локтями о стол, навалившись на него всем корпусом и приблизив ко мне лицо. — На меня с брателлой и на наши возможности рассчитывай полностью! Наша поддержка тебе обеспечена! И с корпусом конницы, ну, все что наскребём, и разных солдат мы тебе организуем. Убийц, которые вырежут половину лагеря прежде, чем часовой поймет, что уже мертв с самого начала резни — тоже не вопрос. На того, которого ты порешил, можешь не равняться. То была мелкая шавка, ничему не обучена, и со слишком высоким самомнением, — скрежетнул зубами вор.

— Да, и у меня о вас высокое мнение. Не буду рассыпаться в похвалах, но мне льстит ваша дружба.

Я встал и протянул ему руку. Мы обменялись крепкими рукопожатиями.

— Думаю, у нас обоих остались нераскрытые козыри, но мы разыграем их позже. А сейчас пусть поварята разогреют еду, и давай, наконец, поедим!

Трапеза подошла к концу.

— Добро, давайте сделаем так — вы езжайте к себе в графство, а я с тем, о чем мы договаривались, подъеду немного погодя в оговоренное место.

— Согласен. Решу еще пару вопросов в городе, и уеду. А через день по прибытии жду.

Мы вновь крепко стиснули друг другу руки и разошлись. Реган вернулся к себе в гостиницу, а я направил свои стопы в замок графа эл Солен. С главой гильдии воров — Реганом Сэнтэром, родным братом-близнецом главой гильдии убийц, у нас состоялся деловой и очень плодотворный разговор. Разрешилось множество тревожащих меня вопросов, и теперь можно было вздохнуть спокойнее.

* * *

Если честно, идти уже совсем не хотелось. Поэтому, с трудом подавив вздох, я направился к графскому замку. Как же я намаялся за эти дни! Сумасшедшая гонка по городу, куча непредвиденных дел, навалившихся на меня неподъемной горой (хотя в процессе разгребания оных проблем я приобрел себе много новых друзей) измотали меня.

Графский замок серой громадиной высился над двадцатиметровой стеной на южной стороне площади. На шпилях башен развевались флаги с изображением трехглавого орла — с синей, красной и зеленой головами. Это был герб троих друзей, и у каждого из них он отличался он только цветом средней головы орла: у эл Сонера была красная, а у эл Рези — желтая, ну, а у их почившего друга — зеленая.

На кирасах стражников, на нагрудной пластине тоже был выбит орел, средняя голова

была вставкой из красной меди, начищенная, как и сами кирасы, до зеркального блеска. Другие головы были наведены хорошей краской, которая долго не выцветала и не портилась от погоды.

С выправкой солдат не было проблем, видимо, граф очень трепетно относился к воинскому делу, и я не сомневался, что он самолично проводил смотры своих солдат и строго наказывал нерадивых, а заодно и их командиров, чтобы бдительней и придиричивей относились к обучению подчинённых. В общем-то, неплохой городской гарнизон мне достанется в случае чего!

Когда я подошел к воротам замка, солдаты даже не шевельнулись, и я, удивленно приподняв бровь, прошептал по подъемному мосту. Из караулки, находящейся под аркой надвратной башни, из-за катапульты, стоявшей у самых ворот, вышел капитан стражи, сдержанно поклонился, отдал воинскую честь и заговорил спокойным, с легкой, едва заметной хрипотцой, голосом:

— Господин Эрнст, граф предупредил о вас и распорядился сразу же провести вас к нему.

— Спасибо, капитан, пройдемте, — кивнул я, и мы направились по каменной дороге, шириной в метра три, ко входу в замок.

Влево, шириной поменьше, отходила дорожка, ведущая к конюшням. С правой стороны располагались хозяйственные строения и дом для прислуги. Все участки между дорожками были засажены низкорослыми кустиками и грамотно насаженными деревьями. Трава была скошена, а деревья и кусты подстрижены. Везде царили чистота и порядок.

Замок был четырехэтажным, с высоко поднятыми башнями и шпилями, в которых можно было разместить еще комнаты. Скорее всего, так и было, а, возможно, там были кладовые.

Высокие стрельчатые окна. Углубления, украшенные резьбой в виде вырезанных фигурок человечков, были сделаны так, что по ним было совершенно невозможно подняться по стене.

Замок из серого камня представлял собой красивое сооружение. Он, скорее всего, появился здесь намного раньше, чем здесь обосновались люди! Только с падением экономики (сейчас все королевство переживало не лучшие времена), город, а с ним и замок, потихоньку начинали утрачивать свою былую красоту.

— Этот замок здесь уже очень давно, — заговорил мой проводник, озвучивая мои мысли. — Весь город пытались строить, подражая ему, но это нелегко сделать. Кто его построил — неизвестно, здесь граф жил со своими друзьями, пока те строили свои замки. Но, у них и приблизительно похожего не получилось! Повезло моему господину!

Разговаривая, мы вошли в широкие и высокие кованые двери замка, на которых были изображены все те же человечки.

Пол был выстелен белым мрамором. Очевидно, недавно заново положенный, так как в нем еще не протерлись углубления.

Стены были сплошь увешаны гобеленами, испещрёнными изображениями битв и разных чудищ. И повсюду присутствовали эти маленькие человечки. Я обратил внимание на одну из картин. Она была так искусно сделана, что дух захватывало от работы неизвестного мастера, создавшего этот шедевр. Хотя я был здесь уже во второй раз, но все равно задержался, чтобы еще раз окинуть глазами это чудо.

В ответвляющихся коридорах одни стены тоже были украшены картинами и гобеленами, на других висело различное оружие, на полах лежали ковры, по углам стояли высокие вазоны с цветами, в нишах размещались рыцарские доспехи.

И так были обустроены все четыре этажа, встречались комнаты с похожими картинами, как и в зале, как и при входе в замок. Правда, в промежуточных комнатах изображения имели определенную тематику. К примеру, в комнате, в которой располагался кабинет графа, была изображена битва этих маленьких, пузатых и бородатых человечков, которые с топорами наперевес, в какой-то, судя по всему, пещере, отражали нападение длинных червеобразных тварей с огромными клешнями и зубами, едва ли не в рост самих коротышек.

— Странные создания, не правда ли? — задал вопрос граф, поднимаясь с высокого мягкого кресла, стоявшего в стороне от письменного стола у шкафов с полками, уставленными книжками. — Я перелопатил массу литературы, но так и не нашел упоминания о них.

Пожав мою протянутую руку, он предложил мне усесться в такое же кресло, стоявшее рядом с его креслом.

— Что вы будете есть, пить? — спросил он, взяв в руку серебряный колокольчик, стоявший на столике между нашими креслами. — Я так понимаю, господин Реган вас хорошо накормил, поэтому и не приглашаю вас к огромному столу, а всего лишь легко перекусить.

— Я вижу, вы неплохо осведомлены! — приподнял я бровь.

— Если бы я был плохо осведомлен о делах, творящихся в моем графстве, давно был бы мертв. Хоть мне и нравится тихая жизнь, именно поэтому я и отказался от титула герцога, но мне ее не видать. Очень уж удобное тут местечко для заработка огромных денег. Вы заметили, что в порту мало кораблей? Кто-то заботится о том, чтобы здесь становилось все хуже и хуже. Я уже стар, хотя выгляжу бодрым и все еще сильным, но уже чувствую свою смерть. Ох, и близко она, смертельным холодом дышит в затылок!

— Все так категорично? — грустным голосом спросил я, ведь человеком он был действительно хорошим! — Вы чем-то больны? Или вам угрожает опасность?

— И то, и другое. Все старые люди имеют свои болячки, а врагов у меня хватает, не хотелось бы их вам оставлять...

Старик тяжело вздохнул и сгорбился в своем кресле, и только теперь стало видно, насколько он стар. Осунувшееся лицо, дряблая кожа, да и запах от него доносился, как от старых людей.

— Умру я от старости, сынок. Да и такие выродки, как этот мой сын, здоровья не прибавляют. Всех их признал, дал некоторое количество денег, можно сказать, дал дорогу в люди! Так другие дети как дети, вернее, люди как люди: кто земли купил, кто дело открыл, кто еще чем занялся, а это! Чмо! Да еще и с криминалом съякшался, и наркотиками увлекся! — глаза старика горели ненавистью, руки и нижняя челюсть мелко дрожали. Я начал переживать, не хватит ли его удар. — Такой позор! — сиплым голосом проговорил старик.

Взяв со столика чашу, наполнил ее вином, залпом выпил, наполнил снова и сделал еще пару глотков.

— Ты отличный парень. Воспитанный, образованный, честный и порядочный. Как хотел бы я себе такого же сына... Я умираю, но с удовольствием передаю тебе свое графство. Знаю, что здесь все будет хорошо.

— Милорд, давайте не будем о плохом! — взмолился я. — С таким жизненным настроем вы только быстрее в мир иной отправитесь!

— Да мне уже все равно — раньше, позже! — грустно улыбнулся старик. — Но, действительно, давайте не будем портить столь прекрасный летний вечер!

На улицы города опустилась темнота, в окно залетал приятный ветерок, в кустах и траве под окном звенели кузнечики. В комнату осторожно вошли слуги, разожгли огонь в камине, засветили масляные лампы на стенах и зажгли свечи в большом канделябре. Все окунулось в желтоватый свет.

— Ты обратил внимание на изображения на стенах? — спросил граф, делая широкий жест рукой с чашей. — Мне всегда было интересно, что это за народ! Тебя это не интересует?

— Да, интересный народ, у себя в горах я знаю несколько пещер, стены которых украшены такими же рисунками, но там изображены картины поменьше. И там, в основном, мирные сцены.

— Я уверен, что этот замок строили эти существа. У короля замок намного величественней и больше, но этот тоже шедевр. Люди не умеют строить такие здания! Это исчезнувшая раса, которая жила либо вместе с людьми, либо раньше.

— Очень даже может быть! — кивнул я. — Даже название этой расы кануло в летах. И неизвестно, что с ней произошло, и если этот народ еще жив, то куда-то он ушёл.

Мы обсудили еще кой-какие дела, и я засобиравшись в таверну. Вежливо распрощавшись с графом, вышел из замка на главную площадь города.

На улице стояла приятная, теплая ночь, но я все равно застегнул камзол, оставив расстёгнутой только верхнюю пуговицу. Пожелал доброй ночи солдату, вышедшему из караулки, чтобы открыть мне дверцу в воротах замка. Катапульта была поднята, так как никакого вражеского нападения на город не предвиделось.

Быстрым шагом, придерживая меч, я пересек площадь и вошел в переулок. Масляные фонари освещали дорогу, ставни на окнах домов были плотно закрыты, где-то на краю города брехали собаки, в общем, тихая и мирная ночь. Теперь даже мести гильдийцев можно не опасаться!

Когда я вернулся в таверну и подошёл к своей комнате, то остановился перед дверью, как вкопанный. На полу отсвечивала полоска света, выбивавшаяся из-под двери.

Весь подобравшись и приготовившись, резко крутанув ручку, я кубарем вкатился в комнату, чтобы стрелявший арбалетчик, если такой имеется, и ожидающий входящего человека, промахнулся, и всадил болт в стену за мной. Подхватившись, с кинжалом в руке, с направленным лезвием вниз, я окинул взглядом комнату, ища возможного противника.

На кресле, возле стола, спиной к стене и лицом к двери сидела Нейлин. В руках она держала одну из недавно подаренных мною книг. На ней была зеленая пижама, на ногах — тапочки с ушками, одну ногу закинула на вторую, ее рубиновые глаза исподлобья смотрели на меня.

На столе горела яркая керосиновая лампа.

Бросив кинжал, больше похожий на дугу, на стол, я показательно начал отряхивать свою одежду.

— Оч-чень эффектно, — резюмировала девушка и отложила книгу на стол. Прежде, чем она ее захлопнула, я увидел рисунок человека с распоротым животом. Картинку окружали надписи со стрелочками, указывающими на отдельные органы.

— Очень занимательные и расслабляющие вещи ты читаешь на ночь, — таким же, как она, тоном сказал я, скидывая сапоги, расстегивая камзол и стаскивая рубаху через голову. Девушка наблюдала из-под ресниц, а когда я взялся за завязки на штанах, заметно заволновалась. Когда же расстегнул штаны и, усевшись на кровать, начал стягивать их с ног, у нее глаза распахнулись во всю возможную величину.

— Эй, ты чего удумал!? — нервно спросила она, а когда я стащив штаны и, сложив, бросил рядом с собой, засунул большие пальцы за резинку панталон, начал тянуть вниз... Девушка пискнула и прикрыла ладошками рот. Щеки ее залились румянцем.

— Ч... ч... что ты делаешь? — пропищала она.

— Нет, заявила сюда в такой одежде, от которой у меня чуть кровь носом не идет от перевозбуждения! Что-то же нужно делать со своей похотью, например, воплотить все свои эротические фантазии...

Я плотоядно облизался, горящими глазами глядя на девушку.

— Ты, конечно же, шутишь? — прошептала она.

— Нет! — гаркнул я! — Если ты не выйдешь из комнаты и не попросишь у горничной набрать мне теплой воды в ванную... — я сверкнул глазами, — то мне придется заставить тебя бегать со мной вокруг дома, чтобы согреться!

— Я там уже распорядилась. А ты без трусов собирался бегать вокруг дома? — ехидно усмехнулась она.

— Уела, согласен! — признался я, с полотенцем наперевес направляясь в ванную и закрывая за собой дверь.

— Готовься, завтра последний день, с утра идем по базару гулять! — крикнул я, сбросив труселя на пол и закинув полотенце на крюк, торчащий из стены, одновременно добавляя огоньку в масляной горелке.

Опустив ногу в ванную, я заорал, как ненормальный. На краю ванной сидел человек, и внимательно смотрел на меня. В бликах лампы его глаза, казалось, сверкали адским огнем.

Нейлин распахнула дверь, оторвав щеколду.

— Что...?

Ей хватило насколько мгновений, чтобы оценить ситуацию, и в сидящего человека полетела ваза, прихваченная со стола. Она угодила ему в голову, отскочила, и упала на пол, разлетевшись в мелкие черепки. Человек рухнул рядом с ванной и так и остался лежать.

Я пересек ванную, выбравшись из нее с другой стороны. Приподняв над собой лампу, вместе с Нейлин склонился над лежащим. Придя в себя, он заорал, потирая огромную шишку на лбу:

— Убили! Со второго раза, но все-таки убили! Кстати, Нейлин, ты заметила, что Эрландо голый? — заговорщицким шепотом закончил лежащий.

— Ей не впервой! — прошептал я.

— А что, уже что-то было? — приподнял бровь лежащий на полу человек.

— Два придурка! — буркнула Нейлин, и, отвесив на ходу мне затрещину, выбежала из ванной комнаты.

— Так что, у нас скоро у нас будут маленькие графчики? — спросил Кален, поднимаясь, держась за мою протянутую руку.

— Да какой там! Была тут веселенькая история, — начал я, укладываясь в ванную. Кален прикрыл дверь и поудобней устроился на краю ванной, чтобы выслушать мой рассказ.

— Дело было вечером, делать было нечего, — начал я, расплывшись в улыбке.

— Да-а-а-а, красавец, ничего не скажешь! — хохотнул эльф.

— Чё ты ржешь, негодный? — раздалось за дверью. Благо, о кольце я рассказывал чуть ли не одними губами, а то бы ещё обиделась!

— Ладно, иди, я помоюсь, пока вода совсем не остыла. Вылезу, договорим!

Хлопнув меня по мокрому плечу ладонью, Кален вышел из ванной комнаты, а я начал остервенело тереться мочалкой, разбрызгивая пену по всему полу.

— Ну сколько можно дурачиться? — услышал я голос Нейлин. — Вечно у него какие-то извращённые фантазии и поступки... Может, он у нас... того?

— Голубой? — заискивающий голос Калина.

— Нет, ну и ты туда же! — отчаянный вскрик Нейлин.

— Да, я извращенное и развращенное создание, каких мир еще не видел! — возопил я из ванной комнаты, быстро окунулся и смыл из себя мыло, чтобы не пропустить ни единого словечка из их разговора.

— Кален, принеси мне мою одежду, а затем мотнись на базар и купи мне паранджу! И в жизнь не догадаешься, зачем!

— И зачем же? — спросил эльф, просовывая голову в дверь, и держа на вытянутой руке мое тряпье.

— Чтобы Нейлин не видела, куда я смотрю! — громким шёпотом заявил я. — Раз на нее нельзя смотреть, буду на других девок пялиться! Мы ж завтра на базар идем...

— А, ну тогда сей момент, мой господин! — закланялся Кален, открывая передо мной дверь, едва не касаясь носом ковра.

— Ступай, верный слуга мой! — пафосно взмахнул я рукой.

— Зачем же так категорично... — проговорила Нейлин, застенчиво пряча глаза, когда мой егерь уже взялся за ручку двери.

— Что, и вправду можно смотреть? — воскликнул я, устраиваясь за столиком напротив Нейлин и упираясь подбородком в скрещенные пальцы рук. Мои глаза были размером, наверное, с чайные блюдца, а зрачки следили за каждым движением девушки.

— Ну, не так же пристально! — сказала девушка, еще больше краснея, начав тереть пальчиками низ кофточки.

— Ладно, шутки шутками, но есть и серьезные вопросы, требующие решения. — Я откинулся на спинку стула, и, продолжая хлопать ресницами, подергал лицом. После моего тщательного наблюдения за девушкой болели глаза.

— Ну что, ребята, завтра отправляемся домой? Небольшой поход по рынку, и — по коням! Разговаривал с патриархами гильдий, работающих ночью, — сказал я, наполняя свой кубок вишневым компотом из графина, и захрустел печенюшками. — Милейшие люди! В общем, нам будет оказана помощь в войне. Нужно продержаться до прибытия королевских войск, а то кочевники просто сметут все, что находится во всех близлежащих графствах, и мои новые друзья это понимают.

— Как гордо сказал: мои новые друзья! — усмехнулся эльф. — Хотя, знаешь, это даже к лучшему. Будет меньше проблем после смерти графа.

— Я об этом тоже думал. Хочется верить, что они не просто искусные игроки, а порядочные люди.

— И это ты о патриархах гильдий убийц и воров? — приподняла брови Нейлин. — Ну, ничего себе, наивный мальчик! Такой большой, а в сказки веришь!

— Вот не нужно мне тут ля-ля! — деланно обиделся я. — По крайней мере, в людях

разбираюсь получше некоторых!

— Ой, ой, ой! — покачала головой Нейлин.

— Так, девочки, не ссорьтесь, румяна у меня! — издевательски заявил эльф настолько, насколько он им мог быть. — Давайте лучше поговорим о насущном. Сколы усиленно штурмуют пограничную крепость, так что, если в ближайшее время что-то не предпринять, будем плакать над развалинами наших замков.

— Каких таких «наших»? — удивленно спросил я.

— И теперешнего, и будущих... — пояснил он. — Нужно поторопиться.

— Хорошо, поели и отправились спать. А завтра с утра пораньше...

Махом допив компот, я поднялся с кресла. Кален и Нейлин тоже поднялись и направились к выходу.

— Ну все, мой граф, до завтра, — махнул рукой егерь, а Нейлин, задержавшись в дверях, робко пожелала мне спокойной ночи и исчезла за дверью. С блаженной улыбкой, подойдя к двери и выглянув в коридор, я успел заметить, как Нейлин, задержавшись было у двери своей комнаты, быстро юркнула вовнутрь и закрыла за собой дверь. То ли мне показалось, то ли она специально меня ждала!? Просто так, чтобы еще раз взглянуть...

На душе было тепло и радостно. Как же хорошо иметь лекарем такую хорошенькую девушку, которая, ко всему прочему, и очень нравится... Ну может и немного больше, чем просто нравится, я еще не разобрался в своих чувствах...

Раскинув руки в стороны, я лежал на кровати, смотрел в потолок и вспоминал вчерашнюю ночь, когда лежал на кровати, любуясь ее профилем. Она мирно спала, и мне никто не мешал заниматься созерцанием. Тогда я понял, что без этой девушки моя жизнь была бы уныла и пуста. Отвернув угол покрывала, которым была застлана постель, я осторожно накрыл спящую красавицу. Подобрал со столика ключи от ее комнаты, вышел в коридор, осторожно притворив за собой дверь.

Немного постояв в коридоре, вошел в ее комнату, и, раздевшись, бухнулся в ее постель. Она пахла лесными цветами, так, как пахла девушка, и я долго не мог уснуть. А потом, проспав всего несколько часов, спустился в зал и налил себе в кружку кипятка из самовара, стоящего на стойке, заварки из чайничка, сыпнул ложку сахара и устроился за дальним столиком в углу.

Выпив одну чашку чая, наполнил вторую, а затем вовсе перетащил самовар к себе на стол. Выпивая чашку за чашкой, я думал. Думал о своей жизни, о войне. Недаром в гавани города стояло так мало судов. Война надвигается, большая война! Древний враг на востоке королевства снова зашевелился, и нападение кочевников, скорее всего, — происки именно царства, находящегося далеко за полем. Мидии, устрицы, рапаны, и прочая водная живность — это одно, но граф эл Солен не только ими торговал, так что десяток посуды в порту — явный признак беды.

Я поднялся к себе.

Так, за воспоминаниями и размышлениями я не заметил, как и уснул... Завтра покажет, что оно будет дальше. Не всю картину, так хотя бы часть ее.

С утра, быстро умывшись и облачившись в камзол, я сбежал в большой зал таверны. Посетителей было много, все столики были заняты. Из дальнего конца зала мне помахала Нейлин. Рядом с ней сидел улыбающийся Кален. Устроившись рядом с ними, я сурово взглянул на эльфа:

— Чего ты такой счастливый с утра?

— Ты меня сам зарядил позитивом на весь день! Заглянул к тебе с утра в комнату, чтоб разбудить... — зубоскалил гаденыш. — Стесняюсь спросить, что тебе снилось ночью?

— Ну, как что, вернее кто, — Ней... — вяло пробурчал я. — Короче, зачем оно тебе нужно?

— Понятно, почему ты так зажимался с подушкой, и пускал на нее слюни! — сказал эльф и похлопал меня по плечу. — Да, дядя...

— Ой, иди ты! — огрызнулся я, сбрасывая его руку с плеча и чувствуя, как мои уши становятся горячими, быстро наливаясь кровью и краснея. Нейлин выглядела не лучше.

— Уррр, уррр... — заворковал Кален, раскачиваясь на стуле и двигая головой, подражая голубям.

— Я тэбя зарэжу! — взмахнул рукой, подражая горцам.

Он выглядел так забавно, что мы с Нейлин не выдержали и залились счастливым смехом. Хорошая у нас компания собралась!

Нам принесли поесть, и мы, плотно позавтракав и прихватив с собой деньги, отправились на торговище.

Прогуливаясь между торговыми рядами и разглядывая всякую всячину, продающуюся здесь в изобилии, мы перебрасывались веселыми, ничего не значащими репликами, просто так, как старые друзья.

Долго стояли, разглядывая странную зверюшку, похожую телом на хорька, только побольше, со смешными огромными ушами и с ласковыми глазами. Она уныло сидела в клетке, глядя на проходящий мимо люд. В конечном итоге я отвалил за нее целое состояние в десять золотых, и теперь Нейлин с глазами навывкате, тащила большую клетку, прижав ее к груди, никому не доверяя этого чудного зверя. В конце концов, она засунула туда палец, чтобы погладить этого пушистого мальчика, а он тяпнул её за подушечку пальца. Она вскрикнула, и, отдернув руку, сунула палец в рот. Клетка грохнулась о землю и разбилась, а ушастая тварь одним прыжком очутилась у девушки на плече.

Девушка завизжала на весь базар, и мы рванули из ножен железяки и уже занесли было клинки, чтобы изрубить заразу в капусту (казалось, что вместе со зверем изрубим и голову девушки), когда пушистик вдруг лизнул Нейлин в ухо, и, прижавшись к ее голове своим серым бочком в сиреневую и фиолетовую полоску, выпрямился на своих лапках и зашипел на нас, распахнув на всю возможную ширину свою пасть, такую же фиолетовую, как и полоски на шерсти, с огромными иглоподобными зубами.

— Усё, теперь он будить защищать ее до самой смерти! — с улыбкой заявил сухонький, седой, как лунь, старикашка. На нем был длинный льняной балахон, на ногах — плетеные из лозы шкары, в руках корявый посох, отполированный рукой деда до блеска в том месте, где он за него держался.

Мы повернули к нему головы, с интересом глядя на дедулю.

— Это же скас! Будеть защищать своего господина, зенки выдерётъ врагу, а в обиду девку не дасть!

— Ого, классно! — сунулись было мы с Каленом носами к скасу, стремясь его получше разглядеть.

Его пасть щелкнула в миллиметре от моего носа, я еле успел отдернуться.

— Я бы не советоваль так делать поковы. Вотъ когда он поймётъ, что вы друзяшкы девонькы, то тады и погладить можно будеть, — поучительно заявил дед. — А поковы не трожтэ.

— Ох, и умный же ты, батя! — уважительно сказал я. — Кто же ты такой?

— Онуплин я, сынок, ведун. Ведаю просто, так, понемногу. Ото, я тябе так скажу, молодец, если и дальше так будешь, то далеко пойдешь, добра ты душа. А если испоганишься, — поганой смертью помрётъ! — поучительно сказал старик, подняв свой длинный узловатый палец. — Ну, то я так, на всякий случай, тоби такого нэ грозить. Пока шо. А дальше, як поведётъ.

— Дед, ты чего лепишь? — возмутился Кален. — Совсем из ума выжил?

Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не вскрик девушки. Вся толпа, собравшаяся вокруг нас со стариканом, посмотрела на неё. Вырвав из рук Нейлин и прижав скаса к своей груди, через толпу людей прорывался бывший хозяин зверька. Мы уже хотели, было, кинуться в погоню, когда узловатая ладонь, легла на мое плечо:

— Не торопитесь, все хорошо будет. А он зря это сделал, очень уж он животинку обидель. Куснуть может... до смерти...

— Да, не хило! — оглянулся я на деда, но его уже там не было, и как я ни всматривался в толпу, его не нашёл. Дед был на полторы головы выше всех, но его не было видно нигде.

Махнув рукой, я отправился вслед за Каленом и Нейлин, которые все же побежали за мужиком.

— Не отдам зверя, мой он будет! — орал он на ходу. — Подавитесь своими деньгами! Продавец бросил мешочек с золотыми через голову, его на лету поймал эльф и сунул в карман. Мужик со скасом свернул в переулок, и мы услышали его радостный крик:

— Вот видите, он и меня укусил!

Когда мы с толпой народа подбежали к тому месту, где он упал, его язык уже с трудом ворочался, а рука быстро распухла. Через несколько минут она уже стала размером с колоду, а из укусов сочилась сукровица.

— Вот видите, он и меня любит! — бредил неудачливый грабитель.

Скас сидел у него на животе и зло смотрел на толпу, наблюдая, чтобы никто не тронул его хозяйку. Возле девушки образовалось пустое пространство, и люди мало-помалу начали расходиться.

Зверь еще немного посидел на теле поверженного врага, а потом прыгнул на руки к Нейлин. Та инстинктивно прижала его к себе и начала гладить по пушистой спинке.

Когда к нам подошла стража, продавец был уже мертв.

— Что здесь произошло? — строго спросил лейтенант стражи, высокий мужчина лет сорока, с серыми глазами. За ним маячило три солдата.

— Да вот, купили себе скаса, а он пытался его отнять. Ну, скас его и грызнул, — пояснил я.

— Скас, это змея какая-то? — спросил солдат.

— Да нет, вон, у девушки на руках сидит.

— Так, а почему эта тварь не в клетке, или, хотя бы, не в наморднике? — зло спросил лейтенант.

— Он не опасен, пока не станешь обижать хозяйку! А клетка разбилась. — миролюбиво продолжал объяснять я.

— Ты мне тут не выступай, молокосос (и это в мои то почти тридцать лет!); Вас я задерживаю на дознание, а зверя я изымаю! — он протянул руки к скасу, и тот ощерил зубы:

— На вашем месте я бы этого не делал, если не хотите лежать рядом с ним. — Я кивнул на мертвеца. — И позвольте нам идти дальше, своей дорогой.

— Нет, вы пройдете со мной в городскую тюрьму! — зло и категорично заявил лейтенант, ложа руку на рукоять меча. Стражники поудобней перехватили алебарды.

— Сержант, я уверен, ты хороший вояка, добросовестный, но мы же не убийцы! — поднял я руки. — Я — граф Эрнст, а это — мой лекарь и егерь. Нам еще нужно сделать кой-какие покупки, и после обеда мы уезжаем из города.

— Будешь сказки рассказывать на допросе в камере! — стражник рванул меч из ножен. — Сдать оружие, и — вперед!

— Кален, не нужно. — Я положил ладонь на руку эльфа, когда тот взялся за свой меч, и уже на палец извлек его из ножен.

— Эй, граф! — за спиной послышался цокот копыт, и голос Регана. — Ты, вообще, домой собираешься? Ты чего до сих пор не у ворот и не на коне?

Лошадь Регана остановилась возле нас. Рядом с ним на черном скакуне и в стальных доспехах возвышался его молчаливый брат.

— Господин, вы его знаете? — растерянно спросил страж. Он уже поостыл и не размахивал своей железкой у меня перед носом.

— Да, лейтенант, это наш северный сосед, граф Эрландо Эрнст! Он разве вам этого не говорил?

— Да говорил, а как же это? — спросил солдат, раздосадованно скребя затылок.

— Не трогал бы он скаса, все было бы хорошо! А так: сами видите! Эх, — покачал головой патриарх гильдии воров. — Ну, дурной попался человек, сначала продал зверька, а когда тот выбрал себе хозяина, попытался его отнять! Глупец!

— Ну, если вы сами это видели, и можете подтвердить...

— Могу, могу, видел! Ну, давай, летеха, их люди ждут!

И вправду, за спиной Регана замер порядочный отряд людей, человек, эдак, сто, и все — при оружии.

— Н-да, неплохо! — крикнул я.

— Да это так, капля в море! Все они — выходцы из того графства, или же у них там родственники, так что драться со сколами в их же интересах.

— Ладно, заберите мою дамочку с собой. Никаких возражений, милашечка. Подбросьте ее до Сапога, пусть упакует вещи, а мы сейчас с Каленом сделаем еще кой-какие покупки, и — галопом туда же. Вещи похватали, и — на выход! Вы нас где ждать будете?

— Гостиница «Усталый путник», там, в баре при ней. Найдешь там, у самых городских ворот, — подытожил Реган. — Так, девочка, подай ручку и спрячь свою зверюгу за пазуху!

— Вот так! — сказал он, усаживая девушку перед собой. Понеслись! — и пустил лошадь в галоп.

Подковы застучали по каменной брусчатке, и они вскоре скрылись за углом дома. Оббежав с Каленом несколько магазинов и закупив пару очень нужных вещей (а это:

груда книг по врачеванию и еще огромная кипа макулатуры по всяким травкам-муравкам и прочему сельскому хозяйству), нагрузившись этим хламом, что дурные, мы забрели ещё и в оружейную лавку, где приобрели три связки стрел, и две — арбалетных болтов. Я купил пару наручных щитков, и каждому — по отличному шлему с голубыми перьями и забралом из мелкой, но частой сеточки, между прочим, очень хорошего качества. Я поколотил и потыкал его на деревянном манекене, на нем остались только несколько царапин.

Водрузив на голову шлем, щитки натянув на руки, навешав связки стрел и болтов через плечи, а по карманам растыкав метательные кинжалы, сгребя тюки с книгами в руки, прижав их к животу, мы вытиснулись из оружейной лавки при кузнице под сдавленный смех кузнеца на улицу и побрели за платьем в следующий магазин. Там я купил умопомрачительное голубое платье на своего лекаря, правда, долго при этом пытался объяснить, какой размер мне нужен (этот потный монстр, то есть я, в щитках и шлеме вырвался наружу и с поднятым забралом гонялся за девушкой с приблизительно похожей фигурой; в конечном итоге, за серебряную монетку она согласилась быть моделью для примерок).

Затем, повесив сверток с платьем на шею, мы с Каленом похромали-побежали через полгорода в ювелирную лавку. Приобретя там жемчужину с голубоватым оттенком на тонкой золотой цепочке, и закинув ее за шиворот, громко клацнув забралами, мы побежали к таверне.

— Ты, либо идиот, либо идиот: одно из двух! — глухо прохрипел из-за забрала егерь. — Выбирай, что тебе больше нравится! Чтоб я, да еще раз, с тобой!..

— Кто последний, тот и дятел! — прогудел я, прибавляя ходу. Связки болтов бухали по спине, а не закрепленное специальным крючком забрало лихо щелкало на ходу.

— Не, ну я же сказал, идиот! Клинический! — загугнявил эльф, тем не менее, прибавляя ходу и обгоняя меня.

Всю оставшуюся дорогу мы только хекали в отверстия забрала и бешеным аллюром неслись к таверне. Люди в обалдении и шоке разбегались в разные стороны, увидев двух звенящих бронёй придурков. Нас чуть не сбила повозка, но возница вовремя нас заметил и хлестнул поводьями лошадь по крупу. Одним прыжком запрыгнув на повозку, протопотав по ней и спрыгнув с другой стороны, мы гнали дальше.

— Я первый... — прохрипел я, лежа в проеме двери, ведущей в таверну. Именно в ней мы не разминулись, и... Ну, в общем, книги внутри, верхняя часть тела тоже, а ноги...

— Нет, я первый. Я первый дверь толкнул... — сипло возразил эльф, отдуваясь.

— Нет, мой шлем дальше лежит, так что даже не спорь!

— А перышко с моего шлема дальше твоего валяется!

— Как раз то мое перо!

— А давай проверим, а?

— А ну ж, давай!

Мы вскочили с пола, на ходу поправляя ножны и стрелы за спиной, кинулись к перышку.

— Сто-о-ять! — грянул женский голос с лестницы, ведущей на второй этаж. Мы медленно повернулись на голос.

На ступеньках стояла Нейлин в зеленом дорожном костюме и глазами разгневанной учительницы грамоты буравила нас. Мы виновато потупились. Я поправлял сверток с

платьем, висящий на шее.

— Ну, не придурки ли, а? — горестно заломила руки девушка. — За что мне это наказание?! Пошли вон, дятлы! Привели себя в порядок, и — оправляемся!

— Так что, ничья, раз мы оба дятлы? — спросил меня мой егерь, когда мы уже поднимались на второй этаж. В спину нам понеслись аплодисменты и веселый смех.

— М, м... — покачал я головой, разжимая ладонь. На ней лежало голубое перышко... Книги снова посыпались на пол.

Из-под мышек снова достались шлемы. Оказалось, что все же ничья, так как перышко было небольшое и выпало целиком, то определить, чье оно, стало невозможно. Попросив коридорную упаковать книжки и убедить хозяина продать нам одну лошадь для поклажи, мы разбрелись по комнатам, чтобы принять ванну и переодеться.

Через двадцать минут мы выехали за ворота гостеприимной таверны. Ее владелец пожал нам руки и пригласил приезжать еще. Я ему пообещал, что обязательно еще загляну. На ходу мы дозаправлялись.

— Гу, гугу-гум! — гугнявил Кален, жуя пирожок с мясом, пока мы пробирались по улицам к городским воротам, где нас должны были ждать Реган и Леган с войском. Я прожевал свою булку, запил ее компотом из фляги:

— Сам ты идиот, — безобидно ответил я и впился зубами в середину пирожка, туда, где было мясо.

— Барон, тьфу, граф, и носится по городу, как больной на голову! И к кому только я на службу пошел?

— К больному на голову, — цыкнул я через зубы. — И вообще, давай с тобой опустим забрала, так чтобы нас никто не узнал!

— Вы, оба, два идиота, посмотрите туда, — Нейлин большим пальцем согнутой в кулак руки показала назад, где уныло брели вьючные лошади, заваленные покупками, и сверху гордо возвышались два шлема с голубыми плюмажами... У нас просто случился приступ истерического хохота. Нейлин страдальчески закатила глаза:

— Ооооо.....

— Кто обкуренный, я обкуренный? — со взглядом, преисполненным недоумения и наивности, совершенно не в тему, спросил Кален. Как известно, после «пыльцы счастья» «пробивало на стрем».

Снова — взрыв истерического хохота, и мы наконец выехали на главную дорогу в городе, ведущую от ворот к рынку и входу в порт.

Возле выхода из города собралась приличная толпа. Мы со слезящимися глазами от смеха и глуповатым выражением лиц разглядывали большую группу воинов, поджидающих нас, и кучку командиров, стоящих в стороне.

— Госпожа Нейлин, они что, курили? — спросил граф эл Солен, сидящий на коне в серебряной кирасе, с золотым тиснением своего герба на груди.

— Вот как пошли без меня на рынок, так и все! — в отчаянии развела руками девушка. — Вы бы видели каа...

— Тссс! — дотянувшись к ней, я зажал ей рот ладонью. — Вот об этом-то лучше молчать!

— Ммм! — закивала головой девушка.

— Вот и договорились! — сказал я, отпуская Нейлин и отирая руку о походный костюм. Видя вопрошающий взгляд девушки, я уже набрал полные легкие воздуха и: я бы лучше..., но

потом вспомнил, что дал себе зарок — без пошлостей, да и тем более, при людях.

— Я еду с вами, и я взял сто пятьдесят людей — пятьдесят лучников и сто латников, — продолжил граф. — Как-никак, ты — мой старый друг, не могу же я отсиживаться, пока его сколы бить будут!

— Ну, если уже все в сборе, будем отправляться? — спросил Реган. Леган все так же молчаливым изваянием маячил возле брата. — Возражения есть?

Возражений не было. Мы выбрались за ворота и пустили лошадей в галоп. За каждым воином скакала выючная лошадь, на которой везли кое-какую амуницию и еду.

Вечер застал нас недалеко от густого лиственного леса, около которого журчал ручей с кристально чистой водой.

Люди разбились на группки, разожгли костры, достали котелки и крупы. Потянуло жареным мясом.

Мы с Нейлин и Каленом обосновались немного в стороне ото всех, хотя это было сделать немного трудновато. Здесь уже заканчивались лиственные деревья, начинался сосняк, местами поросший орешником, и еще какими-то кустистыми деревьями.

Устроились так, чтобы за спиной и справа был колючий шиповник, слева густо поросший орешник. Места было маловато для троих, но зато спокойней. Нейлин снова кашеварила, и мы с удовольствием за этим наблюдали, сидя на приволоченном бревне метрах в пяти от костра.

— Вот классная бы тебе жена досталась, не будь ты графом, а простым крестьянином, в том смысле, что и приготовит вкусно, и заплату сама поставить может, и шить, вязать наверняка умеет, — в соответствующих условиях выросла. Да и красивая!..

— Я не ревнивый, но хату спалю! — шутливо заявил я.

— Ой, ой, ой! Я в отместку замок твой сожгу! — хохотнул эльф. — Да ты не страшись, я ничего такого не задумываю, да и не собираюсь. Ну, в отношении Нейлин. Да, хорошая, красивая девушка, но не более. А тебе она очень даже по душе пришлась, я смотрю.

— Да есть немного... — кивнул я. — Но, я не спешу, не тороплю события. Ей, да и мне, нужно присмотреться, притереться, чтобы без ветра и придури в голове.

— Хорошо мыслишь, приятель! — улыбаясь, уважительно кивнул Кален. — Я тут думаю вот что: будет у тебя три графства, а они и так обширные, сольешь их в одно, и тогда получится чуть ли не одна восьмая часть королевства. Да, королевство у нас крохотное, одно из самых маленьких, но титул герцога тебе обеспечен. Такого куска земли не будет ни у кого. И терзают меня подозрения, что три графства тебя не устроят, и ты захочешь большего...

— Не исключено! — загадочно улыбнулся я. — Так к чему ты клонишь?

— Хочу предложить тебе еще один интересный способ заработка денег. Мне нужно лишь твое согласие, мой герцог, я не против такого витка в истории! — усмехнулся эльф.

— Ты давай с герцогом не торопись, выкладывай свою чепуху! — прикрикнул я на него.

— Как ты смотришь на создание элитного подразделения, небольшой армии по найму? Вот я, например, могу тренировать корпус лучников. Набрать бойцов, научить их, рассказать, с какой стороны стрелу нужно положить, и что делать, чтобы не отстрелить себе что-то жизненно важное, и продавать свои услуги за определенную денежку.

— А что, идея — очень даже ничего! Захотел, ну, допустим, император, ногу кому-то оторвать за что-то, выкатил возок денежек, мы выдали бойцов, они пошли, ее отстрелили и получили свой заработок. И им интересно, и нам прибыльно! А еще обучить их

вольтижировке — цены бы им не было!

— Ну, дык, это включено! И саблюкой махать научить бы его, это вообще была бы смерть-машина! — в запале хлопнул себя ладонью по колену Кален.

— Да, и еще бы единоборства какие-то серьезные, и ремесла убийц — пришел, зарезал — никто ничего не видел! — поддержал я.

— Эй, вы, там, фантазеры, кушать собираетесь, или нет? — позвала от костра Нейлин.

— О, идем, твоя жена зовет! — заорал раззадоренный эльф, подхватился с колоды и остановился, осмыслив, что сказал.

Мы с Нейлин считали звезды, изучали листочки, иголки на деревьях, грязь на сапогах..

— Я пошел мыть руки, а вы — как хотите, — разрядил обстановку эльф и бодренно зашагал к ручью.

Я и девушка тоже направились в ту же сторону, избегая смотреть друг на друга, но нет-нет, да и встречались взглядом. Тогда девушка сильно покраснела и быстро отворачивалась, а я ощущал, как горят мои уши. Когда на нашем пути попала ветка, перегораживающая наш путь, я скользнул вперед, и оттянул ее до предела в сторону, освобождая девушке дорогу. Все же я перестарался, и она хрустнула, ломаясь, и мне стало так стыдно, что я чуть не побежал вон! «Придурак, романтик драный!» — костерил я себя.

Вечер прошел в напряженной обстановке. Эльф хмыкал, я старался завести хоть какой-то разговор, но он совершенно не клеился, вял на корню. Нейлин отмалчивалась. Доев свою кашу (к слову, очень вкусную кашу!), я поблагодарил девушку, ко всему сказанному, по моему (я отчетливо не запомнил), выдал еще такую глупость, что эльф, пыхтя носом от еле сдерживаемого смеха, ухромал в кусты, направляясь обмыть свою посуду, а мы бочком, бочком — тоже пошли к ручью.

Вскоре, расстелив одеяла на земле, так, чтобы мы лежали по бокам от Нейлин, на расстоянии полутора метров от нее, укрывшись плащами, начали выжидать сон. Костер потрескивал у входа в нашу «нору».

Хорошо выспавшись, хоть и на твердой земле, умывшись и подкрепившись, мы отправились дальше. Никаких примечательных происшествий больше не было, и через три с половиной дня мы стояли у села Подгорное.

В таверне Варлама было людно. Его повариха сбилась с ног, готовя на такую ораву еды. Было решено задержаться тут на сутки, дать людям и лошадям немного времени, чтоб передохнуть. Я же с Реганом, графом эл Соленом и Нейлин направился ко мне в замок. Эльф добрался намного раньше нас, так как он поскакал впереди нашего войска, чтобы собрать хоть какое ополчение. Тех, которые не умели сражаться, было велено не брать. Глупая резня, в которой крестьяне служили бы мясом, а не подмогой, была не нужна никому. Уж пусть лучше они прячутся по норам, чем гибнут, как мухи.

К вечеру мы въехали в главные ворота крепостной стены, окружающей мой замок, вернее, примыкающей к скале позади него. Привратник-воин, дежуривший у ворот, молодой парень лет двадцати пяти, неумело вытянулся по стойке «смирно». Шлем был немного великоват на него, да и ремешок, плохо затянутый, съехал на сторону, но он даже не рискнул его поправить, так и остался стоять с задраным подбородком.

— Молодец, солдат, отлично несешь воинскую службу! — подбодрил я его, спешиваясь, и хлопнул по плечу. Поправив рукой его шлем, который прикрывал левый глаз, и заодно заглянул в оба глаза. Такие большие, серые доверчивые глаза, в которых сейчас плескался страх, страх перед начальством. — Да ты не дрейфь, парень, все будет хорошо, я вот только

разберусь с войной, возьмусь за вас серьезно! Не бойсь, амуницию по размеру на каждого сделаем!

Кровь прихлынула к лицу парня, и оно начало набирать прежний цвет. На губах появилась робкая улыбка.

— Вот так-то лучше, боец! Карауль, мы пошли дальше!

Парень в воинском приветствии грянул кулаком правой руки по груди в районе сердца о кирасу, та гулко «бемцнула», и он едва успел поймать свою алебарду, которая до этого находилась в левой руке. Шлем снова съехал на сторону, парень стушевался так, что было удивительно, как он до сих пор стоит на посту, а не замелькал отсюда пятнами.

Мы тактично не обратили на это внимания, ведя на поводу лошадей, с трудом сдерживая смех.

— Граф, ты специально выставил его на ворота, к нашему приезду, чтобы мы не усомнились в твоих словах, что народ у тебя недееспособен? — приподнял бровь Реган. Солен просто смотрел, улыбаясь.

— Честно, я даже и не подозревал, что у меня есть солдаты! — воскликнул я. — Я предполагал, что у меня тут вообще — заходи, бери все что хочешь!

— Уже нет граф, уже не так все грустно, — услышали мы густой мужской голос, доносящийся с тропки, ведущей в сторону от основной дороги.

На дорожке стоял седой господин с густыми кустистыми усами, с воинской выправкой, в черном, немного потертом камзоле, накинутом на кожаный нагрудник. — Правда, все вот такие неумехи, как тот на воротах, но, тем не менее, уже двадцать пять человек.

— Простите, с кем имею честь? — удивленно спросил я.

— Граф, это я имею честь, Вертиго Сен, — достойно поклонился пожилой человек с огрубевшими от рукояти меча руками и обветренным загорелым лицом. — Боевой товарищ не безызвестного вам Варлама Бизона. По его просьбе решил присмотреть за вашими вояками.

— Ну, а я просто Эрландо. И мне очень приятно с вами познакомиться! — я протянул руку, и ее пожала шершавая мозолистая ладонь солдата.

— Господин, великая честь.

— Перестаньте, Вертиго, я хочу быть проще! Давайте лучше обговорим ваше жалование!

— Какое жалование? — поднял брови Вертиго. — Граф, вы дадите мне конурку возле казармы и местечко на кухне?

— Ну, это само собой разумеется, здесь не может быть никаких вопросов!

— Я буду довольствоваться этим: есть, где голову приклонить, есть, что в рот бросить, и что делать имеется, что еще нужно старому воину?

— Ну, нет, что ни говорите, я так не могу! Плата — семь серебряных монет вас устроит? Возражения не принимаются, разве только на повышение ставки! — отрубил я.

— Хватит, если нельзя сторговать меньше, — выдохнул он.

— Да, и вещи вам будут шиться у моего портного! Только, пожалуйста, погодите, пусть закончится война.

— Вы слишком добры, господин, — сказал старик дрогнувшим голосом, моргнув глазами, пряча слезу. — Уж еще кого-то научу, Варлама ж научил...

— Вот и отлично! — подбодрил я его, улыбаясь. Раз учителем Варлама были вы, то тогда я в своих будущих солдатах уверен! А того малого не сильно казните, он сам себя уже покарал! Как он зайкой не стал, удивляюсь!

— Именно об этом я и хотел вас просить, чтобы вы не приказали забить его розгами на конюшне.

— Да вы что, я что, изверг какой-то? — опешил я. — Ни в коем случае!

— Да уж вижу уже, что не изверг, Варлам оказался полностью прав! Но все же профилактических три штуки, можно всыпать? — немного неуверенно спросил он.

— Полностью полагаюсь на ваше наставническое мастерство! Все целиком и полностью предаю в ваши руки.

— Благодарен за ваше доверие, господин. Разрешите идти? Будущие солдаты ждут.

— Да, конечно, господин командир замковой стражи и наставник моих будущих солдат!

— Господин, не подведу! Обещаю! — поклонился старый солдат, отдал воинскую честь, развернулся и ровной военной походкой отправился к казармам. Его сухие старческие плечи расправились, вояка приободрился. Я был уверен, что этот высокий, сухой господин научит моих солдат так, что они дадут фору многим другим!

— Умеешь ты так общаться с людьми, что они сами того не замечая, живот готовы за тебя положить! — уважительно сказал граф эл Солен, когда воин скрылся из наших глаз. — А счастливым-то каким он стал. Теперь ему не придется помирать в маленькой комнатке под самой крышей, кишасей клопами, на грязных простынях, нищим и никому ненужным.

— Тьфу, хватит, а то мне аж страшно стало от одного представления всего этого, — передернулся Реган. — Как подумаю, что я могу вот так... Бэ-э, молчим!

— Ты не переживай, я и тебя приучу! — хохотнул я. И хватит разговоров, пойдём ужинать!

Отдав поводья (не бросил, а отдал поводья конюху) и, приглашая, махнул рукой.

У входа в мою обитель тоже стоял страж, но он был не таким пугливым и благополучно отдал честь.

В большом гостином зале уже накрывали стол. Я предложил друзьям искупаться, на что они с радостью согласились. Санузлов у меня было много, по два на этаж, и еще в каждой комнате, так, что места разгуляться было. Вода подавалась из подземного ручья, выкачивалась в большой бойлер, в одну из комнат в подвале, где находилась котельная, там прогревалась, и, благодаря сложнейшей системе блоков и противовесов, подавалась наверх, в огромную бочку. Когда в душевой нажималась педаль, с душа лилась теплая вода. Мои гости были приятно удивлены.

— Оригинально! Очень изобретательно! — нахваливал граф эл Солен. — Никогда такого не видел! Поделишься секретом?

— Да, и я не отказался бы от сего полезного знания! — поддержал его патриарх гильдии воров. — Очень уж полезная штука!

Был уже поздний вечер. Принесли горячее. Мы в чистой одежде (грязную прислуга забрала стирать) набросились на еду.

— Все же, ты правильно сделал, наняв того старого воина. Он, наверняка, много повидал, а и возраст не дает повода сомневаться, что много чего умеет. И если их все-таки, таких, как этот охранник ворот, бросить их в бой, это будет равносильно собственноручному убиению младенцев. Тот же эффект.

— Эх, — удрученно опустил я голову, — некстати эта война, ой, как некстати!

— А кому она вовремя? Разве что нашим врагам!

— Будем надеяться, что мы не дадим орде вырваться по эту сторону гор и превратить эти земли в такую же пустыню, как и у них. Я уверен, что имперские войска, или хотя бы

царские, уже движутся сюда!

— Уф, граф, не нагнетай! — взмолился Реган. — У нас всего-то двести пятьдесят с небольшим воинов, и это против армии, превышающей десятки тысяч воинов?

— Начнем с того, что не двести пятьдесят, а двести семьдесят с небольшим солдат. Есть в наших краях еще люди, умеющие держать меч.

— Добрый вечер!

В зал входил Кален, в чистом удобном костюме для путешествий, в высоких сапогах. Его длинные волосы были собраны в хвост. — Немного, но тоже неплохо.

— Да, думаю, пара лишних мечей нам не помешает, — кивком подтвердил граф. — Присаживайся, молодой человек.

— Если не ошибаюсь, то вы — один из людей графа Эрландо, занимаете высокую должность, — попытался уточнить Реган.

— Да, я егерь, ну и прочее, прочее, прочее: советник, собеседник... — улыбнулся эльф, отвесив шуточный поклон.

— Ну, если советник, то присаживайтесь рядом, будем мозговать, что и как.

— Да что тут мозговать? Дело дрянь. Был я там, стена трещит по швам, камни сыплются, так и норовят рухнуть. Стена давно уже рухнула бы, если бы не была так добросовестно сложена.

— Короче, нужно ехать на место событий, толково глянуть, и потом уже о чем-то говорить.

— Что да, то да, но я немного другое имел в виду: где взять больше народа?

— Сколько голову ни ломали, ничего не придумали, — уныло сказал я.

— Господа, вы как хотите, но я ушла спать! — категорично заявила Нейлин, подымаясь из-за стола. — Вообще-то, нам уже через несколько часов нужно собираться обратно ехать.

— Господа, я согласен со своим лекарем, предлагаю и вправду отправиться спать!

— Да, хорошее предложение! — подтвердили Реган и эл Солен. — Спасибо за угощение, хозяин замка!

— Всегда пожалуйста! Пройдем, я покажу вам ваши апартаменты!

Выехали еще спозаранку, когда утренняя прохлада еще пробиралась за шиворот, над землей в низинах стоял туман. Кони прядали ушами и бодренько бежали вперед. Я заменил себе скакунов, и теперь ехал на отличном боевом коне, которому позавидовал даже барон. Доспехи покоились на спине другой лошади, привычный меч на боку заменила фальката, на спине — тяжелый изогнутый меч, которым можно и колоть, и рубить с «оттягом», в конной стычке она была бы более практичной. Лошадиная защитная сбруя состояла из прочной войлочного костюма, между двумя слоями войлока был переплетен конский волос, на войлоке были нашиты пластины, как на бахтерце. Из снаряжения я выбрал бахтерец и части зерцала, чтобы удобней было двигаться.

Моя лекарь ехала на тонконогой лошадке. Сумка со всякими травами, микстурами, мазями и пилюлями висела на боку лошади, на втором боку — во второй сумке — две-три книжки и хирургический набор, который привел бы в ужас и иного палача.

Я щедро предложил мужчинам и себе сменить лошадей у меня в загоне. Они долго отказывались, но потом взяли понравившихся с уговором обязательно вернуть за них деньги, и немалые.

Где-то часам к десяти мы уже были на месте стоянки нашего маленького войска, и

снова отправились в путь. До графства еще было далеко.

Дела обстояли неважно: из небольшого селения, расположенного возле, да и в пределах крепости Сарантай, поднимались дымные столбы. Пришпорив лошадей, даже не задумываясь об облачении в доспехи, мы ринулись в открытые ворота крепости. Люди, встречавшиеся на нашем пути, бросались в разные стороны. Каждый был вооружен тем, что у него было: скалки, дубины, мечи, шестоперы, топоры. Все уже готовились отразить последний, сокрушительный, последний в их жизни, напор.

Доскакав до полуразрушенной стены, которая держалась, казалось, «на соплях», мы увидели стоящих у стен ратников, грязных, в окровавленных повязках (у кого-то даже руки были в лубках), но они крепко, до побелевших костяшек, сжимали мечи.

Нас они встретили радостными криками. Спрыгнув с лошадей, я со своими спутниками подбежали к воротам, у которых стоял граф и его люди из ближнего окружения. Все были готовы к решительному бою.

— Граф, доложи обстановку! — крикнул эл Солен, подбегая к группке людей.

— И ты здесь, мой дорогой друг! — старый граф обнял верного друга. Мне показалось, или так оно и было, но в глазах эл Солена на секунду блеснула слеза.

— Как видишь, братишка, — кивнул на защищающую крепость стену и перевел взгляд на внутренние постройки, которые были отмечены перелетевшими через стену камнями. Кое-где с крыш поднимался дым, на земле виднелись черные пятна, видимо, катапульты метали огненные снаряды.

У стен стояли вооруженные люди и солдаты. При каждом попадании камня в стену они содрогались.

— Все мои воины готовы. Это все, что у меня есть, вернее, что осталось. Около сотни положили, пытаюсь разрушить или сжечь катапульты. Две удалось, а вот третью... Как видишь.

— Да уж, не только вижу, но и слышу! — кивнул граф, поправляя кафтан. — Все, ребята, пора действовать! Облачаемся в доспехи, смотрим, что за стеной, и — в бой! Кто хочет видеть сожжённые улицы, плачущих детей и слышать вопли насилуемых женщин? Надеюсь, никто? Так что, ребята, поправляйте амуницию, и — в бой!

С помощью Калена, и под неумелые попытки Нейлин помочь, которая больше мешала, нежели помогала, я натянул поддоспешник и подшлемник, мне помогли одеть и застегнуть бахтерец, другие части тела прикрывали части зеркала. Взяв шлем в руки, мы с эльфом расплылись в улыбках, а потом и захохотали, вспоминая былые подвиги. Эльф был облачен в такой же бахтерец, как и я, только цвет ткани, нашитый на войлок, выглядывавшей из-под металлический пластин, где заканчивались пластины, был другим. У него ткань была зеленой, а у меня — темно-синей. Надев шлем, расправив по плечам брамицу и откинув назад конский хвост, заменивший помпон, подняли забрала и внимательно посмотрели друг на друга.

— Хорошо выглядишь, дружище! — хлопнул меня по плечу Кален. — Устрашающе!

— Бу! — издал я возглас, пугая эльфа. Он в притворном ужасе взвизгнул и закрылся руками, развернувшись ко мне боком, и даже подогнул одну ногу в колене, прикрывая живот.

— Бою-у-у-сь! — пропищал он. — Как же теперь в бой, когда подштанники пора менять!

Мы расхохотались. Перед боем адреналин так и хлестал через край.

— Придурки, а вам лишь бы ржать! — услышали мы дрожащий голос Нейлин. Она стояла возле нас, испуганно глядя нам в глаза. Мы с эльфом почувствовали себя неловко. — Я... Я... Я буду те... вас ждать!

— Знаем мы, кого ты будешь ждать! — веселым, но, все же немного взволнованным голосом выпалил эльф, и захолопнул забрало. — Цёмайтесь, я не смотрю!

Картинно развернувшись, он начал разглядывать облака, мы с Нейлин в нерешительности замялись, поглядывая друг на друга.

— Так, ребята, все сюда! — послышался зычный голос Нердена эл Солена. — Все подтягиваемся ко мне!

Я решительно рванул ремешок шлема, сорвал его с себя, бросил на землю, и, притянув Нейлин к себе, рукой, закованной в перчатку, обвинил ее за талию, а второй придержал сзади за голову, впился губами в ее губы, с которых был готов сорваться крик, полный испуга и удивления.

Поцелуй был страстным и долгим. Сначала Нейлин немного оторопела, а потом ответила, обняла за шею и приподнялась на цыпочки. Мы даже не заметили, как к нам подвели мою лошадь, облаченную в свои доспехи, как какой-то солдат поднес рогатину, как затихли все на площади-пяточке у ворот крепости. В этом поцелуе вылилось все, что мы хотели сказать друг другу, что долго, и неумело пытались скрыть ото всех и, в какой-то мере, даже от себя.

Из забытья нас выдернул глухой удар камня в ворота, и голос Селина, графа эл Рези:

— Картина «Возлюбленная графа Эрландо Эрнста прощается с любимым» вживую! — в голосе графа звучала какая-то отцовская гордость и забота.

Мы отпрянули друг от друга, Нейлин покраснела до цвета вареной свеклы, и прикрылась воротом блузки, выглядывавшей из-под шерстяной куртки. У меня горели уши, но я, не теряя достоинства, подобрал свой шлем, запрыгнул на коня, и, вставив ноги в стремя, поправил батарлыг, и только потом одел шлем.

— Ну-ну, детки, не надо стесняться, здесь все свои! — весело промолвил граф приморских земель. Все воины засмеялись, но это была не насмешка, а дружеский, ободряющий смех.

— За воротами, на максимальном отдалении, стоит сильная катапульта! Метает камни чуть ли не за километр! Возле нее, охраняя расчет, крутится около сотни всадников, остальные стоят лагерем в пределах видимости! Нужно вырезать всех возле катапульты, и уничтожить ее саму, прежде, чем подойдет основное войско. Готовы, ребятки!?

Воины ответили гулом, и эл Солен поднял руку:

— Выступаем без сигнала рожка, чтобы было неожиданно, за воротами сразу разворачиваемся в широкую изогнутую цепь, лучники бьют поверху! Ну, с Богом! — закончил он, опуская забрало.

— Эй, молодцы, отпирайте ворота. Как только упадет камень, распахивайте их настежь!

Это уже был эл Рези, и он тоже засуетился, поправляя оружие. Очередной камень вновь бухнулся далеко в городке. Послышались испуганные крики и вопли раненых, а в этот миг мы уже вылетали в распахнутые ворота.

Быстро выстраиваясь полукругом и опуская рогатины, плотнее сжимая ладонью ремни щитов, мы до свиста в ушах — как бы описал бы какой-то поэт или бард, с развевающимся на ветру конским хвостом, брамицей висевшем на шлеме, вихрем неслись вперед на врага.

В охране катапульты послышались испуганные крики. Отряд, от которого клубилась

пыль, гарцуя на месте, кружась по кругу, начал готовиться к бою.

Шухнула над головами длинная стрела эльфа. Кажется, один человек из расчета катапульты упал с пробитой навывлет головой, стоящий за ним ухватился за живот, заливаясь кровью. Даже плотный волосяной халат не помог. А потом засвистели и стрелы остальных воинов.

Кто-то бросил бочку кипящей смолы под катапульту, еще чья-то рука в растекшееся пятно из разбитой бочки уронила горящий факел. Огонь весело полыхнул и побежал по облитым деревянным балкам военной машины, но я этого уже не видел. Мельком заметил, как один солдат, проходя, надвое разрубил заметавшегося степняка. Перед нами уже маячили перепуганные, загорелые и узкоглазые лица сколов. На моей рогатине осталось нанизанными три степных воина, и мне пришлось ее бросить.

Рванув из ножен фалькату, я рубил ней, как ошалелый. Мало времени, слишком мало времени! Нужно всем немедленно убраться, пока не оклемались от неожиданности основные силы врага. Потом нас сметут числом.

Кованую рать сколы боялись, как огня, но когда ее было не так много, и она была рассыпана по полю, ее было легче добивать. Вырезав почти всю охрану катапульты, (убегающим в спину летели стрелы), мы быстро развернули коней, и погнали в город.

За руку я подхватил раненого воина, который, лежа на земле, поднял ее вверх над собой. Насилу втянув его на коня, и перекинув его перед собой, я, нахлестывая коня, устремился в город.

Несколько десятков человек быстро проскакали, подобрали лежащих ратников, дабы предать их погребальному огню, а не оставлять на поругание степнякам. Благо, лежащих оказалось не более десятка.

— Заварушка была славной, — сказал эл Солен, стаскивая шлем, когда за последним всадником захлопнулись ворота, и стрелы застучали в литую сталь, украшенную все теми же барельефами, изображавшими тех странных низкорослых людей. Волосы его на лбу слиплись от пота, стекавшего в глаза. Расстегнув ремни и сбросив на землю латную перчатку, он отер лицо рукой.

— Было жарковато! — подтвердил его старый друг и упал с лошади, захлебываясь кровью. Из горла старика эл Рези торчала стрела, глаза поблекли и смотрели в небо. Ему уже нечем было помочь.

— Быстро, собрались! — закричал эл Солен, отбрасывая черпак, с которого пил воду, и снова натягивая шлем. — Подай перчатку, парень, выстраиваемся клином! А вы, пешие, на стену! «Кошки» видите?

И вправду: через стену уже летели крюки, а за стеной выли и визжали степняки, лезущие на стену.

— И, р-раз, взяли! — крикнул граф, подхватывая новую рогатину, и накалывая очередного врага на острие клина, врывающегося в распахнутые ворота. Сколы, не ожидавшие отпора и рассчитывавшие на то, этого не ожидали, что мы сбежали, чтобы отсидеться за крепостными стенами, отпрянули в стороны. Ворота за нами захлопнулись. Путь назад был отрезан.

Рогатины собирали щедрый урожай. На иных древках уже было нанизано по три, четыре скола. Наш удар был сокрушителен. Триста с небольших конных воинов в одно мгновение вырезали в полтора-два раза больше народа.

В воздухе слышались предсмертные крики и хрипы, временами — свист кистеней, которыми орудовали старые, поднаторевшие в этом деле воины. Я, проломив пару-тройку черепов, подхватил выпадающий ятаган из руки заваливающегося назад скола, и взмахнул им, отсекая от тела руку врага, которая уже опускала мне на голову кривую саблю.

Воины рубились остервенело, вкладывая в атаку всю ярость и страх, и вскоре сколы повернули назад. Их не преследовали.

Заиграл рожок, и кованая рать повернула назад. По пути подбирали павших товарищей по оружию, добивали раненых противников. Сегодня на северо-западной стороне за городом, слышался шорох и стук кирок и лопат, роющих могилы. На площади перед кладбищем запылал огонь, в котором нашли упокоение сорок два воина, еще двадцать было легко-, и семь тяжелораненых. За нами уже ухаживали женщины, которыми руководила Нейлин и еще одна старушка-врачевательница, жившая неподалеку.

В свете огня, стоя на возвышении, возле большой вязанки хвороста и наложенных сверху поленьев, на котором на алом покрывале покоилось тело павшего Селина эл Рези — моего северного соседа, Нерден эл Солен провозгласил пламенную речь.

Мы втроем, я и мои придворные, стояли в первом ряду, понурив головы, и внимали отнюдь не пафосным, но жестким и жизненным речам. Он говорил о своей дружбе и о жизни своего друга и товарища по оружию, барона эл Рези. Говорил о том, каким он был при

жизни, как он выручал, подставлял плечо в трудную минуту и никогда не забывал друзей. Напомнил людям о смысле жизни, и о том, каким нужно быть, чтобы тебя долго помнили и вспоминали не злым, а добрым словом. О взаимопомощи и о силе сплоченного коллектива. Некоторые женщины всхлипывали или плакали, мужчины были погружены в свои мысли, и иногда украдкой смахивали скупую слезу с ресниц.

Для погибших храбрых воинов, мы, согласно древним воинским обычаям, приготовили последнее пристанище. В поминальном огне они найдут вечный покой. Эл Рези завещал, чтобы его тело сожгли, и прах развеяли по ветру, но память о нем останется в наших сердцах.

Седой мужчина поднес факел к сухому хворосту, на котором с закрытыми глазами лежал его названный брат, и пламя весело затрещало, пожирая сухие ветки. Людям на площади, отнюдь, было невесело. У каждого из них в этой войне погибли близкие и родные, и война еще не закончилась. Будут новые жертвы, новые погребальные огни.

Нейлин, обхватив своими руками мою руку, уткнулась в грудь и тихо плакала. Столько смертей, столько страха и ужаса она не видела еще никогда. Я просто молчал, глядя на потрескивающее пламя, и в моих мыслях всплывали другие образы, картины, на которых бушевало пламя, и лежали воины на горящих поленьях. Огонь, в котором корчились люди, и слышались крики о пощаде и помощи.

— Как, как же так? — шёпотом спросила Нейлин.

— Да, это грустно, но ты подумай, сколько жизней они спасли своей смертью. Ведь если бы сколы ворвались в город... — промолвил я, не отводя взгляд от пламени.

Девушка вздрогнула и плотнее прижалась ко мне. Последствия действительно устрашали.

Нерден стоял возле пепелища, в котором еще тлели угли, и иногда проскакивали языки пламени. Его взгляд был опустошенным и угрюмым. Потеря старого Селина сильно отобразилась на нем. Плечи поникли, лицо осунулось. Сразу стало видно, насколько он стар. Да, держался он молодцом, но годы берут свое. Как бы ты ни бодрился и не мужался, сколько бы ты ни пожирал трав и кореньев, не натирался мазями, выпивал микстур, старуха придет и безжалостно взмахнет косой.

— Вот так друзья, — грустно сказал он, покачиваясь с носка на пятку. — Тяжело хоронить своих друзей, можно сказать, братьев, но что поделаешь... Ту, которую я любил, любил до безумия, я похоронил сорок пять лет назад, а другой, такой же, я не нашел. Да и хотя бы подобной — тоже. А вот детей, байстрюков, нарожал. Ну, да ладно, то такое. Ты, Эрландо, меня тоже сожги. Нечего гнить мне в земле. А сейчас, ребята, пойдем спать, чует мое сердце, что завтра придется потрудиться. Придут они мстить, это точно, придут.

Рано утром заиграли рожки, мы поспешно вскочили с лежаков и изо всех ног побежали к стене, на ходу поправляя амуницию. Многие от усталости так и попадали спать, не раздеваясь, не вынимая оружия из ножен. Я натянул на себя шлем, на ходу затягивая ремешок.

Через стену уже летели стрелы, собирая свой первый урожай. Слышались вскрики, всхлипывания и стоны.

— Ну, что, ребята, повторим вчерашний подвиг? — бодрым голосом со стены крикнул эл Солен. Рядом с ним высился молчаливый Реган. Улыбка исчезла с его лица, стертая потом, кровью и грязью. — Вы, ребята, не пугайтесь, их сегодня больше, чем вчера, но вчера мы знатно помахались! Около семисот человек уложили!

— Уууу! — протянула толпа воинов, заметив повеселев.

— Предлагаю повторить вчерашний подвиг, и снова обратить их в бегство! Только не увлекаемся! Клином проходим их насквозь, держитесь близко друг к другу, разворачиваемся и — снова вперед! Всем ясно?

Толпа ответила слаженным гулом, и пешие воины начали подводить лошадей к всадникам. Кавалеристы вскакивали в седла, принимали рогатины из рук солдат и выстраивались в колонну, которая после выхода за ворота должна была перестроиться в клин и понестись навстречу врагам.

Лучники начали бить навесными, очищая дорогу перед воротами, так как враг клубился там, ожидая открытия ворот. Сколам пришлось отступить, так как ворота широко распахнулись и конница ринулась в бой, сметая более легко вооруженных противников. Промчавшись на семьсот-восемьсот метров вглубь, отряд свернул налево, дав круг, снова ворвавшись в толпу сколов.

Схватка была ожесточенной, рубились с такой осатанелостью, яростью и горящими от бешенства глазами, что враг невольно начал отступать. Насилу прорубившись к воротам города, мы влетели вовнутрь. С нами, «на плечах», ворвались и несколько десятков обалдевших от крови кочевников.

Врата, приводящиеся в действие сложнейшими механизмами затворились без проблем, передавив лошадь со всадником пополам. Ноги скола и передняя часть лошади свалились в городе, а за стеной еще несколько мгновений слышался его крик.

Под стеной полегло много кочевников и от стрел, и от камней, метаемых миниатюрными катапультами. Ими же перебрасывались бочки, наполненные кипящей смолой, да еще и с привязанными к ним горящими запалами. При падении бочки разбивались, и содержимое их вспыхивало. У ворот скопилось тоже много погибших, тех сколов, которые, не ожидая такого неожиданно быстрого закрытия ворот, расшиблись о створки.

Да, потери у врага были страшными, но и в наших рядах поредело. Из трехсот с небольшим воинов осталось меньше сотни, что не очень-то радовало. Вернее, совершенно не радовало. Граф те Солен был ранен в плечо, у Регана была сломана рука: какой-то чересчур могучий скол булавой разнес щит патриарха гильдии воров и сломал тому руку.

Раненых с поля боя мы забрать не успели, и их просто растерзали озверевшие сколы. Через крепостную стену жутко было глянуть: поле в радиусе пяти-шести километров было покрыто трупами лошадей и людей, лежавшими где-то густо, а где и поодиночке.

Прорвавшихся кочевников зарубили или расстреляли из арбалетов, в сражении с ними потеряв еще четверых.

— Да, не сладки дела наши, — горестно произнёс Нерден, сидя на стуле, и кривясь от боли, пока ему перевязывали руку. — Наше положение все хуже и хуже. Здесь нет слабонервных, трусов и истеричных женщин, поэтому можем говорить открыто. Если не подойдет подмога, нам — глина.

Угрюмые капитаны понурили головы, Реган зло сплюнул, а его непробиваемый братик поморщил нос и дернул щекой. Кален качнул головой, а я только печально вздохнул, скрестив руки на груди.

— Брат, предлагаю сегодня моим бойцам сходить в лагерь противника и вырезать их руководство. Они заметно подрастеряют отваги и прыти!

— Это очень даже неплохо, но вот, насколько это осуществимо?

— Вот сегодня они сходят и посмотрят, и что смогут, то сделают, — осклабился Леган.

— А что это за отряд? Кто эти бойцы? — спросил вислоусый, широкоплечий и низкорослый командир городской стражи.

— Это Черные кошки! Слыхал о таких? — запальчиво спросил Реган Сильва, перехватывая инициативу у брата. Врать он был мастак.

— Да нет, наверное... — выговорил усатый, задумчиво шаря взглядом по потолку казармы.

— Вот-вот, и наши капитаны ничего не слышали! — глаза наших предводителей отрядов были такими. — Оо-о-о, — это очень секретное подразделение, создавалось для особых операций, наподобие таких.

— Ааа, ке... — начал было один Кертонский, но быстро сдулся под страшным взглядом Легана. При Регане он занимал скромный пост начальника охраны его заведения и личного охранника. Еще был небольшой магазинчик, где торговали мелкими украшениями, как поддельными, так и из настоящих драгметаллов и камней.

— Ага, понятно, — кивнул страж, естественно, ничего не поняв. — Ну, можно попробовать, и если ребята так хороши, как о них толкуют, да и если вполовину того, и парутройку их предводителей прирежут, то и на том хорошо. Я думаю, что все со мной согласятся. — Он вопросительно обвел взглядом присутствующих. Все по-разному выражали свое согласие: один, не подымая головы, дернул головой, второй сказал: «Да», третий тяжело выдохнул. Ну, а я и так, так был «за», поэтому эл Солен резюмировал:

— Тогда, Леган, сегодня ночью отправляешь своих бойцов, пусть вырежут верхушку «сколского» войска по максимуму, а мы в предрассветной мгле пойдем в атаку. Будет еще неплохо пустить им красного петуха. Если все будет так, как хочется, то пусть подожгут палатки, когда услышат топот лошадей. Надеюсь, они неглупые мальчишки, сами знают, что делать. Если от себя чего-то добавят, буду только рад.

— Так и сделаем, господин граф, — улыбнулся Реган. Леган, зловеще улыбаясь, кивком подтвердил свое согласие.

В эту ночь во вражеском лагере уменьшилось воинов на двенадцать человек.

В темноте хрустнул камешек под чьей-то кожаной подошвой, и это и было единственное предзнаменование, указывавшее на то, что бойцы ушли на задание. Я стоял на местами порушенной стене и смотрел вдаль, где на фоне ночного неба точками горели костры.

Их было много, очень много. Вчера к пятнадцатитысячному войску, которое осталось после коротких стычек между нами, подошли еще четыре, и с ними приехали еще четыре катапульты, и шесть баллист. Это знаменовало конец крепости, и разорительный марш, в глубь страны. Именно поэтому было решено предпринять такую самоубийственную вылазку. Для многих она будет последней, если не для всех, зато у тех людей, что еще остались в крепости, и в ее прилегающих землях, будет возможность уйти в глубь страны. Облокотившись на полуразрушенный зубец стены, который откололся с внешней стороны, и сбросив каменную крошку с ровной, уцелевшей части поверхности, я уперся в нее локтями. Камень охлаждал предплечья, ветер задувал за ворот, я покрылся пупырышками.

Наконец помывшись и смыв с себя пот, грязь и кровь врагов, расчесав волосы, которые быстро просохли на ветру, я думал о завтрашнем дне. Вот, задачка-то какая: вернусь ли я завтра с поля боя, или там и останусь? Будет ли Нейлин за мной грустить и лить слезы, когда ей принесут мое тело?.. И, она меня любит, или у нее ко мне просто половое влечение? А я,

я ее люблю, или я просто самодур со странностями?! Пошляк, извращенец и просто болван, или это меня от любви так корежит? Я поднял руку, и, растопырив пальцы, запустил ее в волосы. За прошедшее время они отросли, и теперь челка лезла в глаза. Пошарив по поясу и вытащив длинный нож (мой меч был у кузнеца, который правил ему рубящую кромку), я обрезал себе ее. Не хватало, чтобы завтра она под шлемом упала мне на глаза во время боя. Тогда точно не вернусь из боя. Теперь лоб украшала неровная прядка, чуть прикрывающая брови, а по ветру полетело сантиметра три волос. Вечно в книгах несут «порожняк» про колдунов, ведьм, магов черного, белого, и, пардон, коричневого цвета, которые могут, используя твои волосы, часть гардероба, или тьфу, простите, экскременты, нанести вред, навести порчу. Есть у меня подозрение, каким именно способом, вернее, используя что, коричневые занимаются своими безобразиями. Противно подумать!

Я улыбнулся сам себе, и, откинув ногу назад, опираясь руками о зубец стены, начал постукивать носком сапога по каменному полу стены. «А, вообще-то, холодновато, — мелькнула мысль. — Не пойти ли наконец-то спать?»

По шее скользнула узенькая ладошка, а через секунду девушка прошмыгнула вперед и прильнула к моей груди. Ее дыхание щекотало мне шею, и мне враз стало жарко. Холодок, ползший по спине, сменился «мурашками», нагло маршировавшим на месте. Я обнял ее за талию (экспериментировать, смогу ли я обхватить ее одними ладонями я не стал: не до глупостей сейчас).

Нейлин положила голову мне на плечо и затихла. Я весь покрылся испариной, лоб чесался от струящегося пота. Я начал переживать: а не начнет ли пот капать пот с кончика носа на шею девушки. Сцепив руки сзади, на ее бедрах, я смотрел на далекие костры в лагере кочевников. Мне не хотелось ее отпускать, я хотел, чтобы время остановилось, и мне не пришлось отпускать девушку от себя. Ощущая ее жаркое дыхание на шее, я плавал на волнах блаженства, и это было так опьяняюще сладко!

Краем уха я услышал какой-то странный звук... Звук, как будто... Похоже на... Я оттолкнул девушку от себя, зашипев ей в ухо:

— Беги в караулку, скажи начальнику стражи, что на нас напали!

— Что!?! — опешила девушка.

— Беги, дурочка! — заорал я, чуть ли не пинком отправляя ее в сторону лестницы, ведущей во двор. Через секунду мне было не до размышлений! То, что я услышал, было, скрежетом металла о камень, а затем над стеной показалась узкоглазая голова кочевника.

Не раздумывая, я дал каблуком сапога ему в нос, и он с воем рухнул вниз, но над стеной начали появляться все новые и новые лица. Кого мог, я сбивал ногами и кулаками, иногда пускал в ход свой кинжал. Я взмок и потерял счет убитым и раненым противникам. Казалось, я убил их уже сотни тысяч, что время ползет со скоростью обкуренной улитки, паралитиком, которую, вдобавок ко всему, еще и радикулит прихватил!

Я уже стоял весь в крови и рубил трофейным ятаганом, как маленькие дети рубят бурьян палкой, сражаясь с полчищами врагов. Ятаган достался мне от падающего скола, который уже свесил ногу на эту сторону стены и вытащил свою железку, чтобы сходу рубить направо и налево.левой рукой опираясь о парапет, чтобы перекинуть правую ногу, он склонился немного вбок, выставив руку с ятаганом вперед. Перехватив его руку и полоснув по венам на сгибе руки, я толкнул его ногой вниз, и он полетел с истошным визгом вниз, оставив свой клинок у меня в руке.

Снизу послышалась брань, вопли и стоны, видимо, он пришиб, пару-тройку своих

соплеменников. Возле меня стена была забрызгана кровью, кое-где стояли ее лужицы, по ним скользили сапоги, и у меня появились все шансы свалиться. На части тел, валявшихся повсюду я старался внимания не обращать. В голове билась только одна мысль: задержать прорыв до прихода солдат.

— Гра-а-аф! — послышался словно через пелену чей-то крик. — Эрландо, пинок тебе под зад!

Тряхнув головой, я огляделся и заметил возле себя еще воинов, сражающихся с врагом. Меня рванули за руку, разворачивая к себе лицом. В моё лицо осатаневшим взглядом смотрел Кален.

— Ты что, оглох? — зло спросил он. — Ты вокруг смотрел?

— Уже да, — вяло кивнул я. Но на одну вещь я все же не обратил внимания: близился рассвет. Вокруг стояла предрассветная мгла, внутри, за крепостной стеной уже суетились, бегали люди, на стену тащили раскаленный песок, кипящую смолу в чанах, за стеной полыхало масло. А дальше колыхалось море врагов. Уже собирались катапульты, и вот-вот должны были полететь первые снаряды.

Я заметил, как что-то на большой скорости приближается ко мне. Как в киселе, предмет приближался, хоть я и понимал, что скорость его велика, что нужно поскорее убраться с его пути, но сведенные судорогой мышцы отказывались повиноваться. Все что я успел сделать, — это закрыть глаза, чтобы не видеть своей смерти. Удар в грудь сбил меня с ног. Я еще удивился: почему он не такой болезненный, какого я ожидал, а дальше тьма поглотила меня.

«Все, граф, допрыгался! — вяло протекла мысль в голове. — Вот графство тебе раз, вот тебе графство два, ну и третье вдогонку... И Нейлин «в объятиях навеки» — все, как ты мечтал! Кстати, ты уже разобрался, любишь ты ее, или она тебе очень симпатичная? Мм? Ай, отстань, не до тебя сейчас! — отмахнулся я. — Видишь, я тут умираю, понимаешь ли, а ты мне про девушку толкуешь! Да и какая разница теперь? А, ну да, ну да... Вон там, вдали, видишь, перевозчик на каноэ гребет, чтобы забрать тебя в сады Вечного покоя, где нет горя, печали и забот. Там тебя точно никто убивать не будет! Будешь валяться на лугу, грызть травинку, сплевывать ее кусочки в небо, и следить за их полетом. Щелчком пальцев отправишь в затяжной полет кузнечика, по чистой случайности выпрыгнувшего тебе на грудь. Он испуганно поболтает лапками в воздухе, напоследок то ли обкакав, то ли оплевав коричневой жидкостью, угодившей тебе на кончик носа. Ты гневно возопишь, плюнешь соломинкой ему вслед, и тернешь рукавом нос... Видишь это?»

«Тьфу, конечно вижу! Это же надо, обгадил меня, сволочь! Кстати, а кто ты?»

«Я? Я не знаю... Я — Пространство, я — Ничто... типчик в каноэ совсем рядом! Иди залази уже в лодку! Он уже тебе веслом машет!»

И точно, «типок» уже призывно махал мне веслом с двумя лопастями на обоих концах. Я махнул Пустоте, просто махнул рукой, потому что ее рядом не было, она была везде.

«Ступай добрый молодец! — хохотнула она.»

«Да и ты не хворай!»

Я сунул ногу в выемку позади лодочника, не знаю, как эта выемка называется, там сидит второй гребец. Каноэ пошатнулось и завалилось на бок. Я рухнул пузом на него, бултыхнувшись головой в воду на той стороне лодки. Последнее, что я услышал, был крик лодочника, он ругал меня страшными словами, по-моему, что-то про мою половую ориентацию...

Я съехал с другой стороны, проползя брюхом по борту лодки, которая все еще лежала на боку, а ее хозяин орал что-то из воды. Но это было, пока я по ней скользил животом, а когда вынырнул, отплевываясь и тряся головой, чтобы стряхнуть воду, а теперь:

Ха-ха-ха! — залиvistый хохот Ничто. — Даже и в Вечный Покой переправиться без приключений не может!

— Да вообще, гомос...

Бемц!

Конец фразы я уже не услышал, хотя и так все было понятно, она оборвалась, так как я получил веслом по голове от, все того же перевозчика.

— Жестоко, но действительно... — заявила Ничто, и меня поглотила Тьма... Настоящая, непроглядная, всепоглощающая Тьма. «Вот, коза!» — обрывок последней мысли... И она, естественно, была адресована доброй и обходительной сволочи по имени Ничто. Мне показалось, или «гребёц» еще напоследок ткнул мою голову веслом, чтобы та быстрее ушла под воду, или... Да, о чем это я, — везде была Тьма, и все было Тьмой. Я ничего видеть, слышать, и ощущать не мог.

— Я... Я... Я так и знала!.. — плакала Нейлин, прижавшись к груди Калена. «Если бы Эрландо это увидел, он бы меня убил, наверное...» — подумал он.

— Я чувствовала, я просто знала, что так будет!

Ее плач превратился в тихое скуление, раздающееся из-под ладошек, которые упирались тыльной стороной в грудь эльфа. На его лице застыла непроницаемая маска, оно стало хмурым, серым и осунувшимся. Квартерон успел привыкнуть к своему господину, работодателю, и лучшему другу. «Веселый был парень! Сколько всего намутить успели... А нахотались сколько! Блин, потеря сто пудов невосполнимая... А девку-то как жалко! Убивается за ним, бедняжка! Любили друг друга, за их ужимками так смешно было наблюдать! Влюбленные всегда такими дураками со стороны выглядят! Бедняга, но не возьмешь же ее в жены, как в одной священной Книге далекого мира написано... Смысл таков, что если брат твой умер, и не оставил наследника, то... И откуда я это знаю!? Во дела! — ужаснулся эльф. — Да я ведь и не брат ему! Хотя, если бы он не умер, то мы бы точно побратались! Кровными братьями стали! Эх! — в сердцах махнул рукой эльф. — Что стало, то стало!»

Граф Эрландо Эрнст, хозяин графства Сорелло (именно так он хотел его назвать) лежал на грязной простыне, с перемотанной головой, обмотанной полосками серой ткани. Нейлин промыла рану на затылке, смазала ее маслами и мазями, вытерла окровавленное лицо, стащила заляпанный кровью камзол. На руке была глубокая резаная рана. Все-таки кто-то из врагов дотянулся. Бледное, обескровленное тело графа было вымыто и одето в чистую льняную рубаху, штаны сменены на новые, ноги босые. Зачем Нейлин обработала и перевязала раны, она, наверное, и сама не смогла бы дать ответ! Дрожащими руками, размазывая по лицу слезы и грязь, рыдая в голос, она смывала с убитого вражескую и его кровь, занималась его лечением, ни на что не обращая внимания... Ей было все равно, что ее граф мертв, что сердце его не бьется, дыхания нет, а жизнь покинула тело.

Граф эл Солен стоял рядом с Каленом, глядя на убитую горем девушку, боясь к ней подойти, а уж сказать о том, что Эрландо уже давно мертв, и речи не было!

Ситуацию немного поправила все та же старушка-лекарь, которая, положив девушке на плечо руку, прошептала:

— Нейлин, дочка, идем, мне нужна твоя помощь. Ты же у нас придворный лекарь?

Нейлин быстро закивала головой и пошла к раненым, поддерживаемая под руку бабулечкой.

— Надолго ее не хватит, — сказал старый граф. — Да, про лекаря сказано хорошо, но когда до нее дойдет, что того, кто ее нанимал, уже нет, снова будут реки слез. Жалко парня, такие надежды подавал! Бойкий был, хватистый!

Эльф только понурил голову и жалко кивнул.

— Ты, это, не вешай нос, уши торчком! Я буду ходатайствовать перед нашим королем, чтобы графство отошло тебе, ну и мое тоже. Ты парень не промах!

— Да вы чего!? — смутился эльф. — Не нужно, спасибо! Я б за графством друга

приглянул, но вот еще и ваше...

— И не только! И графство эл Рези тоже отойдет тебе! Я с королем договарюсь!

Эльф и вовсе дар речи потерял! Вот так, — с грязи да в князи!

— Сколы отошли, но я уверен, что скоро они снова пойдут на приступ! Тогда уж мы точно не выстоим...

Да, потери были чудовищны. В крепости осталось не больше полусотни защитников. Да, десятки раненых были в лазарете, но в том-то и дело, что они были ранеными, а это значило, что и небоеспособны! Если не подойдет подкрепление, крепость падет. И тогда вражеское войско хлынет в загорные земли. И начнется кровавая сеча, в которой будут гибнуть тысячи и тысячи мирных жителей королевства.

Граф отправился осматривать уцелевшие силы и узнавать новости у только что вернувшихся убийц Легана. Их стало вполтину меньше, но все же они пришли. Эльф гладил по спине плачущую Нейлин и невидящим взглядом смотрел перед собой. Когда он сбил с ног Эрландо и поднялся с земли, куда грохнулся вместе с графом, тот уже не дышал. Глаза обреченно смотрели перед собой, зубы стиснуты, рука сжимает ятаган.

— Егерь! — крикнули от дверей, ведущих на улицу с лазарета. — Граф зовет, опять сколы идут!

Кален угрюмо кивнул головой, положил руку на плечо своего друга и тихонько произнес:

— Покойся с миром, друг. Возможно, сегодня мы встретимся с тобой на полях Вечного Покоя... Ты, главное, далеко не убегай! Подожди меня, вместе будет веселей!

Эльф хмыкнул, и направился к выходу. Нейлин уже где-то возилась с ранеными.

Ввуубх! Камень, запущенный катапультой, пролетел над головами и врезался в стену дома. В стене появилась дыра, с крыши посыпался сор, и свалилось несколько кусков черепицы. В дыру можно было пролезть, не особо пригибаясь. Ввуубгх! Через три дома слышались крики и плач женщин.

— Та ну елы-палы! — заорал граф. — Почему эти дуры до сих пор здесь!? Я же сказал — вон из крепости! Так, сержант Карз, возьми десяток человек, и выбрось их за шкирки отсюда!

— Но они... — начал сержант.

— Да мне плевать на их вопли о том, что они не оставят мужей! Гони взашей! Выбери мужиков попроще, не особо пригодных для драки, и пусть их сопровождают до леса и не дают вернуться. А за последней запрешь ворота! Как понял!?

— Понял, господин граф!

— Исполняй, если понял!

Сержант побежал вдоль строя, тыкая пальцами в солдат и мужиков, направился в сторону, где попрятались женщины.

Вввуубх!

Это было уже совсем рядом!

— Ну, что, парни, умрем достойно? — спросил граф, затягивая ремешок шлема под подбородком. Реган оглядел себя, подтянул брату ремешок, которым крепилась наплечная пластина.

За стеной слышались вопли атакующих сколов, тащивших крюки и лестницы. Каменные снаряды перестали летать над нами, два солдата осталось неподвижно лежать,

под ними собирались лужицы крови. Они погибли от осколков, разлетавшихся в разные стороны от пробитых домов и просто упавших на землю снарядов.

— Быстро, щиты! — закричал эльф, услышав пение стрел, смертоносным дождем несущихся на площадку перед воротами. Солдаты сбились в кучу, прижавшись к стене и накрывшись щитами.

— Все демоны бездны, заберите этих мерзавцев! — зарычал кто-то из офицерского состава.

— Пилум им в седалище! — поддержал его граф. — А теперь — быстро на стены!

Деревянный дождь, с костяными и металлическими наконечниками враз прекратился — кочевники перестали стрелять, чтобы не убить и не ранить своих. Быстро вскочив на стену, солдаты и не только (а и все мужчины, способные держать оружие) быстро смели со стены успевших взобраться на нее кочевников. Это была кровопролитная сеча. Минут десять-пятнадцать защитники еще держались, потом люди стали падать. Послышался радостный визг и вопли атакующих, и все больше и больше прорех появлялось в рядах обороняющихся, через которые степняки валили на стену.

Вот Леган покачнулся и упал на спину с пробитыми доспехами в районе груди, из раны толчками вырывалась кровь. Еще несколько человек свалилось замертво, слышался крик графа эл Солена:

— Отходим! Все отходим!

Оставшиеся воины, воспрянув духом, начали пробиваться сквозь ряды узкоглазых верещащих врагов, помогая другим тоже вырваться из окружения. Кален заметил, как два солдата тащили под руки вниз по лестнице своего раненого товарища. Постепенно отступая к противоположной стене крепости, теряя людей, Реган с графом и Каленом уперлись в западные ворота спиной.

— Ну вот, ребята, — сказал патриарх Ночного двора, глядя на приближающую толпу, — навоевались... Зато, хоть сдержали натиск, дали женщинам уйти...

— Это да, — грустно кивнул граф. — Жалко Эрландо, отличный парень был... Если бы не он, нас бы еще тогда в корень вырезали...

— Да... — подтвердил эльф и согнулся от удара в грудь. Что-то теплое потекло под бехтерцем.

— Интересно, почему так получилось? — подумал он, падая на землю. — Думаю, и я не был плохим... — прошептал он, и закрыл глаза... — Эрл, я иду, ты меня дождался?..

Последняя фраза была сказана одними губами, ее никто не услышал. Оставшиеся десять солдат, считая вместе с Реганом и графом, сделали шаг от ворот, тесня врага. Еще чуть-чуть, чтобы женщины со стариками и детьми дальше ушли... — думал каждый из них, как машина, взмахивая, мечом, на автомате отражая удары, и нанося свои...

Внезапно что-то переменилось в битве. Со стороны поля слышался шум, панические крики и звук приближающегося грома... Нет, гула... За воротами тоже творилось что-то неладное, закричали женщины, заплакали дети.

— Дуры! — в отчаянии закричал Реган, пронзая еще одного врага. — Набитые дуры, им же сказали бежать!

В ворота за спинами обороняющихся, оставшихся троих человек загромыхали древком копья и заорали:

— Именем короля — откройте!

Реган растерянно замер, и, пропустив удар саблей по голове, рухнул на землю, а граф и

два солдата кинулись к сторожке, где находился механизм, отпирающий ворота. Двое других солдат непонятно зачем волокли графа и егеря Эрландо, хотя оба были мертвы.

Захлопнув за последним дверь караулки и заложив на засов, воины начали вращать механизм. Сначала два огромных засова, скользя по специальным петлям, скрылись в стенах, потом створки ворот открылись наружу. В образовавшийся проем влетела конница в блестящих доспехах. Десятки сколов были мгновенно растоптаны лошадьми, кое-кто еще пытался бежать, их догоняли, кого-то сбивали с ног и затаптывали лошадьми, иных зарубили клинками. Спустя некоторое время конница смела сопротивление в стенах города и вылетела с противоположной от ворот стороны крепости, которые были уже распахнуты ворвавшимися сколами. В рядах мечущихся сколов носилась вторая, более многочисленная кованая рать, истребляя нападающих сотнями. Чуть дальше конные стрелки расстреливали бегущих в панике кочевников. Их отрезали от табунов лошадей, и они мотались беспорядочно из стороны в сторону по земле. Тех, которые сидели на конях, теперь догонял другой конный отряд лучников.

Да, победа подоспевших королевских войск была налицо, но что это давало Эрландо, Калену и Регану, а также сотням погибших солдат, легшими костями на этом перевале, который перекрывала крепость Сарантай? А ничего, им было уже все равно. Зато еще сотни и сотни людей были спасены.

Кален открыл глаза. Белый потолок в трещинах на штукатурке, которой он был покрыт. Белили его давно, видимо, просто ни у кого руки не доходили подправить его заново. Справа кто-то стонал, где-то рядом всхлипывала женщина... А еще дальше, наверное, в самом углу комнаты тихо разговаривали мужчины.

— Да, последствия, конечно жуткие... — тихо говорил какой-то незнакомый мужской голос. — Селение понесло огромные потери. Расслабились мы сильно за последние годы. Сколы молчали, стычки были мелкими, а такого вот вторжения никто не ожидал.

— Та да... — вздохнул еще чей-то смутно-знакомый голос.

— Граф, я же сказала вам лежать! — послышался уставший и рассерженный голос Нейлин. — Вы как непослушный ребенок!

— Ну, доча, не сердись! — нежным голосом обратился к девушке эл Солен (это был именно он). — Я уже хорошо себя чувствую, шутка ли — более суток в кровати валяться! Я же не девочка какая!..

— Примерные девушки по шлему ятаганом или саблей, кто его знает, не получают! Это не что-нибудь, а сотрясение мозга!

— Ой, солнышко, не будь такой грозной! — взмолился старик. — В следующий раз я так не буду!

— А если будете вредничать, следующего раза может не быть!

— Нейлин, ты лучше скажи, как раненые? — это уже был Реган.

— Между прочим, уважаемый, вам помог только шлем! Так что вы тоже не разглагольствуйте, а лягте в свою постель! Граф хоть на ногах остался после удара, а вы свалились! Так что, скажите спасибо, что он вас еще живыми вытащил, и ворота открыл!

— Строгая какая она у вас! — снова прозвучал чей-то незнакомый голос со смешинкой. — Она вас еще не наказывает розгами?

— Да нет, пока! — снова граф. — Так как там наши раненые?

— Относительно. У десятерых состояние стабильное, думаю, все обойдется. Еще трое — калеки на всю жизнь, четверо умерли, а Кален... Я не знаю... — девушка всхлипнула. — Я не знаю, что делать. Слишком уж повреждена грудная клетка. Много крови потерял, лежит без сознания... Сделала все, что смогла... А... А тело Эрландо... Уже...

Девушка разрыдалась. Наверное, Нерден эл Солен прижал ее к груди, так как плач стал немного приглушенным. Эльф откинул одеяло, которым был укрыт, и зашипел от боли, попытавшись рывком сесть на бок, чтобы спустить ноги с кровати. И, как бы он ни стискивал зубы, пытаясь сдержаться, сильнейшая боль бросила его на кровать, а изо рта вырвался крик. Рухнув обратно на кровать, он потерял сознание.

— Придурочное! — вскрикнул все тот же незнакомый воин, и все вместе бросились к кровати егеря. Поправив под головой больного подушки, накрыв его одеялами, они стали по бокам и прижали его к кровати за руки и ноги.

— Держите его крепче, нужно привести его в сознание, и влить в горло отвар! — голосом, не терпящим возражений, заявила Нейлин.

— А может, пусть так и лежит? — осторожно поинтересовался русоволосый мужчина среднего роста. На нем были дорогие доспехи с изображением вставшего на задние лапы леопарда в золотой короне на груди. Волевой подбородок, нос с горбинкой, и серые глаза, смотревшие на мир взглядом человека, привыкшего повелевать.

— Король, я, конечно, все понимаю, но, кто здесь медик? — суровым голосом сказала Нейлин. — Держите его, мне нужно влить в него обезболивающий и восстанавливающий отвары, а они не сладкие. А потом, когда он уснет, нужно будет сделать перевязку.

— Ну, давай, красавица, действуй! — кивнул король, взявшись обеими руками за щиколотки ног Калена, а Нейлин поднесла какой-то пузырек под нос эльфа. Секунды три ничего не происходило, а потом из носа эльфа потекли сопли, из глаз — слезы, затем они распахнулись, бешеными зрачками уставившись на мир.

— Бууаааа! — возопил больной дурным голосом.

— Кален, тихо! — шикнула Нейлин, прикрывая руками ему рот. — Тихо, не ори! Так, пей вот это!

Эльф немного очухался, более осмысленным взглядом окинул помещение и приник губами к чашке.

— Только пей очень быстро! Это обезболивающее! — командовала юная лекарша. — А теперь это, это — ранозаживляющее! Настойка арники и...

На этот раз это был рев раненого льва. Девушка проворно залила еще несколько капель ему в рот, и тот задрогал ногами и руками, жадно хватая ртом воздух, силясь что-то сказать. В один момент он исхитрился, вырвал ногу, и больно пнул короля в подбородок. Тот пошатнулся, но всем телом налег на конечности парня, время от времени приподнимаясь над кроватью, когда тот чересчур сильно дрыгал ногами.

— Урр...! Тва....! Коз... лыыы! — возопил Кален, когда голос начал возвращаться к нему.

— Что, воды? — подхватила юная врач, и принесла ему чашку холодной воды из колодца. Эльф жадно пил из кружки, Нейлин придерживала ему голову...

— Вообще-то я сказал — козлы, но вода тоже не плохо... Короче, я надеюсь, вы поняли кто в...ваше высочество, эм... Дальше не знаю. Простите, я вас не заметил... И за козла простите, я погорячился...

— Да, я понимаю, вам больно, но зачем же короля ногой в челюсть бить? — строго сказал король, потирая ушибленный подбородок.

— Я?! — очумело вытаращил глаза эльф. — Ног... Ой, прошу прощения, ваша милость...

— Ну-ну-ну! — промолвил король и погрозил пальцем. — Как некрасиво! Да успокойся ты, все нормально! Вот видишь, мне уже намазывают его мазью, и все будет хорошо! — он улыбнулся от прикосновения Нейлин, которая намазывала его подбородок какой-то зеленоватой субстанций. — Ты мне нужен здоровым, так как мы тут порешили, что графства эл Рези и Эрландо отойдут тебе... А им нужен хороший граф... Да, да, да! После ваших подвигов я решил вам присвоить этот титул... И такой же титул присваивается господину Регану, но от лена тот отказался. Так что, граф Кален... Не знаю, как дальше, вы с вашим придворным лекарем, или графиней, вдруг она бросит заниматься врачеванием, возгордившись своим званием!

— И не мечтайте! Мне это звание...

— Не горячитесь, милочка, зато, как звучит: графиня Нейлин Эрнст! Во, как! —

поучительно воздел палец король, и все дружно засмеялись, и даже эльф, сдерживая смех и корчась от боли, пытался выдать какую-то шутку.

Нейлин сильно покраснела, стала похожей на свеклу и потупила взгляд:

— А чего сразу Эрнст?

— Ну, если тебе не нравится, то придумай себе другое! — предложил король.

— Да нет, пусть будет... — еще больше смутилась девушка.

— Вот и отлично! — резюмировал король. Реган и Нерден улыбались. — Наверное, пойдете-ка кушать, а то уж... Да и храбрый егерь уже уснул. А после обеда распорядимся отправить повозку с телом Эрландо. Дадим сколько нужно сопровождающих. Ты тоже поедешь? — обратился король к девушке. — Хотя, мы все поедем... Пойдем...

Граф обнял девушку за плечи, и они покинули помещение, в котором пахло болью, ранами и лекарствами. Потрапезничав, отряд из выживших и здоровых людей, приведенных Реганом и старым графом, во главе с ними же, и Нейлин, покинули Сарантай.

Король решил проводить в последний путь своего подданного, и с тремя десятками кованой рати поехал с ними. Движение было медленным, так как на повозке везли гроб, в котором лежал погибший, обложенный льдом, дабы хотя бы частично приостановить разложение.

— Граф, что теперь будем делать? На носу война с царством Андерон, империя хочет просто поглотить мое королевство, меня убрать, везде насажать своих людей. Сменился император, а этот слишком голодный ко власти, меняет и правит все под себя. Скорее всего, будет развал империи, какие-то королевства останутся, другие выйдут... Будет война. Большая война! И вот тогда Андерон развернется в полную силу. Грядет война. Большая война, если не огромная!

Дальше все ехали в глубокой задумчивости. Перспективы, отнюдь, были не радужными. Теперь уже появились и другие подозрения, а не работа ли это и самой империи? Так как император властолюбивый, одержимый духом порабощения, что стало ясно из рассказа короля. Скорее всего, скоро имперские войска зашагают по всему материку, непокоренные царства будут уничтожены, либо преклонят колени перед диктатором, ведь сенат ему точно будет мешать! А вот еще интересная мысль... Вернее, несколько: нынешний император случайно не прихлебатель царя Адерона? Не будет ли теперешняя империя превращена в одну из провинций Адерона? Или: не промаршируют ли войска империи на восток? Или... Или... Слишком много вариантов развития сюжета! А вот слово и о степняках: Это их собственная инициатива — объявился сильный хан, или же... Тьфу, опять это противное «или»! Разве так можно жить? Понятно одно: срочно нужно что-то предпринимать! Ну, понятное дело, латать крепостную стену Сарантая, и чем быстрее, тем лучше! Да и на границах Керонела, сего королевства, нужно наводить порядки, суесться не нужно, но вот быть наготове...

Приблизительно такие мысли сновали сейчас в головах у короля, графа, Реган, скорее всего, тоже размышлял о том же, а девушка...

Она была погружена в свои печальные думы... О Керонеле, о Эрландо, или же с Калене... Взгляд ее был потускневшим, лицо — осунувшимся и бледным, под глазами — круги, да и они сами выплакали не одну чашку слез.

Чуть позади ехали на лошадях два офицера из пришедшей вместе с королем армии, остальных вместе с войском оставили за главных в городишке-крепости Сарантае. Там-то и было всего полсотни с небольшим домов, общее количество жителей доходило до двухсот

человек, но он гордо именовался городом... Так повелось... Да, после атаки кочевников население резко сократилось, но вскоре город снова воскреснет, в него сойдутся новые жители.

Сопровождать короля отправилось почти сорок воинов, еще восемьсот с небольшим остались в городе, дожидаясь возвращения короля.

Вечером остановились в леске у скал. Вскоре запылало пяток костров, кашевары засуетились за приготовлением пищи, солдаты расселись группками, обсуждая свои дела, выставленные дозоры внимательно вглядывались в окрестности.

Сегодня для нашей поредевшей компании готовил молодой русоволосый парень, Нейлин сидела в стороне на бревне, обхватив коленки руками, отсутствующим взглядом глядя на огонь. Старому Нердену эл Солену стало жаль девушку, очень жаль. Для нее это была невосполнимая утрата, с которой очень трудно было смириться. Старый граф присел рядом с девушкой, осторожно обняв ее за плечи. Девушка оставалась равнодушной ко всему, только ресницы немного дрогнули.

— Доча, — заговорил граф, раздумывая, как бы мягче и правильнее поговорить с девушкой. — Девочка, ты для меня стала родной, совсем, как дочь. Мы все чувствуем боль утраты, ведь Эрландо для всех нас был близким другом, зарядом бодрости и уверенности. Нам тяжело, всем, кто знал его близко, но мне больнее вдвойне, когда я смотрю на твои страдания! Сердце старика просто обливается кровью. Поэтому я прошу тебя, перестань мучить себя, перестань винить, я уверен, что ты винишь себя в его смерти, но не стоит. В молодости у меня была девушка, и мы очень любили друг друга. Любили до безумия, хотели официально объявить о своих чувствах и сыграть свадьбу, но однажды она ушла в лес за ягодами и грибами, и...

Голос старика дрогнул, и он замолчал. Через несколько мучительных мгновений тишины она подняла посеревшее лицо на старика, ожидая продолжения. Он еще немного подождал и заговорил:

— Я нашел ее мертвой, привязанной к дереву... В общем, было ясно одно, что дело было рук бандитов, шайки Сивого пса, орудовавшего километрах в тридцати на севере. Зачем они пришли сюда, непонятно. Да, я их нашел, вырезал всех поголовно, самого Сивого пса и его ближайших людей убивал долго и с особой яростью, упиваясь их мольбами о пощаде, а потом и о быстрой смерти. Да, умерли они в страшных мучениях, но ничего, кроме множества ран на теле после этой драки я не получил.

Я даже пытался покончить жизнь самоубийством, но потом понял, что нужен своим друзьям, которые меня нашли тогда, лежащего без сознания от потери крови. И еще я понял одно — боль невозможно забыть, нужно и можно научиться с ней жить. Я не говорю, что ты пойдешь мстить, или, чего доброго, покончишь с собой, просто хочу, чтобы ты поняла: ты нужна друзьям. И я уверен, Эрландо не одобрил бы твое теперешнее состояние и обязательно что-нибудь отмочил!

Нерден с улыбкой смотрел на девушку, по щекам которой снова катились слезы, но теперь у нее на губах сияла грустная улыбка, а в глазах появился блеск. Правильным ходом было напоминание о проказах Эрландо, о его пошловатых, но смешных, до коллик, шутках.

— А теперь, молодая графиня Эрнст, приглашаю вас откусать наших скромных яств, начать радовать своих друзей своей улыбкой и чаровать их своей неземной красотой!

Девушка зарделась и несмело засмеялась.

— О-о-о, ну вот! — радостно заявил король. Реган трижды хлопнул в ладоши.

Настроение у всех, без исключения, поднялось, поднялось настолько, насколько было возможно после всех недавних происшествий.

С удовольствием подкрепив свои телесные силы, лагерь» укладывался спать. Караулы были расставлены по периметру, костры освещали затихающий лагерь, бликами бегая по спящим бойцам. На землю опустилась блаженная темнота.

Что со мной? — тихим шепотом спросил Кален, открыв глаза и заметив возле себя сиделку. — Где я?

— Лежи спокойненько, тебе нельзя напрягаться. У тебя сломаны ребра после попадания в грудь копья, пущенного из такой штуковины, похожей на арбалет, только побольше. Капитан Серо говорил, хорошо, что вы не попали под него, когда оно только начало лететь, а на излете, и оно уже прошло пару десятков кочевников.

— Это что за тупица так стрелял? — удивился Кален, подняв брови.

— Та, господин капитан говорит, что, наверное, цапля какая-то поломалась, — с готовностью ответила сиделка. Привлекательная девушка-шатенка, с большой грудью, пухлыми губами, карими глазами, и маленьким, красивым носиком. Серое приталенное платье, подчеркивающее размер груди, заставило Калена нервно сглотнуть. Ему захотелось приподняться и проверить глубину декольте, но тут девушка нагнулась поправить ему подушку, облегчая ему задачу, и он немного огорчился, так как декольте было, но под платье была надета белая кофточка и скрывала то, что Кален так хотел увидеть. Девушка попалась целомудренной, «Может, даже так оно и есть...» — мелькнула мысль у эльфа. Проследив за взглядом егеря, его сиделка зарделась и неловко махнула ручкой:

— Ишь, какой! Нечего заглядывать!

Все, что было видно эльфу, это шейка девушки и немного ключицы.

— Эк, нахальный! — пискнула совсем покрасневшая девушка, отвесив засранцу легкую пощечину. Эльф ойкнул для приличия и перестал вертеть головой, так как поломанные ребра давали о себе знать. Девушка захихикала и картинно взялась за завязки на вороте платья, но потом опустила руки, смешливыми глазами глядя на раненого.

— Я все поняла, спелись голубки! — топнула ногой главный лекарь города, которая осталась на хозяйстве после отъезда Нейлин. — Ты, вообще, ему микстуру дала? Рану на руке смазала мазью?

— Ой, — засуетилась сестра милосердия. — Больной, открывайте рот, будем пить микстуру!

— Дамочка, из ваших рук, хоть яд! — с готовностью заявил егерь почившего графа Эрландо, открывая рот. Девушка так разволновалась под взглядом лекарки и от присутствия Калена, что так и плеснула травяной отвар ему в рот. Наш бравый вояка напился и ртом, и носом, и даже кожей впитывал в себя лекарство.

— Мамочки! — воскликнула она, одернув руки, и расплескав последние капли микстуры. Эльф, морщась от сильной боли, пытался откашляться, от чего в грудь, будто кувалдой лупили!

— Дура, ты что наделал? Отойди вон!

Старая врачевательница придержала голову Калена, помогая ему откашляться. — Пошла вон, неряха! Чтоб больше я тебя возле больного не видела!

— Ну, пожалуйста, госпожа Калиния... — голос неудавшейся сестры дрогнул.

— Нет, ты свободна.

Девушка, всхлипывая, пошла к двери. Калиния, местный врач, пошла за ней. Эльф схватил главврача за юбку и сиплым голосом выдавил:

— Оставьте ее возле меня, и, видя ее колебания, продолжил. — Буду принимать лекарства только из ее рук, всех других буду прогонять!

— Ладно, уговорил! — дернула щекой женщина и крикнула: — Мелисандра, вернись! Граф зовет тебя!

Девушка выглянула из дверного проема, обиженными глазами глядя на наставницу.

— С сегодняшнего дня ты — личная сиделка графа Калена, к другим больным я тебя не подпущу!

— Спасибо, госпожа Калиния! — обрадовалась девушка.

— Это не мне говори спасибо, а умирающему, умирающему именно твоими стараниями, ведь если б не ты, он бы выжил, а теперь, когда он сделал тебя... Эх! — махнула рукой лекарка и ушла из комнаты. Смущенная девушка так и осталась стоять у двери.

— Мелисандра, ты не стесняйся, проходи! — ободряюще улыбнулся эльф.

— Сейчас, я только новый стакан микстуры принесу. Мелисандра выбежала из комнаты, а эльф с довольной улыбкой уставился в потолок.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Так ты расскажи, что же все-таки там произошло, потому что я толком и не знаю. — заговорил, Кален, когда девушка вернулась, и он все же выпил свою микстуру.

— Ну, там, там... Там такое было! — зачастила девушка. — Граф выгнал нас из города и хотел, чтобы мы в лес бежали, но как же мы, если тут наши мужики остались! Те, которых граф отправил нас сопровождать, пытались нас тащить, но нас же больше, и у них не получилось. А потом слышим, а вы уже возле ворот деретесь, и нам так страшно стало! Дети плакать стали, ну и мы... А потом слышим, такой звук, как кони скачут, поворачиваемся, а там!

Девушка сделала страшные глаза, и немного отдышалась после своего эмоционального рассказа. Ну, а потом с новыми силами продолжила:

— Смотрим, а там их еще скачет, много-много! Бабы вообще вой подняли, ну все, сколы и сюда добрались! А потом, глядь, — а они на сколов совсем не похожи, и флаги наши над ними колышутся! Не обращая на нас внимания, они подъехали к воротам и давай колотить туда, и кричать, чтоб открыли, а когда открыли, они — туда, и давай сколов рубить! Всех перерубили! Ну, а потом добивали врагов и наших раненых собирали. А с другой стороны еще войска наши подъехали!

Эльф усталым взглядом смотрел на девушку, и, дослушав фразу до конца, моментально уснул, потому и не видел, как вбежавшая старая женщина-врач дала по шее незадачливой сиделке, и чуть ли не пинками погнала ее с комнаты, шипя ей вдогонку, ругая за тупость и такое бездарное обращение с больным.

А свежеиспеченный граф спал «без задних ног». Болели сломанные ребра, и снились кошмары, но будет утро, кошмары пройдут, а ребра — ребра срастутся, раны затянутся.

— Мой король, а откуда взялись ваши войска по ту сторону гор? — с уважением спросил граф эл Солен.

— Тьфу, вы бы еще заявили: «Нижайше кланяюсь и бью челом, целую край мантии вашей, и — контрольный в голову — ваше сиятельное величество, извольте услышать глас

мой к вам!» — иронично выдал король. — Нерден, чтобы такой чуши я от вас не слышал! Пока был малым, то был голозадой врединою, а теперь...

— О боже, ва... Корел, вы это еще помните? — с улыбкой спросил Нерден.

— Ой, я не только это помню, но не буду это рассказывать, чтобы не позорить ни тебя, ни себя, — хохотнул король.

— И все же, как ваши войска оказались там, в степи?

— Через несколько дней после того, как вы покинули Кертен, я пришел на кораблях со своими воинами, так как уже знал о нападении степняков на Сарантай. Два корабля сразу же отправились секретным подземным тоннелем под грядой, а мы поскакали сюда, изо всех сил, и, как видите, успели до падения крепости.

— Да, и за это, слава Богу! Сколько людей могло погибнуть. Правда, жалко тех, кто заплатил за это своей жизнью, — вздохнул Реган.

Король устало кивнул.

Оставшаяся часть пути прошла без особых происшествий. Спустя несколько дней достигли замка.

На следующий день по приезду хоронили графа Эрландо Эрнста. Собралось много его крестьян, ведь они души не чаяли в своем графе. Он был не скотиной, как иные другие, всегда общался с ними, как с равными, и прислушивался к их проблемам. А теперь... Много женщин плакало, мужики стояли с каменными лицами, с серьезными, озабоченными взглядами. Графа жалко, да, но кто же теперь придет на его место?

Король произнес речь, немного похвалил своего подданного, посочувствовал крестьянам, и рассказал им, кто теперь будет управляющим этого и соседнего графств. Люди немножко успокоились, лица их разгладились, одной проблемой стало меньше. После речи короля слово взял Егор. Они с сестрой уже вернулись, и теперь она с Кристой стояла рядом с Нейлин, придерживая ее под локоток. После небольшой надгробной речи тело Эрландо внесли в пещерку, переоборудованную под склеп. Скорее всего, она и планировалась под склеп, ведь у левой стены в углу лежал прямоугольный камень, Возле него был второй, чуть поменьше. Большой оттянули и положили по центру, у стены, меньший — рядом. На тот, что был побольше, уложили тело молодого графа, на маленький сложили его одежду и доспехи.

Внеся тело в склеп, постояв немного у плиты и последний раз взглянув на умиротворенное лицо умершего, накинули на него край савана, и покинули усыпальницу. Когда дюжие мужики вместе с солдатами с помощью рычагов привалили огромный камень к выходу из пещерки искусственного происхождения, Нейлин не выдержала, и потеряла сознание. Ее привели в чувство и бережно отвели в замок. Криста осталась в комнате утешать плачущую девушку. Для всех остальных на заднем дворе был накрыт стол. Бизон и Вертиго упились в хлам и горевали, обнявшись и бубня что-то под нос. А Нейлин долго лила слезы в подушку, да так и уснула. Криста накрыла ее пледом, и, немного постояв, покинула комнату. Так и закончился этот грустный день. Граф с королем и главой гильдии воров, а теперь, после смерти брата, еще и гильдии убийц, сидели в кабинете у Эрландо, в тишине смакуя вино. Разговор тек вяло и часто обрывался, собеседникам было не до разговоров.

Я очнулся от дикого холода. Холод вокруг стоял просто страшный, мои конечности настолько заоченели, что я их не чувствовал! Я лежал совершенно голый, только в какую-то простыню завернутый! То, на чем я лежал, было просто ледяным, спина, сиденье, пальцы рук и ног совершенно не ощущались! Я попробовал ими пошевелить, но даже не знал, шевелятся ли они? С трудом усевшись и кое-как стащив с себя эту тряпку, я окоченевшими руками дотянулся до ступней и попытался их растереть. Понемногу это помогло, и через некоторое время ощутил в них — руках и ногах острую боль и покалывание. Я начал разгонять по ним кровь, и стало намного легче.

В скором времени я поднялся на ноги и начал приседать, делать маховые движения руками. Потом снова замотался в свою простыню и немного посидел. Когда я почувствовал, что снова начинаю замерзать, решил слезть с шершавого прямоугольного камня, на котором ранее лежал, и пойти в обход комнаты, чтобы проверить, куда же меня заперли. Нащупав стену у изголовья моего лежака, осторожно спустил ноги на пол, но одна нога уперлась в камень выше, вторая — ниже. Оказалось, что у изголовья есть небольшое возвышение. Я провел руками по нему, и чуть не сбросил вазу. Обследовав вазу, узнал, что в ней стоит букетик цветов, который начал увядать. Рядом с вазой обнаружился стакан с жидкостью, что на поверку оказалась водой, а небольшим камешек — кусочком пресного хлебца. Я сделал глоток из стакана, но потом опомнился и стал размачивать в нем хлеб.

Очень скоро, хрустя не до конца размокшим хлебом, я блаженно щурил глаза. Запив свою скромную трапезу остатками воды, поднялся с корточек, и, прощупывая босыми ногами камень перед собой и ведя рукой по стене, побрел по кругу.

Комнатка оказалась приблизительно размерами десять на двенадцать. Двери я не нашел, как таковой. В одном месте нащупался дверной проем, но он был заложен тяжёлым камнем.

Вернувшись назад, на исходную позицию, я ударился пальцами ноги о плоскость пониже, чем та, на которой я лежал. Было больно, но я согнулся и наощупь попытался определить, что же это такое.

На возвышении наткнулся на доспехи. Это был мой бахтерец. Рядом — аккуратно сложенный камзол, сапоги, рубаха. Я начал поспешно натягивать на себя всё, что там лежало, потому что не было сил терпеть этот невыносимый холод.

Полностью одевшись и согрившись, я продолжил осмотр лежащих вещей. Вскоре я обнаружил и надел и поддоспешник, и подшлемник. Теперь стало еще теплее.

Я начал вспоминать события последних дней. Ожесточенное сопротивление сколам у крепости Сарантай, и нам удавалось их удерживать, хоть потери с каждым днем увеличивались. А потом, потом, когда мы с Нейлин были на крепостной стене, сколы снова пошли в наступление. Прогнав со стены Нейлин, я долго отбивался от кочевников ножом, а потом достал себе ятаган. Когда же наступил рассвет, и я наконец заметил воинов на стене, у меня прошло то состояние, в котором я превратился в бездушное животное, тупо выполнявшее одно лишь действие — убить. Стоять до последнего, чтобы защитить крепость, защитить тех людей, которые там были. А я-то думал, почему на меня никто не напал со сторон — со мной дрались мои друзья и соратники! А вот потом, когда Кален вырвал меня с того состояния, я... не помню, по-моему что-то ударило меня в грудь, и я упал. Но

умер я тогда, когда ударился головой о пол! Вот оно — я умер! Все решили, что я умер, и скорей всего, место, где я лежу — это мой склеп! И то, во что я был завернут, скорее всего походило на мой погребальный саван!

Я запустил руки в волосы, отбросив в сторону подшлемник. Все, это конец! Меня просто заживо замуровали! Я наощупь поднял свою фалькату и пошел в ту сторону, где стоял камень, заваливший дверь. Попробовав сдвинуть его плечом, понял, что это бессмысленно! От моих усилий он даже не шелохнулся! Поковыряв швы фалькаты, я и здесь ничего не добился. Камень залепили еще раствором. Теперь о свободе, о выходе наружу можно было и не мечтать.

Вдруг меня осенила еще одна мысль. Я поднялся на ноги, прошел к своему камню, взобрался на него и провел рукой по стене, где-то на расстоянии вытянутой руки. Так и есть... Кантик из высеченной в скале полосы с изображением тех маленьких человечков, что были и в замке у эл Солена.

Значит, меня похоронили на моих землях, ведь там была такая пещерка с прямоугольным камнем, лежащем у стены, и, по-видимому, его перетащили и положили по центру комнаты. Я видел тот валун, которым завалили вход. Полтора метра ширины, два в высоту и метр толщиной. Сам я такой точно не сдвину! Все, прячься, теперь точно приплыли! Смерть от голода, от жажды, от удушья!.. Все что угодно, но только не такая мучительная смерть!

Мной овладела сильнейшая апатия, и теперь хотелось броситься на фалькату и одним махом покончить со всеми своими проблемами. Я потянул завязки бахтерца, стащил его с себя и бросил на пол. Тот звякнул пластинами, и все звуки в моей могиле снова пропали.

Я поднялся, распрямился на камне, упер меч в живот, еще горько подумал: на него положили мое мертвое тело, на нем и умру. Жизнь, как говорится, пролетела в один миг перед глазами... Я немного приостановился, задержал перед глазами образ Нейлин, представил её лицо с рубиновыми глазами, роскошными волосами, рассыпанными по плечам, улыбающимися алыми, манящими губами, навстречу которым я мысленно потянулся, падая на меч. Ай, больно! — выдохнул я, и упал рядом с погребальным ложем, заливаясь кровью... Еще в полете, когда я валился на бок, сознание оставило меня...

Тяжелый стон вырвался из моего горла. Голова болела немилосердно! Благо, что на ней был подшлемник, и удар о стену немного смягчился. «Блин, и самоубиться нормально не могу!» — в отчаянии подумал я, в бликах света разглядывая противоположную от меня стену с барельефом, камень, запирающий выход из склепа. «Да, основательно залепили!» — дернул я щекой, разглядывая светлые пятна раствора по краям, кляксы которого лежали на полу.

— Эх, по шее бы дал, замуровать своего господина, и так злобно! — заявил я, пытаюсь подняться на ноги, но моя многострадальная черепушка ныла, а «мозг» грецким орехом болтался на тоненькой ниточке, которую, если перерезать — отвалятся уши, он от удара разболтался, и теперь голова предательски кружилась. Ну, и та лепешечка просилась наружу, но я ей это не позволял. Опираясь рукой на фалькату, которая так предательски соскользнула по камню, да еще и нога поехала, в общем, я не на меч упал, а головой в стену двинулся! «А цветы уже вянут...» — проскочила еще одна мысль. — Вон, уже головки повесили! Им бы водичку поменять и на свет вынести, а то здесь свет, вон он какой слабенький, что от масляной лампы!»... Масляной лампы?

— МАСЛЯНОЙ ЛАМПЫ? — возопил я дурным голосом, и с глазами (О-О) навывкат

развернулся в другую сторону и замер с отвисшей челюстью. Стена за могильным камнем отошла в сторону, а за ней распахнулся вход в... Нет, не сокровищницу, блики драгоценных камней и золота не играли на каменных стенах моей усыпальницы, а в...

Перед моим взором лежал длинный и широкий коридор, в котором на стенах горели меленные лампы. Масляные, правда, в чем-то все же было от них отличие, в чем, я пока не понял. Нервно глянув в темную пасть коридора, подтянул фалькату поближе и начал натягивать бахтерец, с опаской глядя в открывшийся проход.

Облачившись в латы и сжав фалькату в руке, я вновь с опаской выглянул из дверного проема в длинный коридор, простершийся передо мной. Стены и пол были покрыты слоем пыли. Разглядывая эти идеально ровные стены и пол, я понял, что когда я лежал в беспмятстве, да и когда надевал бахтерец, напасть на меня не мог никто, так как девственный слой пыли на полу и пыльные лампы говорили о том, что здесь давным-давно никого не было.

Немного успокоившись, и обдумав свое нынешнее положение, я вложил фалькату в ножны за спиной, подобрал шлем, закинул кинжал в ножны и ступил через порог в длинный коридор. Ну а что мне оставалось делать — сидеть в своей норе, или пойти посмотреть, что там, впереди?

Все же вытащив кинжал из ножен, я пошел по проходу вперед, осматривая стены по сторонам, и нащупывая пол под ногами. Проход был высечен в горе, и оставалось только поражаться тем людям, которые это сделали.

Я уже шел минут десять, а он все не прекращался. Немного погодя я увидел его конец, вернее точку, где ряд горелок обрывался. Пройдя еще чуть-чуть, я уперся в стену, но на ней уже обрисовывался контур двери, а с правой стороны был выступающий камень с символами, скорее всего, означавшими число, и если на левой стороне на стене изображались какие-то кривульки с тремя палочками, то тут было та же кривулька с двумя палочками. Ага, это обозначение ходов! Понял я. Нужно запомнить, что буквы DXSsII, именно вот в таком порядке, и с таким реестром — это тот коридор, в котором я был, а DXSsII — тот, в который я вышел. Да, эти символы я написал понятней, на самом деле они по-другому выглядели — другой наклон, некоторые части выгнуты, но пусть будет так.

Нажав на выпирающий камень, я привел в действие скрытый механизм, и она, немного шурша и скрежеща от древности, отъехала в сторону. Я вышел в новый коридор, расположенный перпендикулярно предыдущему, и остановился в нерешительности, — в какую же сторону свернуть? Опять же, на стене были расположены указатели, стрелка с вписанной в нее надписью DXSsI? указывала влево, а DXSsIII? соответственно, вправо. Я решил топтать в сторону, где, как я понял, цифры шли на убывание.

После принятия решения, я последний раз взглянул в обратном направлении, и заметил, как лампы на стенах одна за другой угасают, и вскоре весь коридор погрузился во тьму. Тут же дрогнула каменная дверь, и приняла первоначальное положение. Вздохнув, я пошел в избранном направлении. Этот коридор ничем отличался от предыдущего, и только цвет камня стал чуть темнее, а так все по-прежнему. Я шел вперед, прислушиваясь к тишине и разглядывая горящие лампы, и что удивительно: они загорались за сотню метров передо мной и гасли на таком же расстоянии за моей спиной. Я с удивлением понял, что здесь не было сыро, не воняло затхлым, хоть воздух и был стоячим, но, на удивление, не давил грудь.

— Поразительная система вентиляции! — вслух раздумывал я, вышагивая вперед. — Это кто же такое построил? И словно с ответ на мой вопрос, передо мною появилась

каменная дверь с надписью «— DXSs?? DXSsz —».

Нажав на выступающий камень, который приводил в действие скрытый механизм, я подождал, пока дверь откроется. Пройдя метров двадцать по новому коридорчику, я увидел, что он раздваивается, как буква «Y», а на стенах были высечены те же знаки, что и на двери, соответственно. Решив не отступать от намеченного плана, я пошел далее по коридору, в котором буквенный или цифровой ряд шел по ниспадающей.

Приблизительно через час я присел отдохнуть. Все-таки пилил я уже приличное время, ноги устали, хотелось есть, а пить хотелось так, что, как говорил мой друг Кален: «Аж на очи не вижу!» Немного просидев и отдохнув, я поднялся и пошагал дальше.

Ноги гудели, во рту было сухо, наве, суше, чем в пустыне на поверхности земли.

— Вот интересно, как скоро я подохну? — сам себя спросил я. — И насколько больно это будет?

С момента моего выхода из склепа, по моим подсчетам, прошло уже более восьми часов. С учетом того, что я тогда выпил глоток воды да съел корочку хлеба, то сейчас, исходя из затрат, которые мой организм потратил на ходьбу, жажда меня мучила страшная. Чтобы как-то себя отвлечь, я начал вспоминать то дурацкое сочинение, которое я исполнял под дверью Нейлин.

— А что, бедный парень! — снова произнёс я вслух. — Гадкая ему любовь попалась! Это же нужно такой сволочью быть? Интересно, я бы такое вынес?

— Не, я б, наверное, забил! — произнес я через несколько часов. Возможно, мой мозг на некоторое время отрубился, ну не мог же я несколько часов думать об одном и том же. — Я б забил, ногами!

Я хохотнул, понимая, что никогда бы так не поступил. А потом мои глаза в ужасе распахнулись. Неужели мне уже настолько плохо? Я брежу? Фууф, нужно отдохнуть! Снова присев у стены, я опустил голову, вытянул ноги перед собой и, видимо, вновь отключился на некоторое время.

Сколько я был в отключке, не знаю, но еще сильнее захотелось пить. Немного так посидев, я все же поднялся на ноги и нетвердым шагом вновь побрёл вперед.

Я уже сменил несколько коридоров, дошел до надписи DXx, уже успел узнать, кто эту махину рыл — все те же маленькие человечки. На стенах появились, встречаясь через каждые три километра, плиты с барельефами. Моя голова автоматически отсчитывала шаги. Плитки были из камня темного цвета, на них был изображен значок «-».

На одной плитке я застопорился и долго ее разглядывал, пытаюсь сформулировать мысль, которая скользила где-то рядом, но когда к ней поворачиваешься, она все равно остается на том же месте (это походило на волос, висевший на полях шляпы, и сколько бы ты не крутил головой, если он висит на краешке видимости твоего глаза, то он там будет оставаться!) Вот так и мысль — сколько бы я за ней не гнался... Кот хоть догоняет свой хвост, когда уляжется, а тут... Уляжется?! А почему бы не перестать суетиться, а просто остановиться, сесть и нормально подумать?!

Мысль упорно отказывалась лезть в мою голову. Я несознательно ковырял ногтем плитку, на которой были изображены вот такие вот волночки, очень приятные наощупь, хорошо вырезанные, гладкие. А остальная часть плитки... Ай! Я скovyрнул стык между камнем и плиткой и сломал ноготь. Больновато, вообще-то! Мой воспаленный мозг уже плохо варил, я с обидой стукнул по плитке, и она внезапно отошла в сторону.

— Ух-ты, классная заначка! — вяло удивился я. — Рукомойник, что ли, водичка вот в

стаканчик бежит. О, остановилась, ведь стаканчик уже полный... Классно-то как! Нахвтался слов дурацких — «классно»! А, плевать, что вода для того, чтоб в ней руки мыть, попою немного, пока никто не видит!

Воровато оглянувшись, я вытащил стакан и сделал несколько глотков. Вода была холодной и вкусной, донельзя сладкая...

— Вода!? — возопил я, когда стакан жидкости запустил работу моего мозга. — Вода, елки-бревна! Сколько километров протащился, а она, зараза, была совсем рядом!!!

На третьем стакане я дал себе пощечину, чтобы успокоиться и перестать пить. Ведь читал же где-то, что сразу много напиваться — смертельно вредно для здоровья. Стащив с себя бахтерец, поддоспешник, камзол, рубаху, а потом плюнув и раздевшись наголо, я пальцем нашел определенную точку нажима, на которой вода текла с максимальной скоростью, а затем просто налил полный стакан и опрокидывал на себя, терся руками, смывая с себя пот, пыль, грязь и усталость, совсем не обращая внимания на температуру воды.

Под конец моего купания пол и стены в радиусе десяти метров были мокрыми, благо, я раздевался на приличном расстоянии. Раз двадцать присев для согрева, натянул на себя камзол, штаны... Ну, в общем все, что было, оставив только портянки и рубаху, чтобы постирать, а то их благоухание выводило меня из себя.

Через энное количество времени я бодро вышагивал по коридору, размахивая правой рукой, вращая портянкой, зажатой в руке, чтобы та быстрее сохла, а в левой руке нес реквизированный стаканчик с водой, иногда прихлебывая оттуда маленькими глоточками. Рубаха и вторая портянка висели на плече в ожидании своего черед, а я на разные голоса горланил песни, чтобы веселее было топать. А потом.... Потом я дошел до двери, внимательно прочитал надпись на ней, и устало привалился спиной к стене. Там было написано — AaBbDd» | CcDdWw».

Живот мой нервно булькнул, там уже давно ничего не было, кроме воды. Ничего лучше не придумав, я развесил на ближайших лампах рубаху и портянки, стянул со спины оставшийся кусок савана, смотал его в валик, положил на пол, и улегся на него головой. Уложив рядом с собой фалькату, потрогал пальцами зарубцевавшиеся ранки на голове и уснул. Уснул надолго. Снилось мне разная чепуха: как будто те существа, которые жили здесь задолго до моего прихода, пришли ко мне и с удивлением меня рассматривают. Потом они расположились недалеко от меня и начали жевать какие-то странные черные, светящиеся голубоватым светом, кусочки, и запивали их чем-то из фляжек. Насытившись, они встали, и ушли дальше, а я проснулся с грызущей меня мыслью, которую я озвучил вслух:

— Вот уроды, поделились хотя бы!

В надежде осмотрев вокруг себя пол, я не обнаружил никаких следов пребывания коротышек, вздохнул, подошел к очередному выпирающему камню и нажал его. Шорох трения камня о камень — и дверь отошла в сторону. В новом коридоре исправно вспыхнули лампы и я вышел к новой развилке. И снова коридоры, снова возмущенные вопли желудка, который, Бог знает, сколько не ел!

Коридоры сменялись один другим, меня мучил вопрос: «А куда же они ведут?» Ведь такую огромную площадь они покрывали! Потом на пути попало ответвление, длиной с десяток метров, с дверью в конце, в которую я заглянул. За ней раскинулся огромный пустой зал. По всему его пространству, куда хватало взгляда, росли странные растения, больше

похожие на гроздь кристаллов. Иногда они были прямые, как копья, напоминая сталагмиты, иногда — строгие вытянутые многогранники, словно вырастающие из песка, дивные причудливые растения. И хотя в зале было темно, ни один факел не вспыхнул на его стенах, от этих кристаллов исходило какое-то темно-синее, с голубым кантиком по краю, свечение. Они приковывали взгляд, завораживали, и я вдруг понял, что они живые, и здесь их специально выращивают! Или выращивали. Когда я ступил внутрь комнаты и прошел вглубь метров пять, дверь сзади поползла назад, со звуком врывающегося из отверстия воздуха. Испугавшись, я шагнул назад, и она опять с таким же звуком открылась.

Тогда я пошел изучать эти камешки, пытаюсь рассмотреть их поближе. В них, как будто роились какие-то точки, а когда я протянул руку, чтобы потрогать, меня больно ударило разрядом, и рука на некоторое время онемела. Растерев ее, возвращая нормальное кровообращение, я снова стал их разглядывать. Внутри полупрозрачных кристаллов носились малюсенькие голубые точки, как во время перенапряжения перед глазами. Отбив фалькатой маленький кусочек кристалла (при этом я долбил его долго и нудно), я увидел, что вся фальката покрылась глубокими зарубками, а ведь я отбил маленький, размером с ноготь мизинца кристаллик. Я взял его в руку, и меня снова пронизало тем жгуче-болезненным разрядом, от которого все мышцы свело, и я упал на пол. Немного отлежавшись и отдышавшись, встал на ноги и острием меча поддел камень.

Путем следственных экспериментов я выяснил, что ткань не пропускает разряды, поэтому оторвал от савана кусочек, замотал его в тряпицу, сунул в карман и пошел изучать зал дальше. В углу зала я нашел еще один кристалл, в одиночестве росший на небольшом отдалении от общей массы, и вырвал его с полу. Его корень сидел неглубоко, но за что-то держался, и мне долго пришлось пинать его ногами, лежа на спине, прежде, чем он хрустнул и выпал из своего гнездышка.

Оказывается, все кристаллы росли на одном корне, и мне пришлось отрывать его именно от корешка. Обмотав его оставшимся куском савана и связав концы вместе, повесил его, как сумку, через плечо, направился к выходу. Решил не жадничать и не нагребать полные руки тяжести, а так, один — сантиметров тридцати в длину и двадцать в диаметре, а второй... Ну, понятно, лежит в кармане. Подходя к выходу, я заметил еще какой-то свет возле него. Пригнувшись и приглядевшись, я увидел те шгуковины, которые ели те человечки, которые были похожи на грибы. Вырвал себе один и попробовал его на зуб... Ну, как говорится, на любителя. Вкусом напоминает твердый сыр, такой же и по плотности. Уплетая его за обе щеки, и напихав их полные карманы, я и не заметил, как насытился. Всего раз пять куснул, а уже...

В приподнятом настроении, насвистывая песенку, я пошлепал дальше. Теперь на душе стало легко и просто, дорога стелилась под ногами. И только через добрых тридцать километров я почувствовал усталость и прилег поспать.

Мне приснились все те же человечки, только теперь я их смог нормально разглядеть. Старший пузан, как на меня, был очень древним. Хотя, держится бодрячком! Морщинистое лицо было обрамлено седыми волосами, на живот спадала длинная бороденка, завязанная лентой в пучок на уровне груди, а оставшийся хвост был пропущен под ремнем, и весь остальной кусок был спрятан в сумку, висевшую на боку. Глаза смотрели из-под кустистых бровей. Руки были мускулистыми, ладони большие и мозолистые. На нем, как и на его спутниках, были доспехи из темного металла, украшенные вставками из серебра,

изображающих каких-то животных. На ногах у разумного были сапоги с металлическими нашлепками, но, на удивление, когда он двигался, никаких звуков топая и ляганий железа слышно не было. Из-за плеча деда выглядывала рукоять меча, а из-за другого — приклад арбалета. На боку висел узкий обоюдоострый кинжал, выполненный из черного металла.

Его спутники были одеты так же, разве что по возрасту отличались, вооружение тоже было схожим, да у младшего еще и алебарда в руке была. Было ясно одно: это был дед, его сын и внук. У среднего по возрасту была густая, заплетенная в три косички борода с золотыми зажимами на концах. Ну, а у младшего — редкая, коротенькая, светлая борода, всего с парочкой медных, начищенных до блеска, колечек.

— Интересный экземпляр, — хмыкнул самый старый гном и почесал себе пузо через доспех. — И так упорно шагает вперед, аж завидки берут!

— Э, парень, ты куда шагаешь?

Я с интересом ждал развития сюжета сна. Что же я в нем отвечу?

— Отец, может, он уже помер? — спросил деда его сын. — Сургатор, потычь в него спирой.

— Хорошо, отец, — кивнул Сургатор и легонько ткнул меня своим копьём. Я удивился: сплю, а вот оно как больно, прям, как в жизни! Знаю, что сон подстраивается под реальность, то бишь, если тебя уколола соломинка со стога сена, в котором ты спал, то приснится может что-то в этом духе: на веточку в лесу напоролся, или злая бабушка иглой в щеку кольнула, сапожник шилом... Короче, всякая ерунда. Станный сон, нужно просыпаться и разобраться, что же меня ударило.

— Кардарол, видишь, глаза от удивления выпучил, а ну, полей на него водой! — сказал старый пузан.

— Да, отец.

Кардарол снял флягу с пояса и обильно плеснул воды в лицо.

— Тьфу-ты, обалдевшие! — возмущенно крикнул я, подхватываясь на ноги, и тут же присел, так как со всего маха вцепился головой в лампу, висевшую на стене. С силой потирая ушибленное место, я со злостью смотрел на пузанов, а они выпученными (О-О) глазами смотрели на меня. Хотя, не на меня, а на что-то за моей спиной. Я, вот так, на корточках и развернулся к стене, вернее, к тому, что было у меня за спиной. А за ней был вход в комнату. Это было складское помещение. На стенах висели полки, на которых стояли металлические закупоренные банки, в которых непонятно что хранилось. В углу я заметил стойку, в которой стояли кирки, щипцы, огромные ножницы, и еще какая-то ерунда.

— А ну, молодой человек, подвиньтесь! — властно промолвил старший пузан и рукой сдвинул меня в сторону. — Интересный схран. На случай молодняка, внучек.

— Угум, деда Оштарнор.

И тут, наконец до меня дошло, что это никакой не сон, а вполне реальные события!

— Эм... Уважаемый господин Оштарнор, а кто вы?

— В смысле? — повернул ко мне голову коротышка, удивленно приподняв бровь.

— Ну, в прямом... Раса ваша как называется?

В комнате повисла гробовая тишина.

— В смысле? — а это уже взрослый пузан, Карданол вроде.

— А в прямом! Вот вы — меньше ростом, мускулистые, бородатые, да и вообще, на людей не похожие...

У Карданола отвисла челюсть, Сургатор нервно икнул, а Оштарнор вычленил из общей

массы растительности на лице ус и принялся наматывать его на палец и распускать, и так снова и снова.

— Парень, а ты с какой луны свалился? — вкрадчиво спросил Оштарнор. — Вернее, как здесь появился?

— Долгая история. Я пришел сверху. И, скажу вам по секрету, чтобы вы не думали, что я псих-одиночка, — и шепотом, наклонившись к малорослым человечкам, — там, кто вы такие, тоже никто не знает!

Младший снова нервно икнул, средний брякнул челюстью о доспех на груди, дед дернул себя за ус с такой силой, что из глаз брызнули слезы.

Я услужливо поднял челюсть Кардаролу, снял у него с пояса флягу с пояса и передал ее Сургатору, посоветовав пить воду маленькими глотками, а, взглянув на Оштарнора, развел руками, мол, ничем помочь не могу.

— После твоего выступления я искренне засомневался в твоей умственной полноценности, — задумчиво изрек старикан. — Вот ты либо приколист, либо немного того.

— Эм... — протянул я. — Наверное, и то, и другое, но на данный момент я плету что-то не то от шока.

Старик тяжело вздохнул, а Кардарол с сыном с улыбками смотрели на меня.

— Вам смешно, а мне по-прежнему интересно, как ваша раса называется.

— Да, за две тысячи лет с нашего ухода много чего изменилось... — задумчиво изрек Оштарнор.

— Ну, ничего себе, тысячи лет! — ахнул я. — Ребят, честно говоря, я в шоке. И совсем не от встречи с вами, хотя это тоже имеет место, а оттого, что под крепостью, отгораживающей степь от остальной части земель по эту сторону гор, живете вы и то, что замок у моря до сих пор стоит!

Сургатор и Кардарол переглянулись, а их старикан гордо выпятил грудь.

— Да, строить мы умеем! — важно, с улыбкой выдал он.

— Вы? — обалдел я. — Это же сколько вам лет?

— Ну, речь не совсем о нас в конкретном смысле, а о гномах, в общем.

— О, так вы гномы! — я радостно всплеснул руками. — Поздравляю, ребята, мы почти познакомились! Я человек, а зовут меня Эрландо!

— То, что ты человек, мы это поняли, — недовольно прогудел Оштарнор. — Люди остались все такими же наглými.

— Уважаемый и глубокочтимый дедушка Оштарнор, разрешите оправдаться — я не наглый, просто не угрюмый, и насупленный, мне всего-то двадцать восемь зим, и я живу и радуюсь жизни. Радуюсь тому, что живу, ведь меня похоронили, так как посчитали мертвым. Именно на стене все той же крепости Сарантай, когда я в одной рубахе защищал своих людей, да и просто людей как понятие, меня убили. Не знаю, чем в меня попали, как я умер, помню одно: какая-то штука стукнула меня в грудь, и я приложился затылком о камень. А теперь, как видишь, голова болит, вся в шрамах, но я рад. И не нервничаю. А если вы считаете мое поведение непозволительным, то прошу прощения. Я всегда стараюсь быть попроще со всеми людьми, а теперь и с гномами, я стараюсь завести дружеские отношения, хочу видеть в них друзей. Если вам это не нравится, то я могу к вам на «вы», и по имени-отчеству. Хотя я и так к вам на «вы», так что можете мне отчество сказать, тогда еще и его буду упоминать.

В комнате снова воцарилось молчание, все переваривали информацию, и я их не торопил. Молчание длилось минут пять, в течение которых меня пристально продолжали разглядывать. Наконец мне это надоело, и со своей импровизированной котомки я вытащил кусок гриба, который, устроившись на полу, начал методично жевать. Затем:

— Ах да, забыл добавить — с людьми, будь то нищий, богатый, родовитый и простой крестьянин, я общаюсь на одном уровне. Ну, а если какому-то высокородному не нравится такой подход, а хочется всяческих выкрутасов, пожалуйста, вперед, будет так, но в друзья такой попадет, только завоевав мое расположение. На «вы» я обращаюсь только к уважаемым людям и к людям, возрастом постарше меня. Что я хочу вам донести, так это то, что хоть я и граф, а в будущем, или уже в теперешнем — герцог, я не заносчив, не гордец, я — обычный человек. Был у меня один знакомый, лет так на пятнадцать меня старше, сначала было: «Эрл, зови меня по имени, и не «выкай», — а потом: «Я тебе не Тол, а Толерени Венстон!» Да, в какой-то мере он еще есть другом, но... Уже не таким близким, к которому я мог обратиться за ответом на интересующий меня вопрос и просто поговорить на отвлеченные темы. Так что, либо я буду называть вас на «вы» из почтения к вашему возрасту, или к этому еще добавится и уважение к вам, как к другу. Вам решать. Может мой ответ слишком груб и прямолинеен, но я терпеть не могу носить негативные мысли и осуждать кого-то, будь то сплетни, или же только в моей голове. Теперь вы знаете мое отношение к жизни. А теперь, с вашего позволения, я погрызу грибочек. Сургатор, не одолжишь фляжку глотнуть? А то до родничка далеко идти.

Сургатор растерянно протянул мне флягу, Кардарол с улыбкой смотрел на меня, а седой гном о чем-то думал, глядя на меня. Потом, подойдя к полкам с банками, он снял одну, вскрыл ее ножом и протянул ее мне:

— На, ешь, это тушёнка. — Мясо, как-никак.

— Спасибо, дедушка Ош, с вашего позволения. За мясом уже соскучился! Одними грибами сыт не будешь! — я вытащил свой кинжал из-за пояса, открыл банку и протянул руку — угощайтесь!

Не дождавшись каких-либо действий с их стороны, я, подцепив кусок мяса кончиком кинжала, бросил его в рот, немного пожевал и пробубнил с набитым ртом:

— М-м-м, вкусно! Вы не стесняйтесь! Это питательно!

Кардарол взглянул на отца, и, вытащив из сумки небольшую подстилку, положил ее. На ней разложил хлеб, сыр, кусочек копченого мяса, и маленькую, грамм на пятьсот, бутылочку вина. Копченая грудинка и хлеб с сыром тут же были нарезаны ломтиками, из сумки появились три маленьких стаканчика, я поставил и свой, прихватизированный с родничка стакан. По ним разлилось вино, правда, перед этим Карданол смерил взглядом своего сына, хмыкнул, но все же налил.

— Ну, что, пап, ты к нам присоединишься?

Старый гном вздохнул, снял с полки еще одну банку консервов, вскрыл, поставил ее на покрывальце, потом из сумки появились соленые огурчики и картошка в мундирах. Рассевшись на полу, подогнув и скрестив ноги, как это делают степняки, все выжидающе уставились на старшего гнома. Тот прочистил горло, протер руки платком. Но потом, опять взглянув на свои ладони, встал, осмотрел стены, подошел к свободному от полок отрезку стены, нажал на пластину, и квадратная панель отъехала в сторону.

— Вы как хотите, а руки я все же ополосну, — сказал он, нажал на выступающий камушек, и на руки полилась вода. Он вымыл руки, умылся, и отошел в сторону, вытираясь

все тем же платком. — Вот, теперь легче на свете жить стало!

Мы выстроились в очередь к рукомойнику, привели себя в порядок, и снова уселись возле импровизированной скатерти.

— Ну, что, сотрапезники. Попросим благословения Всевышнего и вкусим то, что он послал нам!

Мы склонили головы, старый гном прочел коротенькую молитву, и все принялись за еду. Было вкусно. Я давно не ел с таким аппетитом, поэтому получал массу удовольствия от приема пищи. За столом начался ненавязчивый и спокойный разговор:

— Ну, расскажи, сынок, что там наверху творится. А то мы, как ты понял, давно ушли с того мира.

— «Сынок», это значит, что я принят в круг приближенных, или это просто обращение? — уточнил я.

— Это значит, что принят, — усмехнулся в седые усы гном. — Я сам к жизни отношусь, как ты, но вырос на сказках о людях, на сказках об их жестокости, хамстве, наглости, порочности, да и вообще! А вы, оказывается, бываете совсем другие.

— Да нет, такие, как в ваших сказках, но есть и исключения. Вроде меня. А многие такие, как там написано: жестокие, алчные, наглые, корыстолюбивые, и т. д. и т. п. Так что я вам еще — подарок судьбы! А на ваш вопрос: «Что там наверху?», — отвечу так — все по-прежнему. Люди грызутся, воюют, спорят, дерутся, убивают, травят, насилуют, клеветают, обманывают. Ну, и, конечно же, любят, женятся, выходят замуж, растят детишек, впахивают до седьмого пота, стремятся найти свой уголок в этом мире. Умирают. Одним словом, — живут.

Я посмотрел на задумчивые лица собеседников, переваривающих полученную информацию, бросил еще один кусочек сыра в рот, взял свой стаканчик и пошел мыть его и руки в рукомойнике.

— М-да... — устало сказал гном. — Все так же, как гласят наши предания. Оказывается, все по-прежнему.

— Люди редко меняются. То королевство, которое сейчас лежит у горы, борется за выживание. Степняки, живущие на Диких полях, доселе ведущие относительно спокойное существование, пошли на него войной. И неизвестно, чем она закончится. Да, пока я стоял на стене, Сарантай держался, так как меня похоронили в моем графстве за моим замком, то она выстояла, но закончилась ли на этом война? Дальше, за Дикими полями, лежит воинственное беспокойное царство Андерон. По своей ли воле степняки отправились в набег? У императора, империя которого раскинулась с севера до юго-запада вокруг этого королевства, его сын — парень эмоциональный, эгоистичный, жадный, жестокий, расчетливый корыстолюбивый, да и вообще, — гнилой человек. Полный негодяй. Страшно представить, что будет с Империей после смерти его отца.

— И что, на земле остались только люди? Все остальные разумные расы... — спросил Ошгарнор.

— Да нет, не все, я считал, что орки, эльфы и люди, — это все разумные расы, существующие в мире. Первые живут где-то далеко на востоке, не то в горах, не то в лесах, полях, болотах, не помню, толком никто не объяснял. Эльфы — на западе в своем Хелесорасоале, тьфу, язык поломаешь, если попроще, то в дремучем лесу, и сколько империя ни посягала на него, ее легионы всегда убегали, поджав хвост. Еще по материку раскидано много царств, королевств, да и просто стран со смешанной формой правления. Вот так,

вроде ничего не забыл.

В складском помещении царил тишина. Я поднялся со своего места, снова наполнил стакан водой из родничка в стене, чтобы промочить горло. Со своего места поднялся Оштарнор и начал собирать пожитки. Его родственники тоже засуетились, поднимая вещи с пола и распахивая их по сумкам.

— Пойдем, Эрл. Я хочу показать тебе наш город. Думаю, он тебе понравится.

Я хмыкнул, сунул свою чашку в котомку из савана, сполоснул кинжал, протер и вложил его в ножны на поясе. Одернув рубаху под бахтерцем, немного покрутил торсом, чтоб лучше все к телу притерлось, кивнул:

— Идемте!

Мы захватили еще несколько банок тушенки и вышли в тоннель, или коридор, как его правильнее назвать? Путь наш пролегал в том направлении, куда я и шел.

— Кстати, подъем наверх ты пропустил. Он был недалеко от крепости Саруланстон, или как вы ее называете — Сарантай.

— Да, разница ощущается, — кивнул я. — То есть, я уже далеко от крепости отошел?

— Да не очень, около дня пути.

— Хо, интересно! А сколько нам идти до вашего селения?

— Еще четыре дня.

— Да, неплохо так! А где оно находится?

— На трети пути от Великого моря до Пустошей. Ваша крепость — Сарантай, вернее наша бывшая твердыня Саруланстон, перекрывающая перевал, отделяющий Плодородные земли от Вапаровых полей.

— А это что за твари такие? — Удивился я. — Никогда о таких не слышал!

— Вапар — чудовище, похожее на лошадь с головой, отличающейся большими размерами, и огромной пастью. Животное, бегущее на четырех ногах, конечности заканчиваются копытами. Вапары имеют две короткие, сантиметров в тридцать, ручки с когтистыми пальцами. Когти и зубы вапаров источают яд, парализующий жертв, и в скором времени ее убивающий.

— Страхолюдина-то, какая! — ужаснулся я. — И это вам приходилось с такими жить?

— Были и похуже!

— Давайте как-нибудь в другой раз о них расскажете! А то я вообще зайкой стану!

Немного поразмышляв, мы вернулись к прерванному разговору.

— Да, далековато вы находитесь, — задумчиво сказал я.

— Мы там давно живем, — сказал Кардарол. — Наши предки жили там еще тогда, когда люди были слабой малочисленной расой. Нападения опасных хищников приносили им постоянные потери. Вот и решил Совет Мастеров во главе с Королем гномов протянуть руку милости погибающим. Была выстроена небольшая крепостенка, помогли оружием, кое-чего научили делать самим. Да, поначалу все было отлично, люди перестали гибнуть таким количеством, поднялись на ноги. Да, смерти были, но, все же. У нас наладилась торговля, дружественные отношения, и все было бы хорошо, если бы люди не начали кусать за эту руку. Прошло всего-то полтысячелетия, а люди уже вскипели завистью. У нас было богатство, у нас был достаток, золото, драгоценные камни. Знания, в конце концов! Ты человек, живший снаружи, и ты можешь подтвердить, что некоторые люди не хотят работать, а хотят иметь все даром. Вот тогда получилась та же ситуация — забрать все, еще и поработить, заставить работать на их благо.

Я грустно вздохнул, соглашаясь со словами гнома.

— Ну, а потом кровопролитная война, в которой гномы и люди гибли тысячами. На гномов поднимались все — от млада до стара, церковниками велась страшная пропаганда против нелюди. В конце концов, мы с помощью эльфов отбросили людей, и ушли в свои горы, леса, бросив все свои постройки алчным созданиям. И вот уже полтора тысячелетия мы не видели людей. Ты — первый.

— После вашего рассказа я даже не знаю, это хорошо, или плохо... — задумчиво проговорил я, шагая рядом с Оштанором, и Кардаролом. Сургатор плелся немного позади. — А, такой вопрос: сколько живут гномы?

— В среднем сто пятьдесят лет. Эльфы лет на сто больше. А что?

— Уже сколько поколений вы скрываетесь от людей. Даже предания о вас забыли, ваше имя никто не помнит. А люди так и не изменились! Каков мир был до того, как вы его покинули?

Оштанор дернул головой в бок, прочистил горло, и начал рассказ:

— Как гласят придания, еще до того, как был наш исход, до того, как наши предки помогли людям выжить, на земле существовало восемь рас — орки, гоблины, кентавры, эльфы, гномы, дриады (но они еще при нас вымерли), тролли, и люди. Не знаю, как сейчас, да и вряд ли я все существующие назвал. Последние были очень малочисленными и слабыми, поэтому и было решено им помочь, ведь на тот момент они занимались охотой и сельским хозяйством, и их товары были в ходу, их меняли, покупали. Но вот воины из них были никудышными, и тогда Совет Мастеров, во главе с Королем гномов, решил им помочь. Были направлены воины для их обучения, эльфы не остались в стороне и дали своих лучников и знахарей. Часть эльфов была против этого и пророчила много всяческих бед от этого поступка. Старейшины эльфийского народа взбеленились, дескать, сопляки учат их жить, приказали схватить бунтовщиков и принести в жертву ритуальному Дереву. Тьху, варвары! А еще и цивилизованной расой себя называют! Ну, ладно, пока о другом речь. Как говорится, в тех же анналах, по словам некоего Мурарталиса Карори, эльфы-оппозиционеры очень обиделись, настучали в купол тем, что пришли их забирать, связали, запихали их в чулан, ночью нагадили под дверями старейшин, вначале на них помочившись, а потом, пардон, и... сходили по большому, накрыли это дело бумажками, и постучали в дверь.

Когда к двери подошел старейшина, они как раз поджигали бумажки, а открыв дверь, и увидев огонь, эльфийские члены Собрания Старейшин принялись тушить его ногами....

Молодой гном не выдержал и покатился от истерического хохота. Его отец смеялся поспокойней, а Ош старательно прятал улыбку в усы. Мне тоже было смешно, но я сумел сдержать сильное проявление чувств и только пару раз хихикнул.

— Той ночью был исход несогласных эльфов. Да, старейшины были в ярости, и бросили все силы на поиск проказников, так унизивших их. Но двести душ как сквозь землю провалилось. Их следы быстро потерялись, так как под утро прошел сильный ливень и смыл все наводки. Так и появились Темные эльфы, изгнанники, как с пеной у рта орал председатель Круга. Вроде бы все закончилось, но за спинами Мудрейших слышались смешки, а иногда и «Ф-у-у-у-у!». Проказников пробовали ловить, поймали одного, дали розг, но палач бил не в полную силу, а чисто для проформы, стараясь не заржать. На заднице эльфа карикатурно были изображены старейшины, все перемазанные экскрементами.

— Не повезло старым дуракам! — хохотнул я, протягивая руку Сургатору, помогая тому подняться.

— Да, позора они натерпелись предостаточно, другой источник утверждает, что «мечеными» были и сиденья их стульев, и не все это успели заметить... Но, не повезло нам всем. Мы все просчитались, и все понесли расплату. Люди встали на ноги и припомнили всем свои мелкие и большие обиды. За нас они принялись в предпоследнюю очередь, потому мы успели оценить их действия и силу, поэтому после нескольких мелких стычек ушли в горы и покинули эти земли. Вот и все. А чем занимались темные, — кто его знает, они ушли далеко на запад материка, и, по слухам, перебрались на соседний. А на поверхности шло мочилово, простите, шла война.

Старик замолчал, а я искренне поблагодарил за рассказ:

— Спасибо, путешествие в прошлое было замечательным, много интересного узнал. Как я уже говорил, известных рас наверху осталось три — люди, орки и эльфы. Ходят слухи, что где-то есть еще какие-то, но это только слухи.

Оштарнор скомандовал привал. Мы восстановили свои телесные силы и двинулись дальше. Спустя несколько переходов мы достигли широкого коридора, который заканчивался стеной с гравировками, с изображением огромных дверей, с таким же огромным засовом, с висящим замком. Люди на ней пытались его открыть, но тот упорно не поддавался. Старший гном подошел к изображенным воротам, быстро нажал на стене в определенном порядке выступы, после этого в углу что-то щелкнуло. Он прошел туда, поколдовал там, и стена начала разъезжаться в стороны. По глазам резнул яркий свет солнца, а перед воротами стояла железная стена. Стена была живой, и состояла из двух десятков вооруженных до волос гномов, закованных в доспехи.

Глаза настороженно блестели из щелей забрала, изучая меня, мой прикид и рукоять фалькаты, выглядывающую из-за плеча. Алебарды охранников синхронно опустились чуть ниже, а арбалетчики в количестве пяти штук, ранее не замеченные, зыркающие на меня из-за спин алебардчиков, взяли меня на прицел. Мне показалось, что все они прицелились мне точно в левый глаз.

— Оп-пача! — раздалось из заднего строя. На говорившего сразу шикнули.

— Ребята, мы пришли с миром, и несем вам аж одну консерву! Я не шучу, это правда! И вообще, парламентаров не убивают! У меня даже труселя белые, не верите, могу показать!

Последние две фразы я добавил после того, как строй в ногу шагнул в мою сторону.

— Могу сдать оружие, как доказательство наших мирных намерений!

— Закрой вафельницу! — прогудел один из воинов, доспех которого был дороже, чем у остальных. — И слушай приказы.

— Есть, слушать приказы! Ноги на ширине плеч, руки за голову! Ой, простите, это у меня нервное! Воон тот мальчик меня убить может, у него руки дрожат! А вдруг нажмет на спусковой крючок! А у меня труселя белые, нехорошо получится! Я же парламентар! Я их и вправду недавно стира....

Закрой рот, человечиска! — взревел командир охраны ворот.

— Угу, только мне страшно, боюсь воон того мальчика... Вот и говорю много... — тихонько прошептал я.

— Ррррааа! — заревел командир. — Ноги в стороны, р...

— Руки за голову. Я же сам предлагал так сделать....

— Пххххх! — с шумом выдохнул воздух начальник, и так же шумно его вдохнул, и дрожащим от бешенства голосом продолжил: — Нет, руки в стороны. Трое, разоружить, и связать!

Ко мне подошло три гнома, я покорно развел руки в стороны, позволяя себя раздеть, в моих глазах не было и тени страха.

— Вяжите ему руки за спиной, — скомандовал командир стражи, когда я остался в одних штанах и рубашке. Благо, на улице тепло, был полдень. Когда мои руки надежно и больно были связаны за спиной, командир подошел ко мне, заглянул мне в глаза (для этого ему пришлось задрать голову), немного в них посмотрел, а потом ударил кулаком в солнечное сплетение.

Воздух враз покинул мои легкие, в глазах потемнело. Прежде, чем я перегнулся пополам, успел заметить удивленные глаза сзади стоящих.

— За непокорство и прекословие начальству, — злым голосом сказал он, стаскивая шлем. — А это, чтобы закрепить в твоих мозгах, — и ударил меня кулаком в стальной перчатке. В моих глазах снова стало темно, только к темноте добавились звездочки.» Я дарю все эти звезды тебе», — сказал мальчик девочке, и ударил тазиком по голове.» — промелькнуло у меня в голове но, как только в глазах чуть прояснилось, я разогнулся, и изо всей силы ударил коленом гнома в челюсть. Голова его дернулась назад, а я добавил пяткой в грудь, придавая ему ускорение в падении.

— Первое было, — чтобы не напал на графа, а второе, — чтобы запомнил это, — теперь презрительно произнес я. Тут гномы, наконец, опомнились, пришли в себя, и мой бок обожгло жгучим огнем, а стоявшие сзади сбили меня с ног и начали пинать своими коваными сапогами.

— Все же убили, гады! — прощамкал я разбитыми губами. — Но хоть солнце увидел!

Не знаю, последнее я сказал, или только подумал, но это было действительно последним, что я запомнил, погружаясь в темную пучину, спасающую от боли.

— Мммммм, — стон вырвался с моей груди, так как сдержать его не представлялось возможным. Я прислушался к себе и понял, что, как минимум, два ребра были сломаны. К ним прибавлялась рука, была отбита спина и разбита в сплошной синяк нога. Правый глаз заплыл, левый с трудом, но видел. Зубы во рту были целыми, что не могло не радовать. Сгустков крови и корки на лице не было, значит, меня немного помыли. Прислушиваясь к себе дальше, я понял, что сломанная конечность — в лубках, ребра спеленала тугая повязка. Подняв относительно целую руку, я поморщился от боли и оглядел ее. Синяки были всех возможных цветов радуги, но по краям уже начали желтеть.

«Хоть что-то радует», — вздохнул я и снова поморщился от боли в ребрах. Живой, и это главное, а остальное — зарастет, как на собаке.

Послышался скрип открываемой двери, я опустил руку на кровать и прикрыл глаза.

— Блин, челюсть болит! — прогудел знакомый голос.

— А ты не разговаривай, меньше болеть будет! — поддел его другой.

— Да иди ты! Аййй! — зашипел первый. — Очнется, я ему вломлю.

— Смотри, чтоб я тебе не вломил потом (ага, а это уже Кардарол).

Первый промолчал, и шаги приблизились к моей постели. Вошедших было трое, и они закрыли свет, падающий с окна.

— А может он так и подохнет? — презрительно сказал все тот же славноизвестный начальник стражи. — Дней пять уже так лежит.

— Не дожدهшься, ссыкун! — опережая все возражения, заявил я. — Ты только тогда, когда солдаты противника держат руками, махать горазд. А на поверку — сопля, — зло

сказал я. — А, ну еще и на больных можешь бросаться, это я тоже вижу! Я бы в тебя еще плюнул, но слюну жалко!

Гном взревел, бешено выпучив глаза, а Оштарнор и еще какой-то гном удержали его за руки. Я отвернулся к стене, не обращая внимания на яростно вопящего гнома.

— Эй, солдаты, заберите этого невменяемого! — крикнул незнакомый гном, и в комнате враз появились четыре воина, и выволокли того вон. Когда за ними захлопнулась дверь, незнакомец вздохнул, и обратился к Оштарнору:

— Как он меня достал! Поперек горла стоит, вечно у него какие-то инциденты происходят. Солдаты давно уже жалуются, а еще и это происшествие. Что думаете, почтенный Оштарнор?

— Совет будет думать, да и трибунал будет разбираться со всеми теми случаями. А пока, давайте поинтересуемся самочувствием моего подопечного.

— Эрландо, как ты себя чувствуешь? (а это уже ко мне.)

— Препакостно, но могло быть хуже... Жить буду, скорее всего.

— Вот и отлично, а хуже могло быть однозначно. Солдаты тебя только с ног сбили, да приласкали несколько раз, а месить начал именно Горенро, когда поднялся. Вовремя я солдатам приказал его успокоить.

— Спасибо вам огромное, дедушка Ош, — улыбнулся я разбитыми губами. Стражник удивленно повернулся к Оштарнору, но тот доверительно махнул рукой:

— Все нормально, Соренро. Он — отличный малый, мы с ним давно на ты.

— А, — понимающе кивнул Соренро.

— Эрл, это мой друг Соренро, он — начальник третьего корпуса подгорных войск.

— Как вы уже знаете, меня зовут Эрландо Эрнст.

— Да, мой друг меня уже просветил. И много чего интересного рассказал! Ты довольно занимательный малый!

— Не исключено, — вяло улыбнулся я.

— Пока ты здесь отлеживался после руко... Нет, ногоприкладства неизвестно тебе отвечающего начальника за дозор у восточного входа, уже состоялся малый совет старейшин, на котором рассматривались твои дальнейшие перспективы.

— Простите, что перебью, но я хотел бы поделиться парочкой своих соображений. А. — Убивать меня не будут, по крайней мере, сейчас, захотели бы, сразу же прикончили. Б. — Есть вероятность, что меня скормят какому-то ритуальному чудищу, наподобие эльфийского Дуба. Ну, и не очень веселый пункт для меня — В. На мне будут ставить различные опыты, в начале под жесточайшими пытками выведая у меня все, что может взбрести в голову, а потом проверят, без каких частей тела я могу жить. Брр, аж жуть взяла!

— Меня тоже жуть взяла, — честно признался Орэнро, немного опустив голову, и глядя на меня из-под бровей. — Хорошо же ты охарактеризовал нашу расу и наших старейшин, вернее, мастеров, и приписал нам кучу ерунды. Уж очень кровожадными мы у тебя получились.

— Ну, после вашего начальничка и не такую чушь подумать можно! — слегка кивнул я, сразу же поморщившись от боли. — Так что, не судите строго, я на всякий случай готовлюсь к худшему.

— Не переживайте. Максимум, что вам могут сделать плохого — это сослать в шахты, приговор чуть полегче и менее болезненный — отрубить голову. Скажу тебе по правде — лучше голову отрубить, чем оставшиеся несколько лет до мучительной смерти работать на

серных рудниках. Ну а один из самых хороших вариантов — вас оставят жить здесь навсегда. Чтобы наш секрет не выдать.

— И даже после моего клятвенного заверения, что никому, ничего о вас не скажу?

— И даже. Нам не нужно снова стать целью охоты всяких там....

— Можете не продолжать. Некоторые негативные стороны человеческой природы я прекрасно знаю. И полностью с вами согласен: перспективы отнюдь не радужные, но у с хорошими хоть смириться можно, а вот с плохими... Если уж последняя на столько страшная, то лучше сразу рубите мою многострадальную голову.

— А ты пессимист.

— Хотелось бы сказать, что пессимист — это хорошо информированный оптимист, но я просто реалист. Никаких фантастических надежд не питаю, и ситуацию прекрасно понимаю. И ответственность за сложившиеся обстоятельства тоже понимаю, но... Просто сожалею, что все так грустно вышло... Ай, ладно, это уже сопли, забудем этот инцидент. Но, все же хотелось бы узнать, как будут разворачиваться дальнейшие события.

— Ну, развитие у них будет приблизительно таким, — заговорил Оштарнор. — Когда ты немного окрепнешь, то предстанешь перед Мастерами, они внимательно выслушают тебя, выслушают обвинителей, защитников, и вынесут приговор. А каким он будет — целиком и полностью зависит от Мастеров.

— Я все понял, — устало вздохнул я. — Спасибо за консультацию, и если больше ничего очень важного, что не можно было бы перенести на следующий раз, то я попрошу у вас разрешения уснуть. Уж очень я устал.

— Да, да, да, конечно, это можно. Вы пока не засыпайте, я попрошу помощницу целительности принести вам лекарства, чтобы вы могли их выпить.

— Х-х-хорошо, только быстрее, а то уж очень голова болит, и усталость навалилась.

— Да-да, Оренро, пожалуйста, позови Корилью, я пока у больного побуду.

Оренро быстро покинул комнату, а Оштарнор положил руку мне на плечо, и тихо сказал:

— Мы, как представители многочисленного Совета, а это — сто мастеров, я и Оренро, будем голосовать за самую мягчайшую меру наказания. Хотя, тут и наказывать не за что, только как переубедить вот этих старых пердунов, а это — дряхлые деды в возрасте от ста семидесяти до ста восьмидесяти, и они составляют правящую верхушку совета. Сам совет разбит на фракции, на гильдии. Есть гильдия воинов, гильдия горняков, гильдия вельмож (большая их часть оттуда), гильдия торговцев, гильдия плотников, каменщиков, строителей, ну и т. д. Все они имеют своих мастеров в Совете, а также по три самых влиятельных представителя из гильдии. И вот весь этот кагал правит балом.

Здесь живет более пятидесяти тысяч гномов, и вот на них всех нужно найти управу, в смысле, привести к порядку. Мы состоим в гильдии воинов, и оба имеем голос в Совете. В частности, этот голос заключается в том, что мы можем рывкнуть «Да», или «Нет». Так вот, в нужное время мы рывкнем в нужную нам сторону — либо согласимся, либо скажем, что, мягко говоря, не согласны с их выводами.

— В целом ясно, но не все так просто, верно?

— Да, все далеко не так просто! Папенька этого, вырезано, так сказать, цензурой, гнома — мастер гильдии вельмож, и хоть не Мастер с большой буквы, но тоже твякает. Но это полбеды, вторая часть беды заключается в том, что один из верхушки всего этого балагана — какой-то троюродный дядя мамы кухни племянника свекрови троюродного брата мужа

троюродной сестры мамы этого парня. Короче, что-то в этом роде, но этот чудак, старпер, очень го... плохой человек, и очень любит досаждать и пакостить при любом удобном моменте. Как он еще жив, а не самоубился тупым столовым ножом, проделав это с особым зверством — сорок ударов этим ножом себе в спину, нанесенных в полете с окна своего дома, этого никто не знает. Есть подозрение, что это покушение «сам на себя» он тщательно готовит и придумывает всяческие садистские дополнения для своего ритуального убийства. А теперь, молодой человек, я смотрю, вы себя уж очень нехорошо чувствуете, а сестра уже ломится в дверь. Я вас оставлю, а вы выздоравливайте, набирайтесь сил, и — хвост торчком, все будет хорошо!

— Прорвемся! — устало выдохнул я. Ко мне подошла милостивая гномочка в белом халатике и белом платочке с чашкой в руке и приподняла мне голову над подушкой. Я пил гадкую горькую слизь с какими-то крупичками и разглядывал гномку. Все, что я запомнил — это кругленькая румянькая правая щечка, мочка ушка (далась мне эта правая сторона!) и два смешных соломенных хвостика, торчащих из-под платка в разные стороны. Они были такие забавные, что их хотелось подергать, и я счастливо улыбнулся, и, наверное, с этой улыбкой тихопомешанного дебила из психлечебницы я и отрубился, потому что дальше была одна чернота.

Вообще-то было очень щекотно, и в конце концов я не вытерпел, и так чихнул, что казалось, аж окна зазвенели и где-то отвалился кусок штукатурки, свалившись на пол. Кто-то захохотал, а я окончательно проснулся и открыл глаза. Эта испорченная девчонка сидела на стульчике возле меня с перышком в руке, коим щекотала мне нос и радостно смотрела на меня.

— Пакостница! — притворно возмутился я, свешивая ноги на пол и прикрываясь одеялом. Кровать была высокой, поэтому ноги спокойно болтались. Только если до упора их вытянуть, то носочками можно достать до пола.

— И вот что в такую рань можно делать у меня в камере?

— Ну, как что, щекотать тебе нос перышком и смотреть на твою корчащуюся рожу! — звонким голосом ответила девушка, и рассмеялась.

— Ты такой смешной! — сказала она мне. — Ну, ладно, я тебе принесла еду и настойки с мазями, а теперь побегу. Ты же знаешь, как некоторые к этому относятся!

Корилья тяжело вздохнула, соскочила с высокого стула, чмокнула меня в щеку и выбежала с комнаты. За захлопнувшейся дверью послышался стук и скрежет задвигающегося засова, звук повешенного замка, звон ключей, и — тишина. Хруст гальки на дорожке за зарешеченным окном под ногами девушки, и снова тишина. Снова тишина.

Я сидел в этой камере (ну а как же ее по-другому назовешь?), уже два с хвостиком месяца и ждал приговора. Я сомневаюсь, что меня будут долго слушать, и будут ли слушать, как такового, ведь на протяжении всего этого времени в Совете баламутили воду страшно. Шла грызня, взвешивались все «за» и «против», высказывались свои недовольства, а также свои заинтересованности, разворачивались интриги. Обо всем этом мне рассказывали Ошгарнор, Оренро, и сорока на хвосте приносила. Эта сорока с двумя хвостиками, огромными зелеными глазами, звонким смехом и веснушчатым носом частенько заглядывала ко мне, даря мне улыбку.

В скором времени недоброжелатели начали распускать всякие неприличные слухи, от которых начинали чесаться кулаки, так хотелось вломить! Это же каким нужно быть извращенцем, чтобы такое напридумывать на мою сестренку! Да, а что?! Она стала мне, как младшая сестренка. За то время, пока я лежал в обычной комнате лечебницы, она частенько сидела у постели, присматривая за мной, за моим состоянием, температурой. Исполняла долг сиделки — давала пить микстуры, отвары, жевать какие-то корешки, покушать, напиток воды... Прodelывала разную ежедневную лабуду, которую приходится делать, ухаживая за для тяжелобольным.

Так, мало-помалу она превратилась в родного и близкого мне человека. С ней можно было поговорить о многом. С ней было свободно и просто, даже как-то легче дышалось. С Ошгарнором и Оренро я виделся редко. Оренро я видел всего раз после того памятного разговора, через пять дней после того, как меня отметили, когда пришли Ошгарнор, Оренро и этот невменяемый командир охраны. После того он забежал всего раз, осведомиться, как идут у меня дела, как здоровье, и сказал, что дальний родственник того

негодяя решил помочь своей кровиночке, просто, чтобы досадить, и теперь чаши весов еще больше колеблются. Его прихлебатели и задолбизы вовсю мутят воду, многие, те что были за меня, видя такую возню, перешли на сторону Мастера, а еще часть решила остаться в сторонке. Сказал, что теперь моя судьба не определена, и он очень об этом сожалеет.

Оштарнор заходил раз в две десятицы, и его рассказы тоже не предвещали ничего хорошего. Моим постоянным источником информации стала Кориля, но потом и ее попытались убрать от меня подальше. Скомпрометировать, устранить из моего окружения, и слава Богу, что хоть не решились убить. Просто потом я бы всеми силами постарался бы удрать, и это бы у меня получилось. Я бы нашел того старого урода и повесил бы в его комнате на его же панталонах. Или заставил бы его их сжевать и совершить ритуальное самоубийство, замочив себя все тем же тупым столовым ножиком. Ну, а пока Кориля была жива и здорова и заглядывала ко мне, хоть и не так часто, как раньше, но забегала.

Я уже мог ходить, ребра и рука срослись, благодаря тем травкам, которыми меня поили и скармливали. Я бродил по комнате, упражнялся, приводя себя в нормальную физическую форму. Вот и сейчас, опершись ногами в стену, стоя на руках, я отжимался. Лицо стало пунцовым от прилива крови, казалось, еще чуть-чуть, и глаза лопнут.

— Шшшесят трри! Шшшесят четыррре! — шипел и резко выдыхал сквозь стиснутые зубы. — Ссссемсят!

— Фууф! На сегодня хватит! Три подхода по семьдесят раз — достаточно.

Было настолько скучно и одиноко, что хоть парочку слов хотелось кому-то сказать! Ну, а этот кто-то была пустота, поэтому некоторые мысли я просто озвучивал. Я бродил кругами по комнате, поднимая над головой руки и опуская, стараясь дышать ровно, чтобы немного восстановить сердцебиение и дыхание. Много по комнате шесть на восемь не побегаешь, но я старался.

Кровать стояла по центру у стены, поэтому, пробегая по периметру, я устроил себе бег с препятствиями, сходу перепрыгивая кровать. Один раз я прыгнул руками вперед, чтобы на той стороне спружинить руками, и, перевернувшись через голову, подхватиться на ноги. Какая-то часть задуманного удалась — я прыгнул руками вперед. Сломанная рука подвернулась, пронзенная острой болью, ну и к боли в руке добавилась боль в голове, которой я впелся в дощатый пол.» Все эти звезды я дарю тебе! — сказал мальчик девочке...» — пробормотал я, лежа на спине, пытаюсь унять боль в голове, и ожидая, пока перестанут мельтешить белые точки перед глазами. «Спасибо... — прошептала девочка, закатывая глаза. Не, ну это уже отсебятина, но глаза у нее точно бы закатились, получи она тазиком по голове.

Так проходили мои будни, утром — пара-тройка слов с Корилей, потом — завтрак, который она приносила в корзинке, поедание лекарственных трав, и питье всяких лечебных жидкостей, тренировки и чтение книжек, которые под слоем продуктов на дне корзинки приносила Кориля, чтобы хоть как-то занять мой досуг.

Ополоснувшись в тазике с водой, смыв с себя пот, пол-литровой кружкой слил себе на голову над парашей в углу, воду из миски слил туда же, вытерся полотенцем, надел рубашку и плюхнулся в кресло, одиноко стоявшее у стены.

Обстановка комнаты состояла из того же кресла, маленького столика возле него, кровати, параша в углу, умывальника, вода из краника которого текла со скоростью двести грамм в минуту, вот потому и набирал ее в тазик. Небольшое зарешеченное окно, которое можно было приоткрыть сантиметров на восемь, а дальше ему мешал открыться штырь,

вбитый в подоконник. Что еще... Ах да, маленькая тумбочка, в которой лежала вторая пара штанов, сменные панталоны, рубаха, куртка, на случай, если будет холодно, и еще одни портянки. Стены, выкрашенные в нежно-голубой цвет, лампочка на потолке, внутри которой, за стеклянной колбой было два кристалла: один — такой, как тот, который я нашел в пещере, а второй — прозрачный, похожий на хрусталь. Когда вытаскиваешь между ними заслонку, и они соприкасаются, то хрустальный кристалл начинает светиться. И в зависимости от того, как отодвинешь заслонку, и какое расстояние, как была видна плоскость расположенных кристаллов, настолько ярко горела лампа. Продолговатые кристаллы были длиной сантиметра четыре и сантиметр — в ширину, и если отодвинуть заслонку на сантиметр, свет был тускловатый, если на два сантиметра, то освещение было хорошим, а если на три — ярким. Дальше заслонка не двигалась, стоял ограничитель, но конструкция мне очень понравилась! И никакого тебе масла, факелов, свечей, и прочей ерунды! Как мне говорила Корилья, заряда такого кристалла, чтоб нормально воздействовать на второй — прозрачный кристалл, хватает где-то на полгода.

Я выключил свет, и стал у окна. Из щели в комнату залетал свежий ветерок, и в комнате запахло полевыми цветами. Скрестив руки на груди, я смотрел в темное небо. Звезды мерцали в вышине, и туда было так далеко. Вот одна звездочка, как будто оторвалась от небосклона и медленно полетела в низ. Ветер зашелестел сиреневым кустом, крикнула какая-то птица, в траве трещали кузнечики. Мне дико, до комка в горле, захотелось выйти на улицу, улечься на траву, заложив руки за голову, смотреть в небо, смотреть, тонуть в его непостижимой глубине!

Вот еще одна звездочка появилась в моем поле зрения, она была очень необычной! Сначала она летела по небу, не меняя направления, так от горизонта до горизонта, слева направо, а потом..... Потом она заложила крутой вираж, развернулась, пошпарила параллельно, затормозила, теперь летела перпендикулярно предыдущей траектории — строго вниз по небосклону. Еще парочка зигзагов — и теперь она устремилась к земле! Ну и обезбашенная звездочка! — мелькнуло у меня в голове! Через некоторое время она вошла в штопор, и... она падала на меня! Я думал, а не заорать ли мне в ту щель в окне от ужаса! Ну, летит же прямиком в окно! Прощай, моя жизнь неудачная!

Уже был слышен звук приближения метеорита, вот он уже совсем рядом, и Вжжжжжжжж-бух-шмяк! (звуки раздались одновременно). По стеклу спускался большой жук со светящейся желтоватым светом задницей. Теперь он лежал на подоконнике за окном и дрыгал лапами! Что, страшно стало? И смешно? Мне тоже! Тьфу, ерунда то какая! Нужна будет Корилье рассказать, пусть похохочет!

Еще немного постояв, вдыхая ночную прохладу и успев немного промерзнуть, я прикрыл окно, оставив небольшую щелочку, и пошел к своей кровати. Сняв и сложив одежду на кресле, оставшись в панталонах и рубахе, прошлепал к своему лежаку и забрался под одеяло.

«Ну, уже б хотя бы в шахту списали, что ли!», — зло подумал я, засыпая. Тут же от скуки помереть можно! Там хоть камень долбить буду! Все ж работу делаешь, как никак! Эх... жизнь-жестянка! Кому пироги да пышки, а нам — синяки да шишки!

На следующее утро меня снова разбудила Корилья. Ее лицо было взволнованным, хвостики испуганно топорщились вверх, в глазах плескался страх.

— Эрландо, суд назначили на сегодня! — тяжело дыша от бега прохрипела она. — Братик, мне так страшно!

— Не переживай, сестренка, я устал уже ожидать! За-па-ри-ло! Вот, хоть решится моя судьбинushка! И то, уж какая-то определенность!

— Брааатик, а вдруг тебя убью-у-у-т? — заголосила гномка. — Что я без тебя делать буду?

— Да все у тебя нормально будет! Ты, главное, не переживай! Если не скажут рубить на месте, то выберусь! И уж тогда я буду на них обижаться. Возможно, до смерти. Их! И если они тебя тронут — пусть тогда молятся!

— Да не тронут они меня! Мне папа говорил, что Сертор подговорил совет отправить тебя на рудники-и-и!

— А Сертор, это тот дальний родственник Бурендора?

— Дааааа....

— Ну, тогда мое будущее еще более определенное! Уже не нужно сидеть и дрожать, и страдать от мысли: А интересно... шахта, так шахта! Там я еще не бывал!

— А тебе лишь бы шуточки-и-и-и!

— Не ной! Вот ты мне скажи, сестренка, что я сейчас должен делать? Биться в истерике, кататься по полу, дрыгать ногами? Или изорвать простыню на закрепить один конец к люстре, а второй вокруг шеи..? Или, как понять?

Она с ужасом смотрела на меня. Упс, кажется, немного перегнул!

— Какой ты...

— Прости, я хороший. Просто сейчас мне немного страшно. Это называется тихая истерика! Мне Опшарнор намекал, что шахты — это страшнейшее наказание, лучше бы сразу голову срубили!

Она снова уткнулась мне в грудь и заголосила. А мне что, лезгинку отплясывать? Что мне ей говорить? Что я в шахте долго задерживаться не собираюсь и хочу свалить оттуда при первой же возможности, или что? А вдруг нас подслушивают и запихнут меня так глубоко, как только смогут? Чтоб я точно наверх не добрался! Или возьмут и ногу отрубят, чтоб далеко не заполз! В общем, перспектив мало!

— Ну, не плачь, не плачь! Дай лучше мне покушать! А то от голода аж зубы сводит!

Я погладил маленькую по голове, она немного успокоилась и отстранилась от меня:

— Ой, прости, точно, я уже и забыла! Бери, вот!

На тумбочке стали появляться продукты, вытаскиваемые из корзинки. Свежая булочка, кувшинчик с молоком, тушеная картошка в горшочке, сыр, нарезанный ломтиками. Мой живот радостно булькнул, а рот наполнился слюной.

— Я уже слышу, что ты очень кушать хочешь! — усмехнулась Корилья, расставляя припасы на тумбочке. — Кушай, я очень старалась!

— Я знаю, для меня ты всегда стараешься! — похвалил я девушку. — Мне всегда очень вкусно и приятно кушать то, что ты для меня готовишь!

— Ой, ты мне льстишь! — зарделась та.

— Н-н-н-не исключено! — с улыбкой заявил я, уплетая картошку с мясом из горшочка и запивая ее молоком. Все было потрясающе вкусно!

— Ой, ой, ой спасибочки! — заявил я через несколько десятков минут. — Фу-у-у-ух! Наперся, как свинюка! Аж дышать трудно!

Я отвалился на спинку кресла, уложив руки на подлокотники.

— Сестренка, это было неподражаемо! Я чуть не лопнул!

— Я так и думала, когда ты съел все, что я тебе принесла, и даже старался запихнуть то, что я несла на обед! — сказала Корилья, сидя напротив на моей кровати и печально глядя на меня.

— Та чего, там еще осталось! — вяло отмахнулся я. Ты не переживай, там еще пол вашей Долины наестся!

— Да прям таки!

— Я тебе говорю! Вот иди, глянь!

Девушка соскочила с кровати и подошла к тумбочке с посудой. В горшочке с картошкой на дне лежал одинокий кусочек картошки и чуть-чуть морковки на стенках.

— И это.... Тут должно пол Долины наестся? — спросила одна, ткнув пальцем в горшочек.

— Ну, дык, а как же! Там же еще вон сколько!

— Ну, ладно, пусть будет так, но ты мне скажи — один кусочек картофеля, и почему ты его не съел!? Анну, быстро в рот!

— Ой, девочка, не лезет! Правда-правда, совсем не хочет лезть! Да, это вкусно, но там уже некуда!

— Ладно, верю, — кивнула девчонка и начала убирать со стола. — Лекарств на сегодня уже нет. Решили, что с тебя достаточно. Сегодня к обеду придет главный врач, он тебя обследует, и если все в порядке, то после обеда — заседание Круга.

— Ну и ладно! — тяжело вздохнул я, так как живот уже просился лечь спать.

— Ну, тогда я пойду... — дрогнувшим голосом сказала Корилья, поднимая корзинку. Я подхватился на ноги, притянул ее к себе и сжал в своих объятьях. Она прижалась ко мне, и слезки бежали ручейками из ее глаз. Мне тоже защипало в глазах, а комок поднялся в горле. Вот так, все. Закончилась спокойная жизнь.

Когда плачущая гномка покинула мою камеру, я улегся на кровать, заложил руки под голову и уставился в потолок. Так быстро. Только что изнывал от скуки, и вдруг резко понимаешь, чего лишаешься! Лишаешься свободы, да, ограниченной свободы, но хоть какая, никакая, но все же! Хочешь — спи, хочешь — лежи, на голове ходи, ползай на бровях (а как это?), читай, думай, пой, пляши! А теперь что? Теперь свобода только такая — хочешь, во время короткого отдыха в забое — спи, а нет — бди! Хочешь — под себя ходи, или лучше в уголок отойди! Ешь, не ешь, это твои проблемы! Главное — норму делай! Ну, ладно, будем думать, что Круг все же передумает, и мне придумают чего попроще.

А не тут-то было! Меня разбудил шум отодвигаемого засова, и я, свесив ноги с кровати, наблюдал, как в комнату входят гномы. Три стражника, плечистый гном в белом халате, наверное, главврач, рядом с ним два гнома постарше, наверное, комиссия с Круга старейшин, чтобы врач не жульничал. Пристально глянув на меня издалека, доктор подошел ко мне:

— Разденьтесь, пожалуйста, до панталон, — глубоким, спокойным голосом сказал он.

Я аккуратно снял с себя вещи и сложил тут же, на кровати. Гном ощупал мои ребра, руку в местах переломов, оглядел со всех сторон и вытащил из кармана дудку:

— Стойте спокойно, и не дышите.

Уткнув дудку мне в ребра возле сердца, начал что-то слушать.

— Угум, теперь дышите.

Потыкав ею по моим ребрам, слушая мои легкие, развернул спиной и слушал сзади.

— Вытяните перед собой руки, закройте глаза, и кончиком указательного пальца сначала левой, а потом правой руки, достаньте до носа. Угум. Сядьте.

Побухкав уголком дудки мне под коленками (кстати, ноги, смешно, дергались), помахав ею у меня перед глазами, он снова угумкнул и повернулся к комиссии:

— Как для гнома — рефлексы отличные, я думаю, что и для человека тоже. Наши отвары из трав и мази отлично действуют и на них. Мне кажется, даже скорость регенерации больше!

Комиссию этот ответ устроил, и, еще раз окинув меня взглядом, они вышли из комнаты, заперев меня на засов.

— Ну, что, графин, все, конечная остановка почтовой кареты — рудники! — пробормотал я, натягивая шмотки.

— Братик! — послышался шепот от окна. — Братик! Иди сюда!

В окне маячила моя сестренка, печальными глазами глядя на меня.

— Да, моя ты маленькая! — ответил я, подходя к окну. — Что у тебя?

— Как ты? У меня ключ забрали! Теперь я не могу замок открыть!

— Ничего, сестренка, ничего!

— Дай мне свою руку!

Я просунул в щель свою руку, и она сжала ее своими ладошками. Две слезки капнули мне на предплечье, и внезапно мне и самому захотелось рыдать! Непрошенная влага покатила по моим щекам.

— Не плачь, я оттуда выберусь! Я тебе обещаю, я еще не знаю как, но выберусь! Поверь мне!

— Я верю тебе, братик! — плакала Корилья. Просто пообещай, что ты еще придешь ко мне!

— И это я обещаю!

— Хорошо-о-о! Возьми! До встречи!

Она сунула что-то мне в ладонь, и я втянул руку обратно. На ладони лежал маленький складной ножичек. Девушка еще раз взглянула на меня, и побежала прочь от стоящего в одиночестве домика.

Через полтора часа за мной пришли. Десять дюжих молодцев, закованных в латы, вооруженных пиками и топорами. С ними во главе пришел капитан, только не тот, что пинал меня у входа в Долину. Отперев дверь, старший и двое солдат вошли ко мне:

— Вставай, пора уже.

Я поднялся, и, видя, что один солдат держит в руках веревку, вытянул перед собой руки, чем вызвал удивленный взгляд старшего. Хорошо, но не до рези связав руки, пристроившиеся по бокам солдаты легонько подтолкнули меня к двери. Я, наконец, за долгие месяцы, впервые вышел на улицу.

Солнышко весело светило на землю. Я осмотрелся, где же меня держали. Домик мой был не такой уж и маленький, рядом была еще комната, только поменьше, мы через нее прошли, когда выходили на улицу. Наверно, она служила комнатой для охраны, когда в домик селили особо буйных. С той стороны, куда выходили мои окна, рос небольшой густой

сад, с противоположной, буквально через двадцать метров, возвышалась стена в шесть человеческих ростов. Зачем такая высокая — неясно. Но зачем-то же строили! Но потом, взглянув направо, понял, для чего. В скале, возвышающейся не так далеко от входа, в сотне метров стояли железные ворота, запирающие выход из скалы. А повыше — три этажа окон, забранных решеткой. Перед входом разгуливают стражники. Вот она, городская тюрьма! Из такой попробуй выберись! Только через главный вход, что практически нереально, либо через окно, но я не сомневаюсь, что решетки там основательные!

— Да, оттуда еще никто не удирал! — проследив за моим взглядом, сказал лейтенант.

— Я и не сомневался! Серьезные казематы!

Стражник улыбнулся и кивнул.

— А какие вы — люди?

— Точно так же я могу спросить — какие вы — гномы? — теперь улыбался я. — Наверное, такие как я, только характеры разные, не сомневаюсь, что и у гномов так же! Есть не только хорошие!

— Да, так и есть!

— И с людьми так же. Есть негодяи, а есть вполне нормальные. Я вот не знаю, к кому себя отнести!

— Это как понять? — удивился гном. Окружаемые нас стражники с интересом прислушивались к нашему разговору.

— Да вроде и не сделал ничего плохого, а тебя вот так: раз — и под суд. Справедливо? Не знаю! Может быть, ведь я же пришел к вам без приглашения! А почему пришел? Да просто похоронили меня в одном из ваших выходов из гор. Вот и получилось случайно открыть вход в тоннели, по которым я и начал плутать. Я ж не намеренно вас искал, да и не обворовывать пришел, и не резать, убивать, жечь, насиловать! А приведшего меня Ошгарнора я понимаю — привел, чтобы было без самодеятельности, а чтобы Совет решал, что со мной делать. — Я развел руками в стороны.

Трибуны молчали. Они возвышались передо мной полукругом, за спиной сидели главные Мастера. Да, мои слова заставили Совет задуматься. Но молчание длилось недолго:

— Ты нарушил закон! — прошамкал за спиной скрипучий голос. Я медленно повернулся назад, и, задрвав голову, смотрел на бородатых, седых гномов. Один из них, тощих, морщинистый, и с куцей бороденкой гном, злыми пронзительными серыми глазами смотрел на меня.

— Стесняюсь спросить, а какой именно? — спросил я, дернув головой.

— Не дерзи старшим! — проскрипел гном. — Ты напал на гнома!

— Я на него не напал, я защищался! Или мне нужно было стоять и ждать, пока он меня убьет?

Зал загудел, гном возмущенно вытаращил глаза:

— Как ты смеешь?

— А что, мне и сейчас нужно было промолчать и ничего не сказать в свою защиту? Просто дать вам меня уничтожить?

Казалось, глаза гнома вылезут из орбит!

— Совет Круга решил отправить тебя в рудники! Чтобы поубавить меру твоей наглости!

— И еще, один вопросик: совет это решил заочно? Без слушания моих доводов в свою защиту? Тогда я вам скажу так: люди, которых вы ненавидите, и презираете, так низко не

опускаются, и хотя бы праведно судят.

Зал заулюлюкал и разразился криками. Все громко обсуждали мои слова, и разделился на две противостоящие стороны. «Иногда, — подумал я, — иногда они судят справедливо, но их тоже можно купить. Но этого вам знать не стоит».

Дед что-то орал, выпучив глаза, и мне казалось, что его хватит удар, и он помрет на месте. Он так размахивал руками, что, наверное, если бы не стол, мог бы взлететь! Я отошел на несколько шагов, чтобы он не забрызгал меня слюнями.

Но было ясно одно: зал, как и Круг, разделился на две половины. Одни были за вменение судебных решений, другие же это отрицали. Пока я наблюдал за баталиями за столом старейшин, меня что-то ударило в спину. Развернувшись, я увидел лежащий на полу ботинок, и еще несколько летело в меня. Я уклонился от них, и с трудом подавил желание бросить их в их хозяев. Но один гном достаточно удачно метнул свой, окованный железом, и он в кровь разбил мне голень.

Крики одобрения зазвучали с трибун, и у меня, как говорится, упала планка. Тех, кто бросал в меня своей обувью я запомнил хорошо, и, схватив лежащий ботинок, в ярости отправил его своему хозяину. Гном от неожиданности не смог уклониться, и с разбитым в кровь лицом упал под стол. А дальше я в неистовстве швырял все валяющиеся рядом со мной ботинки назад. В зал заседаний ворвались стражники и побежали ко мне. Пока они еще бежали, осмелевший дед бросил в меня своим сапогом.

— Ну, теперь пеняй на себя! — радостно возопил я и с такой силой бросил бот назад, что голова говнюка дернулась назад, и мне показалось, что я даже хруст позвонков услышал! Дед рухнул под трибуну, я успел валяющимися сапогами замочить еще парочку его прихлебателей, пока стража не окружила меня, и, прикрыв щитами, не вытолкала из зала.

— Конечно, спасибо тебе за Сертора, он у всех уже в печенках сидел, да и за его задолизов, но теперь тебе рудников не миновать. Гарантирую. Идем.

Меня отвели в небольшую камеру-одиночку и оставили ждать приговор. Потом зашел какой-то гном, промыл рану на ноге и наложил тугую повязку. Через час я уже знал свою судьбу — алмазный рудник, самый глубокий и на многие мили раскинувшийся под землей в горах.

Поздним вечером пришел Ошгарнор с сыном, внуком, и своим другом Оренро. Вбежавшая сестренка бросилась ко мне и горько зарыдала, уткнувшись в мой камзол.

— Ну, сынок, даже не знаю, что и говорить, — немного постояв, сказал Ош. — Многие тебе благодарны, что ты проредил Старших мастеров, теперь меньше мороки будет. Но есть и другие. Старый гном махнул рукой. Оренро тяжело вздохнул.

— Когда меня отправят в место отбывания наказания? — дрогнувшим голосом спросил я, поглаживая плачущую Корилью по спине. — И срок наказания есть?

— А, да, прости, забыл сказать — пожизненно....- провел по лицу рукой Оренро.

— Хм, да я быстрее сбегу оттуда! — хмыкнул я.

Немного помолчав, Оренро сказал:

— Я тебе верю, сынишка!

На его лице мелькнула улыбка.

— Вот и сестренка верит! — тоже улыбнулся я.

— Все, выходите, скоро будет проверка постов! — заглянул в камеру уже знакомый мне

капитан. — Я тут не главный, надо мной тоже есть начальство!

Со мной начали прощаться, Корилья голосила, казалось, на всю тюрьму. Еще раз обняв и чмокнув ее в щеку, я сдал ее в руки отца, которым оказался Кардарол. С остальными, крепко обнявшись, на прощанье пообещал навестить их еще. А затем я смотрел, как закрываются двери моей камеры.

До утра я просидел на топчане, пока утренняя стража, обыскав, не вывела меня во двор. Ножечка они не нашли. Почему-то в рот они не заглядывали, наверное, просто «забыли».

Утром заскребли ключом в замке, и через полминуты дверь отворилась. На пороге стояли стражники. Три широкоплечих воина, с густыми бородами, в стальных кирасах, с пиками и мечами на боку.

— Выходите, — сказал старший из них. Я даже удивился от такого подхода! Ко мне, и на вы.

— Вы же все-таки граф, — правильно расценил мою удивленную мину страж.

— Да, конечно, — кивнул я.

— И... - гном звякнул тяжелыми наручниками. Я спокойно вытянул перед собой руки. Надев мне эти металлические штуковины на руки и зажав болты, которыми они закрывались, воин сделал шаг в сторону, и я вышел с камеры. За спиной встал пришедший с ним гном, главный в этой тройке, и пошел рядом со мной. Когда мы вышли во двор, я сразу вспомнил этих гномов. Они были вместе с тем лейтенантом, который забирал меня с того домика, где я провел свои два месяца жизни.

Во дворе стояло еще три десятка гномов. Помимо меня было еще два осужденных. Морды у них были явно не разбойничьими, это я почувствовал сразу. Все благодаря моим способностям. Впавшие в немилость? Не исключено!

— Заключенный, встаньте к другим арестантам. — заговорил мой старый знакомый лейтенант Сориван.

Я подошел к двум собратьям по несчастью. Тридцать воинов взяли нас в квадрат, и мы пошли к выходу из стены, окружающую городскую ратушу. Стена была высотой в три человеческих роста, гномы любили основательность. У самых ворот стояла черная карета, с запряженными в нее двумя лошадьми. На единственном маленьком окошке, вырезанном в дверке кареты, была прочная решетка, сама дверь открывалась, сдвигаясь в сторону, скользя на маленьких колесиках в пазах.

Подождав, когда мы влезем в карету, Сориван забрался к нам и сел у двери. Ее задвинули, и он защелкнул ее на замок. Два воина запрыгнули на задворки кареты, еще двое полезли на козлы. Щелкнул кнут, и телега тронулась.

За воротами были городские улицы. Высокие городские здания, этажей в три четыре, сложенные из серого и бурого камня, но цвета были хорошо подобраны, никакого хаоса. Прямые, мощенные камнем улицы, по краям встречаются решетки канализационных ям. На улицах было чистенько и опрятно. Пешеходы останавливались и провожали взглядом нашу черную колымагу. Несколько раз мелькали светлые витрины магазинов, был виден большой рынок, разные мастерские. Город поражал своей красотой и изысканностью. Было приятно ощущать красоту и порядок, а не чувствовать запах лошадиного навоза и видеть людей, бредущих по косточки в отходах и помоях. Да еще и шарахаться от любого скрипа окна! Чтоб не схлопотать целое ведро этой гадости на голову!

За городом начиналась вымощенная камнем дорога. Карета подпрыгивала на стыках каменных плит и стремилась вперед.

Ехали мы около получаса. Карета сделала остановку у ворот, стена у которых поднималась на добрый тридцатник метров. Сидевший возле меня мой знакомый лейтенант выпрыгнул с кареты, о чем-то переговорил с охранниками — дюжими гномами в количестве трёх, стоявшими у дверцы кареты у дверки, на случай, если мы захотим смыться. Потом старший, разговаривавший с Сориваном гном, махнул кому-то рукой, и впереди послышался шум. Сориван влез к нам обратно, и через некоторое время мы тронулись и продолжили путь.

Сами ворота были тяжеленными, окованные стальными полосами, а основа из какого-то черного дерева, толщиной в метр. Еще в них была маленькая дверца — сплошной черный металл, именно черный, я был в этом уверен, точно не крашеная. Такого же цвета и засов, замочные скважины, все по высшему уровню. «Вот и остался позади выход на свободу, — мелькнула печальная мысль. — Получится ли сбежать?»

Еще несколько десятков минут — и наше средство транспортировки остановилось. Послышался какой-то шум, потом несколько вопросов грубым, вызывающим неприятный холодок, голосом, и Сориван, вздохнув, снова выбрался наружу. У моих спутников, таких же бедолаг, как и я, сразу потускнел взгляд, плечи опустились, они будто постарели лет так на десять-пятнадцать. Ну, если тутошним, коренным жителям, стало так плохо, то тут точно не сахар. Пора и мне начинать бояться и трепетать!

— Здорова, голубчики! — дверь отъехала в сторону, и тот самый грозный голос, казалось, наполнил салон кареты. — Приехали, выходи справа по одному!

Держась за ручку двери и улыбаясь на все... сколько там у гномов, ну не сейчас же их считать, или спрашивать у владельцев?! Так вот, добродушными глазами на нас смотрел здоровенный рыжий гном. Бороды у него не было, на голове треуголка, кожаные штаны, на ногах — кожаные сапоги с металлическими накладками на носках. Голое до торса загорелое тело было покрыто рыжими волосами, руки бугрились тугими клубками мышц.

— Ну, что, дорогие курортники, приветствуем вас в одном из величественнейших курортных заведений под названием «Алмазные копи»! Добро пожаловать, посетители! Или — вечные жители?..

Последнюю фразу он добавил, делая широкий, приглашающий жест рукой. Гномы угрюмо полезли в открытую дверь.

— Оп-па! — удивленно вскинул брови рыжий гном. — А это что за диковина? Ты кто, парень?

— Человек, должно быть.

Я произнес это спокойным, уверенным голосом, ерничать я не решился, это не мальчик, с которым можно посмеяться над шутками! Даже мои знакомые по «телеге», нас доставившей, посмотрели на меня так, что, казалось, первый раз меня увидели, и внимательно начали разглядывать.

— Серьезное дело... — протянул Рыжий, обходя меня по кругу, и внимательно разглядывая. — А как это тебя угораздило-то? Хотя, постой, не говори, зайдем ко мне в кабинет, там... А теперь, стали в шеренгу!

Теперь он снова заговорил властным тоном, как будто ничего и не было.

— Значит, слушайте меня внимательно. Меня не волнует, кто вы были до этого, как и то, за что сюда попали. Я потом гляну в вашем деле. Теперь, вы будете прилежными рудокопами, работягами, потому что, если будет обратное... Это ненадолго. Или вы подохнете от голода, или же подохнете под кнутами надзирателей! Всем все понятно?

Гномы и я кивнули почти синхронно, и я, наконец, смог увидеть, куда мы прибыли.

По сторонам поднимались отвесные скалы. Они были настолько высокие, что на их вершинах лежал снег. Нет, они не по всей высоте были такими, где-то через сотню-другую метров они принимали немного больший угол наклона относительно земли, но взобраться по ним без оборудования, было нереально. Если из ущелья не было выхода на противоположную сторону, то путь к свободе остался у нас за спиной. И, вдобавок ко всему, он был надежно перекрыт, так что...

— А теперь, мои дорогие землеройки, прошу вас в нашу, или, скорее, вашу скромную обитель, заезд начинается с сегодняшнего дня, и до... числа... До _ого числа, _а месяца! Дату вписать при выписке! А выписка будет... Выпишут вам только ямку, в которой вас похоронят! А когда наступит ТОТ, — Рыжий поднял вверх палец, заостряя наше внимание, — день, это целиком и полностью зависит от выносливости, и прочности вашего организма!

Гномы рядом со мной низко понурили свои головы. Сориван, стоящий со своими солдатами за спиной рыжего, виновато посмотрел на меня и чуть дернул плечами. Я ободряюще и понимающе моргнул глазами. Видимо, понравился я парню, расположил его к себе, вот и стало ему жалко меня!

— А теперь, во-он, туда! — протянул Рыжий, кивком головы указав нужное направление.

Вход в пещеру преграждала стальная стена. Стена, потому, что вход во вход, прошу прощение за тавтологию, был достаточно большим: метров восемь высоты и около шестнадцати ширины. Зачем сталь — непонятно, но что есть, то есть. Это чтоб осужденные не вырвались на волю? Не исключено, но можно же было и камнем заложить! Однако, речь теперь немного о другом. В этой стене была небольшая дверь, а также, пардон, большие ворота, через одни что-то завозили/вывозили, ну а через другую — запускали/выпускали лю... (ну, заладил с ошибками!), гномов. Может, были и другие разумные расы, но об их существовании я не знал. Стену, да и дверь, покрывали всяческие барельефы. Знаете, взглянув на нее, я еле сдержался, чтобы не отшатнуться! Ну и чудовища!

А чудовищ было в изобилии! Вся стена была покрыта изображениями мерзких, ужасных созданий, которые таранили на тебя глазищи с вертикальными, да и не только, зрачками, и скалили чудовищные зубы. Эффект был потрясающим, настолько искусно они были созданы! Рыжий и охранники, стоящие у входа с арбалетами, пиками, и мечами наготове, с удовольствием наблюдали за нашими лицами. Не знаю как я, но мои спутники побледнели. Наверное, я выглядел не лучше! Все бы ничего, но помимо всего, на барельефах эти твари пожирали бедных, пытающихся отбиться кирками и лопатами, шахтеров! И как бы те ни старались, судя по всему, не у всех получалось выжить! И с этой мерзостью мне придется столкнуться?! У-упс!

— Ну, трусливые девочки, пойдем! Люди дяди Банехора, ах, да, именно так меня нужно называть, только спереди добавьте — «господин». А то повелитель как-то слишком пафосно звучит.

Я на прощание кивнул Соривану и пошел в темный проем двери, которая вводила меня в пасть страхолодине с кривыми, кручеными рогами, козьей мордой и четырьмя глазами с вертикальными зрачками.

Дверь жалобно скрипнула и захлопнулась за спиной. В замке заело ключом. Тот

четыре раза щелкнул, и с каждым щелчком в голове произносилось по букве: «П», «О», «П», «А», «Л»!

Наверное, именно так можно было охарактеризовать текущее положение, прошу прощения за мой массолийский!

— Шхррргхдыщ! Бах, бах, бах!

— Та ну, чтоб ты сдохла!

— БАХ! БАХ!

— Уууу, проклятье рода человеческого! Эй, ты, там! Неси кувалду, опять эта скотина заела!

Так можно было бы начинать еще одну главу этой трагикомической повести, но в гномьих шахтах было все цивилизованно (если можно так сказать): запор работал отлично и со спокойными звуками «шшшш», «тук (задвинули засов до упора) «шкряб, шкряб», «трям» (замок повесили), «щелк, щелк, щелк», «кляц» (ключ на три оборота, последний оборот до половины, но крутить дальше некуда). «Кляц, кляц» (подергали, чтобы убедиться, что точно закрыли). Потом еще куча каких-то манипуляций (нашу тройку развернули спиной к дверям, и мы слышали только щелчки, кляцанья, и прочие шумы.

— Значит так, девочки. Вы перешли на новый, можно сказать — завершающий этап жизни. Ваша свобода и вольная жизнь закончилась там, — тычок пальцем на дверь за спиной. — Теперь начинаются ваш труд на благо родины! В последний раз я просил у начальства пару десятков молодчиков, но выдали мне только вас троих. В самом глубоком шпребке, метра полторы сотни... случился обвал, и привалило с десятков заключенных. Это я уже непосредственно к вашим задачам перешел. Нужно его разобрать, этот завал, если кто не понял, и все это дело вытащить на поверхность. Так что работы у вас хватает! Найдите Мусу и приведите сюда. Будет вместе с человеком и этими двумя вместе работать. А теперь, как там тебя, идем, поболтаем. И как притащите Мусу, раздайте инструмент и ведите к месту работы! Когда придет этот — ставьте в паре с Мусой. Им должно понравиться! Ха-ха!

Я пошел за Рыжим, оглядываясь по сторонам. Огромный грот, потолок был метрах в семи над головой, от входа он овалом расходился в стороны, в длину достигал сотни метров, в стороны двадцать. В стенах были выдолблены комнаты (скорее всего, для охраны), и складские с хозяйственными помещениями. Столовая, кухня, душевая... Ну, это я понял по значкам, висевшим на дверях. А дальше, в конце зала, виднелся большой провал, из которого еле слышно раздавались звуки ударов кирок о камень.

У провала стояла четверка гномов, еще два сидели чуть в отдалении. Все четверо стояли у металлического механизма, напоминающего по виду лебедку. Штуковина нависала над дырой в полу двумя железными лапами, от которых вниз шли канаты. Только они были темного цвета, и, кажется, отблескивали в свете кристальных светильников. С такого расстояния подробности рассмотреть было нереально.

Мы подошли к прочной железной двери с окошком, забранным решеткой, и с другой стороны закрытым металлической задвижкой. Рыжий достал из кармана ключ, и задвигал ним в замочной скважине. Рядом с нами, откуда ни возмись, нарисовался стражник, и когда мы зашли в помещение, остался стоять у двери.

Обустройство кабинета было чисто деловое. Серые стены. Вдоль одной вытянулась картотека. Белые корешки папок указывали на то, что все эти бумажки — дела на каторжан.

Широкий, длинный, т-образный стол из серого гранита. В столе начальника зоны было высечено углубление, и туда был вклеен кусок хорошо выделанной кожи. Немного низковатые стулья с высокими спинками выстроились у ножки буквы «Т». На стене висело много разного оружия, туда затесалась даже кирка. В углу стояла, искусно высеченная из мрамора, фигура обнаженной гномки, я даже невольно залюбовался! Шедевр!

— Нравится? — с улыбкой спросил рыжий гном. — Мне тоже! А картина как тебе?

На стене висела, размерами полтора в ширину и метр в высоту картина, на которой был искусно изображен пейзаж. Снежные пики гор золотило восходящее солнце, буйная зелень у подножья... Все было настолько живо изображено, что казалось, на лице даже ощущается дуновение ветра!

— Божественно! — зазвенел я наручниками. — Ну, просто, просто, нет слов, в общем!

— Ну, садись, — кивнул головой на ближайший к себе стул гном, заходя за свой стол, шлепнув тремя папками о стол и усевшись в свое большое кожаное мягкое кресло (хотя, как по мне, это кресло было маленьким диванчиком).

— Садись, и рассказывай.

Я сел на стул, гном внимательно посмотрел на меня зелеными глазами, покатал буграми мышц под кожей, двинул плечами, а потом спросил:

— Впечатляет?

— Ага, конкретно так! — кивнул я, сделав большие глаза. Объем грудной глетки гнома достигал двух с небольшим метров, про плечи я вообще молчу, ладони выглядели вообще двумя заступами или совковыми лопатами. Было ощущение полной уверенности, что если он встретится с медведем-гризли на узкой горной тропке, то от пощечины таким веслом голова медведя сделает четыре оборота вокруг своей оси.

— Ну, если впечатляет, то тогда я оденусь, а то тут холодновато.

Поднявшись со стула и отойдя в угол комнаты, Хозяин открыл шкаф, вытащил оттуда шерстяную рубаху, китель, быстренько оделся и снова уселся за стол.

На столе стояла красивая, со всякими финтифлюшками, керосиновая лампа. По крайней мере, она была похожа на нее. До тех пор, пока гном не начал крутить штырек, для увеличения огня, подачи керосина, и не увеличилась площадь взаимодействия кристаллов. Да, забыл сказать: под потолком висело три кристальные лампы.

— Вернемся к нашим баранам, — пророкотал хозяин богадельни, поднимая лежащую на углу стола странную пластину, похожую на швеллер. Банехор ее поднял над столом, и швеллер навис над столом на подпорке, состоящей из двух трубок, напоминающую ногу цапли. Сложив перед собой наши папочки, те, в которых было написано все о нас, и наставив эту штуковину как раз над ними, он снова покрутил штырек, и свет полился из этой цапли.

— Ух-ты! — не сдержал я удивленного возгласа. — Обалденная фиговина!

— Фи... чего? — поднял на меня глаза гном.

— Да я и сам не знаю! Вроде есть такие плоды, фиги, что ли, ну вот от них происходит слово... Или штуковина. Ну, я думаю, что это одно и тоже.

— А, ну да, фиговина. Мне тоже нравится. Настольная лампа, что ли. А теперь не мешай...

Почитав пару страничек моего дела (ого, пара страничек! Сколько накатали, изверги!), он отодвинул мое дело в сторону, и теперь смотрел на меня, подперев голову руками.

— Ну, а теперь, своими словами и чистосердечно выкладывай, что было.

— А вы точно хотите, чтобы я своими словами, и...

Но наткнувшись на грозный взгляд гнома, я начал повествование о своей жизни несчастной.

— Дело было вечером, делать было нечего! Не, ну вы же сами просили: своими словами! Как вам уже известно, я граф. И на соседнее графство, находящееся рядом с моим случилось нападение. Кочевники...

.. Ну, в общем, выходим мы втроем из подземных ходов, Ошгарнор и слова сказать не успел, а тут этот придурок, простите, постоянно забываю имя этого больноватого капитана. Короче, эта скотина подходит ко мне, приказывает страже держать меня, а сам начинает меня дубасить. Меня это так взбеленило, что я в ярости, изо все силы, дал ему коленом в подбородок, ну еще и с ноги в грудь добавил. Чтоб ускорить столкновение с горизонтальной поверхностью скалы. Шмякнулся он знатно, и тут, наконец, стражники расчехлились. Накостыляли мне толпой, что я чуть ли не три месяца лечился. А дальше суд, признание меня виновным, хотя виновным меня признали еще до суда, а на суде разыграли комедию. Я их в этом обвинил и сказал, что даже люди так не поступают. В процессе жарких споров и переговоров, трагически погибли некоторые члены Круга Мастеров, а еще некоторые получили шишки, синяки, ну и, возможно, переломы, травмы разной степени тяжести.

— Даааа... — протянул Рыжий. Знаменитый заключенный мне попал! Еще с дочкой Кардарола спал... В разных непотребных позах!

— Это неправда! — резко вскочил я, стул грянул на пол, глаза налились кровью, руки, казалось, сейчас отломают кусок столешницы. Я навис над столом Бенахора, мои бешеные, выпученные глаза смотрели ему в очи.

— Найду ту тварь, которая возвела такую напраслину на сестренку — на одну ногу наступлю — за вторую дерну! А потом, всю ту чушь, что мне в слезах рассказывала девушка, заставлю его проделать с конем.

— Я понял, успокойся, больше этой темы не касаемся. А за некоторых членов Совета Мастеров, от меня лично — благодарность. Давно по ним могилы плакали. Пусть теперь горят в Горне Великого Кузнеца. Но. Есть одно «но». Никаких поблажек тебе не будет. Будешь пахать как все, ты сам слышал об обвале, и его надобно разгрести. Так что готовься. Будете там вчетвером. Чует мое сердце, перебои с работниками будут... Это ж пока их с Города доставят!

— Города? — заинтересовано приподнял бровь я. Лицо гнома самую малость дернулось, но потом он спокойно заговорил:

— Да, с города. А теперь, иди, за дверью тебя уже ждут. Служи родине! Хотя... А, ну да, теперь это твоя родина. Так что вперед!

Я поднялся со стула, мой живот буркнул, ставя во внимание то, что я голоден.

— Всего доброго! — поклонился головой я. — Было приятно познакомиться, да и поговорить, тоже.

— Возьми, — вытащил со стола бутерброд с зеленью и куском мяса комендант каменоломен. — Только съешь здесь, пока никто не видит. А потом — проваливай!

Я быстро умял бутерброд, искренне поблагодари, вышел за дверь, притворяя ее за собой, и пошел со стражником к той яме с лебедкой.

Когда мы подошли, из ямы выплыла широкая кабинка со стенками, обтянутыми металлической сеткой. Решетчатая дверь в ней сдвигалась в сторону, кабинка шла почти

вплотную, буквально сантиметрах в пятнадцати от стены. Лебедка была большой, канат оказался свит из массы сверхпрочной тоненькой проволоки, которая заменяла шпагат в канатах морских. Ручку лебедки заменяло огромное колесо.

— Давай, полезай! — рывкнул мне гном из будки. Я вошел в кабину, цепь моих кандалов закрепили в специальных зажимах, дверь с шорохом закрылась, кабина дернулась и поползла вниз, шурша колесиками на краях клетки. Дверка закрылась, щелкнул замок, который можно было открыть только снаружи, «телега» дернулась, и заскользила вниз.

Можно было наблюдать разводы на камне, какие-то полоски, вкрапления. В стенах, за бортом клетки были встроены кристаллы, и наш путь вниз неплохо освещался. Глубоко внизу было видно свет множества ламп, и с каждым метром они становились ближе, крики и брань надзирателей все отчетливее.

Минут через пятнадцать приличной скорости погружения, мы опустились на деревянную возвышенность. Площадка метра на три возвышалась над землей.

Оглядевшись по сторонам, я увидел до сотни надзирателей, разбросанных по всему периметру. Они наблюдали за передвижением вагонеток, которые выходили со штолен, двигаясь по стальным полосам на полу, и, кстати, это было очень удобно!

Часть гномов везла пустую породу и сбрасывала ее в отработанные штольни, другая часть — неочищенную драгоценную породу.

Угрюмые гномы катили тележки, хотя и было несколько весельчаков. Это в смысле, их лица не были мрачными и неприветливыми. Наоборот, один старый гном, с засаленной, грязной и неровно обрезанной бородой о чем-то вдохновенно разговаривал со своим коллегой, с которым он толкал вагонетку. Тот со снисходительной миной слушал его речи, и, кажется, местами даже хмыкал. Уже почти у противоположной стены спорщики, не достигнув консенсуса, все же сорвались на крик. В зале сразу стало как-то тише, как будто все прислушалось к спорщикам, а потом раздался звук громкой оплеухи.

— Так, все, успокойтесь! — заорал здоровый чернобородый стражник, щелкая кнутом по спине одного дедугана. Тот выгнулся дугой и зашипел от боли. Кнут щелкнул второй раз, и теперь взвился второй.

— Эти придурки меня достали! — послышался крик Рыжего, пока мы увлеченно наблюдали разворачивающиеся события. — Лифт вверх, а этих придурков — в Гиблый штрек!

Кабинка, которую Рыжий назвал лифтом, поползла вверх, а провинившихся гномов повели в другой ход в скале.

— Эй, стойте! Подождите! — окликнул Банехор стражников, сопровождаемых пожилых гномов. Те обернулись к нам. — И этого прихватите!

Теперь весь зал обратил внимание на меня. Сначала стояла гробовая тишина, а потом все заулюлюкали, загалдели, разглядывая диковину, то бишь, меня.

Стражники с каменными мордами подошли ко мне, и, став по бокам, повели меня к ожидающим нас гномам.

Нас сбили в одну кучу и повели в ответвленный от общей залы коридор. Все мои спутники с любопытством поглядывали на меня. Ну, а я оценивал обстановку вокруг себя. Темно-серый камень вокруг, на распорках, каждые десять метров были отмечены висящими кристаллическими лампами, дававшими достаточное освещение.

Высота коридора была около двух метров, временами поднимаясь и выше, видимо, он следовал за выработанной жилой. Коридор извивался, в стороны иногда отходили другие

коридоры. Там фонари горели реже, или же вообще не горели, а сами коридоры были завалены, скорее всего, отработанной породой.

Шли мы минут двадцать, пока не вышли еще к одному лифту. Он уходил вниз. Запихав гномов в кабинку, двое стражей вошли к ним, еще двое влезли на крышу, и кабина поехала вниз. Еще шесть надзирателей остались со мной. Двое вращали ворот, остальные молча смотрели. Вскоре один, самый молодой не выдержал:

— Ты же человек, да?

— Ну, по крайней мере, мои родители были ими.

По губам стражника скользнула улыбка, кто-то другой презрительно хмыкнул.

— А как ты сюда попал? — продолжил расспросы молодой рыжебородый гном.

— Вышел за хлебом, блин, — и, видя офонаревший взгляд надзирателя, пояснил: — неудачно.

— Чего?! — глаза молодого, казалось, вылезут из орбит.

— Да ладно, я шучу, — насколько позволяли оковы, махнул рукой. Лицо гнома немного расправилось, и тут я его добил: — Я же граф, за хлебом я не хожу. В туалет просто отлучился, вот и...

Я печально развел руками и сокрушенно покачал головой. Один из гномов, крутивший ворот, захохотал, наверное, кабина лифта ускорила свой спуск, так как снизу послышался возмущенный вопль.

— Да нет, если честно, то по глупому стечению обстоятельств. У нас там войнушка небольшая началась, вот и воевали. Ну, в общем, меня там и убили. А так, как я граф, похоронили в склепе. А склепом оказался один из ваших входов под горы. Теперь я здесь.

— Занимательно, — протянул седоусый карлик, теребя нос. — И что там?

— А там, это где? У нас, или у вас? У нас война, а у вас — легкий шок. Я с песней ушел.

— Это как? — спросил седоусый.

— Ну... Только, давайте сразу договоримся — без последствий, без руко- и ногоприкладства, и тяжких телесных ладно? Ну, для меня, естественно, угум?

Кто-то из гномов снова хмыкнул, некоторые кивнули, остальные промолчали, униженно зыркнув. Главный из них рявкнул:

— Не в твоём положении условия ставить! Говори.

— Прибил я парочку ваших из Кодла Гадов. Ой, простите, Совета Мастеров, того, там где одни старые пер... Старшие мастера.

— Кого именно?! — вразнобой воскликнули два гнома.

— Один такой мерзкий старикашка, прыщавый, а насчет других... Кто их знает, может и выжили...

— Сертор?!

— Угу, его самого... — уныло подтвердил я. — Не, ну а чё? Кто с чем придет, тот от того же, и тем же и...

Повисла пауза, все переваривали полученную информацию.

— Красава... — наконец произнес гном с темно-коричневой бородой, заплетенной в три косички, и дернул за среднюю косичку. — Респект тебе, и уважуха...

— Куда, куда? — удивился я.

— Ну, это... — смутился бородач. — Это я от Мусы слышал.

— А... Приблизительно понятно, — кивнул я. — А этот ваш Муса, это кто?

— О-о-о, это тот еще кекс! — хохотнул младший из стражников. — Бисквит!

— А че, упырь какой?

— Хах, скоро сам увидишь!

Прибыла кабина, я забрался в нее, охрана присоединилась, и я продолжил свой путь вниз.

На ужасной глубине, где закладывало уши, приходилось «продуваться», то есть зажимать нос пальцами, закрывать рот и «выдыхать» воздух, пока не отложит уши. Так делают ныряльщики за жемчугом, когда уходят на глубину.

Спустя некоторое время мы дошли до пункта назначения. Еще один подъемник, которым вытаскивали камни из глубины, затем — четыре гнома толкали тележку по рельсам в ответвляющийся коридор, а еще четыре вращали ворот, поднимая кузов с камнем. Тут же топтались семь дюжих охранников с кнутами, и...

Рядом терся маленький зеленый человечек. Лопоухий, с заостренными кончиками ушей, худой, ростом с семилетнего ребенка, с длинными, достающими до коленок руками. Худые короткие ножки с торчащими коленками и непропорционально длинными ступнями. На ногах — большие, примотанные шнурками к ногам ботинки. Кожаные короткие штанишки, жилетка из того же материала зашнурована на кругленьком животике. Большие карие глазищи, огромный зеленый прыщавый нос, а на голове — реденькие волосенки, сбритые словно под гриву лошади.

Я сразу начал вспоминать, когда последний раз много пил, да и вообще, когда последний раз пил! Вот уже и зеленые человечки мерещатся!

— Ого! — шмыгнул носом зеленый малыш, дохотивший гномам до груди, а мне и вовсе до пупка. — Вот это диковина!

— Муса, да ты сам не меньшая диковина! А это всего-навсего... Человек?! — остолбенел надсмотрщик в кожаном панцире и зеленой футболке под ним. Судя по одежде, он был здесь главным.

— А я чё и говорю — человек! — подтвердил Муса, смачно сморкнувшись на пол, заткнув при этом одну ноздрю пальцем, и тряхнул головой. Его заостренные, лопуховидные уши качнулись в такт.

— Муса, я думал ты один у нас такой, достопримечательный... А тут еще и такое есть... — протянул старший.

Окинув взглядом пещеру, где я теперь находился, я увидел, что оно спиралеобразно уходящее вверх. Еще, возле подъемника, не знаю зачем, лежала откидная решетка. Возможно, пока штрек был неглубоким, там на ночь закрывали рудокопов.

— Эй, ты, человеческое отродье! — послышался оклик сзади. Невесть откуда нарисовался еще один гном, несущий в руках сверток. — Оденься. Твои тряпки долго не выдержат.

Он бросил мне сверток к ногам, который размотался, и из этой кипы выпала кожаная куртка и такие же безразмерные штаны.

— Прости, поменьше не было, — язвительно произнес он.

— Да и на том, спасибо! Хоть теплей будет! У вас тут дубарь знатный! — сказал я, собирая одежду.

Гном, собравшийся выслушать от меня негодующие вопли, и с удовольствием погрызться и поглумиться надо мной, глотнул язык и нервно пожевал губами.

— У меня, братцы, будет к вам одна просьбочка: побрейте меня наголо! А то уже зарос,

как мамонт!

Гномы хохотнули, но один вытащил из-за пояса остро отточенный кинжал, сгреб мои патлы в жменю, и начал их срезать, но не сбривать.

— Не ахти как получилось, но для тебя сойдет! — сказал он мне через минуту, бросая последнюю горсть на пол. Теперь у меня на голове были волосенки длиной в сантиметр, вернее, местами в сантиметр, местами в два, а иногда и при самой черепушке. Как срезалось.

— Ха-ха! — заржали гномы, разглядывая мою головешку. — Похож на плешивого бомжа!

— Зато в глаза не лезет! — категорично заявил я, в который раз ощупывая череп. Мда...

— Ну, вот тебе кирочка, и — вперед! — подбодрил меня главный из них, торжественно вручая мне вышеупомянутый инструмент.

— Вперед, труба зовет!

Гном кивнул в сторону штольни, уходившей вниз, где как раз нарисовался кузов с породой. Стражники внимательно за мной наблюдали, Муса тяжело вздохнул, еще раз сморкнулся на пол, и погрёб за мной.

— А... Эти как? — неуверенно спросил один надзиратель, кивая на нас, и переведя взгляд обратно на главного.

— А эти — пусть так. Ничего не случится. Приказ...

Я немного замешкался, задумавшись над их словами, но когда подошел к гномам, накидавшим в вагонетку породу, то обо всем догадался: у гномов на ногах были кандалы, они были скованы попарно. Смотрели они на меня с ненавистью, презрением, омерзением. Все эти чувства были смешаны, и струились из глаз заключенных. Мда, несладко, ой как несладко мне тут придется!

Когда из кузова были выгружены камни в вагонетку, и она заскрежетала по полозьям в другую шахту, гном кивнул мне с напарником на кузов:

— Полежайте!

Забравшись в шатающийся металлический котел, мы с Мусой расположились более менее «равномерно», чтобы корыто меньше шаталось. Немного подрагивая, мы поехали вниз. Камень, камень, камень, по сторонам сплошной черный базальт.

Натянув на себя этот кожаный лапсердак под названием одежда и дав себе зарок каким-то образом его уменьшить, я поднял кирку, взвесил ее в руке и последовал за Мусой. Мы вошли в штольню, которая через пятьдесят метров оборвалась.

Четыре гнома махали кирками, дробя огромные валуны. Каменные «брызги» летели во все стороны. Та часть лица гномов, не прикрытая густой бородой, кровила, посеченная осколками, а сами бороды тянули головы гномов на дно от набившейся в них каменной крошки.

— Эй, ты жалкий червь, бери лопату! — крикнул мне стоявший здесь стражник. Весть о том, что в рудник попал человек, быстро облетела всю выработку драгоценных камней. Теперь работающие здесь носильщики и те, кто махал киркой, подозрительно косились на меня. Чувства в их взглядах прочитывались разные. Интерес, ненависть, презрение, и, непонятно почему, бешеная ярость! Может тот один, который так смотрел на меня, был и вовсе неменяемый! Или же у него воспитание такое было. Однако при стражниках трогать меня не рисковали. Интересно, перерыв «на поспать» здесь есть?

Немного размяв предплечья и запястья, я взялся за лопату. Зачерпнув совок битого камня, я отправил его в вагонетку. Работа на секунду тормознула, и все поглядели на меня.

— Ты смотри, граф, а работать умеет! — ехидно произнес гном, которого я окрестил Бешеным. — Удивлен!

— Сочту за комплимент! — хекнул я, бросая очередную лопату в кузов вагонетки. Бешеный замолчал, и стражники, поняв, что очередные неприятности откладываются, прикрикнули на заключенных. Все снова взялись за кирки и лопаты, а кто и руками начал таскать камни покрупнее. Взгляд Бешеного я ощущал постоянно, и это мне активно не нравилось. От него можно ожидать всего, кроме хорошего. И что с ним дальше делать — неизвестно.

Долго ждать не пришлось. Когда я очередной раз согнулся, снимая пласт камня лопатой, на спину мне сыпанули битую породу. Я мотнул головой и набрал следующую лопату. Бешеный дождался, пока два охранника отвлекутся, сыпнул на меня вторую лопату камня. Парень однозначно задирается, а что с ним делать, я пока не придумал. Ну не вломить ему тут же и той же лопатой! Я-то могу, его мерзкая морда так и клянчила лопатой плашмя! И наотмашь! Он зубоскалил, глядя на меня, и ожидал ответных действий.

— Эй, червь, прости, я не рассчитал немного! — сказал невменяемый гном, когда один из охранников заметил его.

— Да ничего, дружище! — махнул я рукой, за секунду пододвинувшись ближе.

— Отстань! — прошипел я сквозь зубы, продолжая дружественно улыбаться.

— Спасибо, дружище! — ответил гном, и точно так же ответил:

— А то что?

— Следующий раз, смотри, будь поаккуратней, а то так можно и покалечиться! — махнул я рукой, давая понять, что этот ответ на его вопрос и есть окончанием разговора.

Да, задирать он меня перестал, на время, так как охранники усилили надзор, его улыбочка и извинения в заблуждение никого не ввели. А я начал приглядываться к работающим рядом. Возившие тележку, лопатами поправляли плохо упавшие камни, чтоб те ложились плотнее, те, кто разбивал камни, отдыхали. Но все равно, нет-нет и на меня поглядывали. Да и на Бешеного тоже.

— Это Бешеный, — шепнул мне Муса, придвинувшись ближе.

Я так и понял! — прошептал я.

— Задирает всех, потому рядом постоянно толкутся стражники.

У двоих гномов, вывозящих мусор, неприязни ко мне не было. Еще двое непонятно как относились ко мне. Их прочесть было невозможно. Вероятно, что безразлично. Четверо, машущих кирками — негативно, видимо, сработали стереотипы, но неагрессивно. Зато крутившийся рядом с заводилой плешивый гном был полностью солидарен со своим хозяином. А в том, что второй есть шестеркой того громилы с соломенной бородой и одержимым взглядом, было понятно с первого взгляда. Преданный взгляд, презрительное отношение к окружающим, раболепное подражание Бешеному.

Часа через три работы нам скомандовали перерыв. Принесли еду и выдали металлические миски. Зажав их в руках, мы выстроились в очередь. Естественно, Бешеный встал в строй первым, его товарищ — сразу за ним. Теперь стало видно другую часть картины: отношение к этому белобрысому быку. Не скажу, что дружеское. Оно колебалось от лютой ненависти, до простого отвращения. Еще один гном терся особняком, стараясь как-то отгородиться, отдалиться от скованного с ним в паре. Тот не протестовал, ему было

«фиолетово». Такой же угрюмый молчун. Поповавшие со мной обедали отдельно.

Когда раздача перловой каши, соленых огурцов, и кусков хлеба закончилась, все расселись на камнях и полу кушать, и ложки застучали о миски, Муса пристроился рядом, и продолжил свой рассказ:

— Вообще-то стражники особо не трутся возле заключенных. Так, только при выходе из штольни сидят, наблюдают, чтобы не волюнили, и за скоростью работы — чтоб не слишком медленно передвигались. Ну, работали чтоб. А в данном случае толкуются здесь, чтобы избежать неприятностей.

— Как этот псих до сих пор жив? — спросил я, откусив кусок огурца. Жесткий, горьковатый, сморщенный и давно засоленный, но на безрыбье, как говорится, и рак рыба. Бывает и много хуже! А они, раки, очень даже ничего, вкусные!

— Да непонятно, в общем-то, — протянул Муса, корочкой хлеба вымазывая остатки каши с миски. — Боятся, что ль?

— И охранники? — приподнял я бровь.

— Да нет, у них-то давно руки чешутся, но, наверное, у них есть четкое распоряжение насчёт него. Они только так — угрожают, предупреждают, ну, дадут пару-тройку кнутов, но на этом все заканчивается. Еще один фактор, почему его не убили другие заключенные — охрана всегда рядом. А драки и убийства жестоко караются! За убийство забивают кнутами до смерти. Ну, а за драку: по семь дали каждому, и хватит. Поверь, этого драчунам хватает! Кожа лопают под ударами!

— Сурово! — наклонив голову набок, задумчиво произнес я.

— Вот, возьмите!

Мне с Мусой на двоих выдали бурдюк с водой. Воды в нем было литра три, остальные со своими ёмкостями, грохоча цепями, потянулись к приехавшей бочке воды. Им приходилось ходить попарно, потому что цепи на ногах были около двух метров длины, и второй расслабляться не мог. Из-за этого на нас с гоблином постоянно косились. Мы отпили несколько глотков и быстро умылись, поливая друг друга на руки. Я стащил с себя куртку и прочее, раздевшись до пояса, и Муса помог мне ополоснуться. То же делали и некоторые другие гномы, водовозы молча ждали.

— Так, все, наплескались! — рявкнул стоящий здесь же старший надзирателей. — Набрали воды, и все!

Я быстро слил оставшуюся воду Мусе на спину. Проходившие мимо два спокойных гнома протянули свой бурдюк, и гоблин смог завершить свою купальню. Мы пристроились в конец очереди, и Муса снова зашептал:

— Тут все разбито на участки. Это называется Гиблый штрек, тут часто бывают обвалы, но жила пока не истощилась, вот и роем. Потом есть Бриллиантовая нора. Случайно обнаружили небольшие залежи бриллиантов. Алмазы выработали, и начали ровнять пол, чтобы положить рельсы.

— А рельсы — это...

— Да, те стальные полосы, по которым движутся вагонетки. Так вот тогда и нашли бриллианты. Потом есть Бесконечная жила, Винтовая лестница — спиралью жила идёт вниз метров на тридцать. Эту спираль, конечно, сравняли, чтоб удобней вывозить пустую породу было, но название прилипло. Потом — Вонючий колодец. Пустоту в скале нашли, начали отходы туда сбрасывать. Сам понимаешь, запахон характерный. Потом есть...

— Чего стоите! Подставляйте бурдюк! — грозно окликнул нас водовоз, и я подставил

наше вместилище для влаги.

— На сегодня работа закончилась, — сказал Муса, возвращаясь из основной комнаты, и волоча за собой два наших тюфяка. Ты укладывайся, не стесняйся!

Гоблин начал деловито убирать мелкие камушки на полу, чтобы не мешали лежать, и пристраивать свой мешок с сеном. Я присоединился к нему, тем же занялись и возвращающиеся со своими «матрацами» гномы.

В начале завала уселись два новоприбывших гнома-надзирателя, еще два — на окончании нашего лежбища. Тьфу, как по мне, было проще этого геморройного гнома убить, чем столько морочиться!

Наконец шорохи укладывающихся поудобнее гномов утихли, только Муса еще гнезвился, все не мог найти себе удобное положение. Свет в фонарях на стенах приглушили, слышались первые похрапывания. Так пришла первая моя ночь под землей.

* * *

Нейлин всхлипнула, тяжело вздохнула и отерла мокрое от слез лицо платочком. Пройдя в ванную, открыла кран, и струйка теплой воды зашумела по раковине. Девушка немного подержала руки под струей, потом решительно закрыла кран. Покрутила другой вентиль, и теперь из крана потекла ледяная струя. Набрав в сложенные лодочкой руки воды, окунулась в нее лицом. Потом еще и еще раз. Приложив холодные ладошки к щекам и постояв так немного, вернулась назад в комнату. Сев на стул у трюмо, начала разглядывать себя в зеркале. Хорошенькое, теперь осунувшееся и посеревшее лицо хранило на себе былую красоту. Нет, ее можно было вернуть, начини девушка снова нормально питаться и перестань плакать ночами напролет, вернись к нормальной жизни. Но, неизвестно, когда это случится. Криста проводила вечера рядом с девушкой, разговаривала с ней, вместе разбирали тексты подаренных Эрландо книги. Да, это девушку отвлекало, она забывалась, но когда она оставалась в одиночестве, воспоминания снова возвращались. И девушка снова начинала плакать.

Уже прошло много времени после его смерти, но воспоминания не оставляли ее. Его короткие волосы, белозубая улыбка, смеющиеся глаза. Его иногда дурацкие шутки, странные выходки, но он был... Был... Любим? Да! Да, он был любим ею! И вот так глупо, даже не объяснившись, они расстались! Расстались навсегда. Она не успела сказать Эрлу о своей любви. Там, на крепостной стене, она уже была готова открыться ему, поведать о своих чувствах. И, насколько она понимала, он ее тоже любил, ведь поцеловал же ее тогда, у ворот крепости! И, как участилось его дыхание, как колотилось сердце, когда он ее обнимал той ночью на стене. Он тоже ее любил! И вот так!.. Нет, так не должно было быть! Слезы ручейками побежали по щекам.

В дверь осторожно постучали костяшками пальцев, и она приоткрылась. На пороге стоял Кален.

— Ты снова плачешь? — грустно спросил ее он. — Я скорблю вместе с тобой, мне тяжело потерять отличного, лучшего друга, наверное, единственного настолько близкого, но... Я не знаю, как это правильно сказать... М... Нейлин, пожалуйста, перестань убивать себя! Отпусти его! Его душа не может обрести покой в вечности! Я слышал, что так оно и есть...

— Ты лучше спроси у нашего священника! — отмахнулась девушка. — После смерти человек получает по заслугам. Ты его хоть сто раз отпевай, гроб хоть по самые края засыпь «пропусками в Счастливые сады», но если он не раскаялся в своих грехах при жизни — значит, за них и будет мучиться в Вечном пламени. И мертвые тебя не слышат. Не присваивай им возможности Всевышнего! Этого никогда не будет. А те, которые видят «родных», пришедших к ним во снах, и т. д. и т. п. — видят нечистого, который хочет их сбить с дороги, заставить согрешить, сделать глупость. Иди к бабке, сделай что-то, что попросил сделать умерший, и дай Нечистому полное право на действие в твоей жизни!

— Да, я понял свою глупость. — склонил голову Кален. — Пойдем на улицу. Подышишь свежим воздухом. И увидев, что девушка собирается отнекиваться, взял ее за плечи и увлек за собой.

На улице было жарко, поэтому Нейлин сняла теплую кофту, оставшись в белой блузе и длинной зеленой юбке. На ногах были мягкие туфельки на невысоком каблучке.

— Пойдем, сестренка, — нежно взял девушку за руку парень, и они пошли по тропинке между хорошо прижившихся зеленых насаждений. За растениями бдительно следила Элизия и приехавший из Кертена садовник. Сейчас они двинулись в неизвестном направлении, видимо, снова осматривать поспевающий урожай на полях. На нескольких лугах в горах была вспахана земля и засажена экспериментальными сортами овощей. Пока все шло отлично, хоть и высаживалось не по сезону, но росло хорошо, и голода в замке не предвиделось. Скорее, даже наоборот: повезут на продажу или же раздадут тем крестьянам, у кого неурожай в этом году. Вот, например, тем, которые летом пришли в эти земли. А может, и то, и другое.

Егор исправно проводил службы у себя в церквушке в Пригорном, сюда навещался нечасто. Да и крестины, свадьбы и похороны тоже случались. Да и в Пригорное начали возвращаться бывшие жители, прознавшие об исчезновении дракона, и о хорошем графе. Да, сейчас граф сменился, уже и графиня есть, жена погибшего, но они тоже отлично хозяйство ведут. Графство стало большим, так как было слияние двух графств. После смерти графа эл Рези было принято решение объединить эти два куска земли под одной рукой. Из стольного града прислали две сотни солдат, а те приехали со своими родственниками, и крепость на перевале снова наполнилась. Ее отстроили, отремонтировали разрушенное, и люди потянулись в прилегающие земли, несмотря на беспокойное время. Жизнь продолжалась.

— Ней, солнце, потихоньку успокаивайся, возвращайся к жизни. Я боюсь тебя саму оставлять! Я сейчас должен ехать в Сарантай, а ты...

Девушка вздохнула, и ответила:

— Езжай, все будет хорошо. Не волнуйся за меня! — Кален приобнял ее рукой за плечи и похлопал по руке. — Все будет хорошо. Когда ты едешь?

— Завтра утром. Хочу еще раз увидеться с тобой, чтобы еще раз убедиться. Я попросил Крису и старого вояку присмотреть за тобой, на всякий случай.

— Так, Кален! — возмущенно воскликнула девушка! — Это уже чересчур!

— Подожди, ты меня не дослушала! — строго сказал квартерон. — Я попросил Вертиго научить тебя обращаться с мечом и луком и приглядеть за твоей физической формой, а то скоро станешь обрюзгшей, жирной бабой!

— Э, ты мне тут не ля-ля! — возмущенно вскинула брови девушка.

— А Крису попросил занять чем-то полезным, а то ты уже и книги ленишься читать!

— И ничего я не ленюсь! — еще больше возмутилась девушка. — Я читаю, только я уже

все прочла!

— И...

— И выучила!

— Ну, тогда я пошлю кого-то из моих парней за новыми книгами в Кертен! Все, никаких возражений! Ты меня поняла, как себя вести?!

— М! — девушка недовольно мотнула головой, хотя было видно, что такой расклад вещей ее вполне устраивает.

— Ну вот и славненько! Пойдем в замок, я жутко хочу пить! Тут жарко, еще и тебя попробуй переспорь, в горле даже пересохло!

— М!

* * *

Пробуждение было ну совсем невеселым. Тело с непривычки ныло, мышцы выкручивало, да еще и недоспал, в общем — полный букет. Вновь, пока мы плескались в воде из фляги, приехала бочка, мы наполнили фляги, и бочка уехала.

— Еду дают здесь три раза в день, просто до завтрака нужно еще часа два киркой помахать. Пойдем. Я сейчас быстренько тюфяк отнесу, вон уже вагонетку толкают!

Гоблин быстро обернулся, и мы приступили к работе. Он вручную таскал камни размером с голову, я набрасывал лопатой. И так два часа.

На завтрак была пшённая крупа и хлеб. Не фонтан, но после труда завтрак пошел за милую душу!

Обедали мы борщом, мяса там не было, за то он был на бульоне. Луковица, кусок ржаного хлеба, и снова пшенная каша. Снова приехала бочка с водой, и мы смогли перед трапезой умыться.

— Вот такие здесь будни! — наставительно произнес гоблин, старательно прожёвывая еду. — И так изо дня в день! И до самой смерти пашешь! Но хоть жалеют работников. Банехор ресурс, то есть нас, бережет, не расходует, ему нужны рудокопы. Так что еще и хорошо живем, можно сказать.

— А за что тебя сюда?

— Так, лазил по горам. Далеко забрался... Набрел на руины интересные. Это было на небольшом горном луге. Забил себе косулю маленькую, развел костер, остановился на ночь, зажарил мясо. Прилег поспать, а утром... Нашел меня отряд стражи, проверявший наличие этой груды камней. Вылезли они где-то там, в подвале этих руин. Выход на поверхность у них там!

— И чё?

— Захват, суд, и... «Оскорбил святыню!» Тьфу! Вышел из болот мир повидать, елки-бревна!

— Это кто тебя — Сортир, пардон Сартор?

— Вот-вот, первый раз ты правильно сказал — Сортир. Он самый, голубчик!

Гоблин презрительно сплюнул.

Нас подняли гневные крики стражи, подобрав свое орудие труда, мы вернулись к работе. Не зря я ожидал от Бешеного пакостей. Ничего умнее не придумав, он снова начал сыпать мне каменную крошку на спину. Я стоически это терпел, но, в конце концов, когда

он снова занес лопату, отошел от него подальше, и показал ему оскорбительный жест рукой. Он побледнел от ярости, но не смог ничего сделать, так как стража обратила на него внимание. Чем дальше, тем хуже!

После ужина, когда все начали укладываться спать, Муса притарабанил наши тюфяки, и мы расселись на них, начали болтать о том о сем, с главного зала послышался какой-то грохот. Стражники сорвались с места и побежали к выходу, проверить, что там, а мы стали гадать, что могло произойти.

— Чего расселись? — глумливо произнес голос из-за наших спин.

Сзади стоял Бешеный с дружкой и вызывающе глядели на меня.

— Вот ты человек, то есть вонючее животное, и ты воняешь на всю штольню, но нас интересует другой вопрос, — с мерзкой улыбкой, и таким же мерзким и писклявым голосом проговорил его друг. — Вот не сделать бы из тебя нам себе барышню?!

Фу! Меня чуть не вырвало! Передо мной стояли извращенцы, и их род занятий вызывал у меня сильнейшее отвращение, вплоть до приступов неконтрольной ярости.

— И пока стража отвлечена очередным обвалом, мы...

Обходящий меня бочком гном подошел слишком близко, и я ему от души вмазал ногой между ног. Это чтоб мозгов добавилось. От боли у него перехватило дыхание, а на меня ринулся Бешеный. Остальные с открытыми ртами наблюдали за дракой. И только Муса бросился мне на помощь, спеша нейтрализовать моего противника, ища подходящий камень.

— А вам что, друг друга не хватает, гомики?! — сквозь зубы процедил я, пиная плешивого в лицо.

От удара я упал на спину, из расквашенного носа и разбитых губ текла кровь. Голова гудела соборным набатом, перед глазами мельтешили белые точки. «Нет, ну ты смотри! — как-то зло и грустно подумал я. — Опять этот мальчик, который дал девочке тазиком по голове, и сказал: «Все эти звезды я дарю тебе!».

Сквозь пульсацию крови в ушах я услышал хруст камешков под сапогами и понял, что нужно что-то делать, иначе меня убьют. Я начал шарить по полу, выискивая камень. Второй удар пришелся мне в висок. В ту часть, что возле самого глаза. Сквозь жуткую боль я бросил в нападавшего камень, который поднял в последний момент перед тем, как он ударил меня ногой. А потом я потерял сознание. Сплошная чернота.

Нейлин спала, свернувшись клубочком, всхлипывая во сне. Как же она повзрослела за прошедшее время! Или это горе наложило на ее свою печать? Ведь ей всего-ничего — двадцать четыре! Хоть и выглядела она лет на восемнадцать, но сейчас она быстро восстановила на лице свой настоящий возраст! Как же она осунулась, посерела! Она ведь не знает, что я не умер, я жив! Не знаю, надолго ли, но жив! А хотя, может, я уже и умер, раз я здесь... «Эрл, любимый, не уходи!» — вскрикнула она во сне. Из-под ресниц выкатилась слезинка. Мое сердце сжалось от боли, я подошел к девушке, присел у изголовья на корточки и положил ей руку на голову. Странно, но она даже не проснулась!

— Любимая, не плачь! — дрогнувшим голосом прошептал я. — Не плачь, прошу тебя! Я жив, и я вернусь! Я тебя люблю!

Губы девушки тронула улыбка, она подтвердила, что поверила моему обещанию тихим «угу», и уснула спокойным сном. Надеюсь, она больше плакать не будет.

— Только ты никому не говори, пусть это будет наш маленький секрет!

«Угу»...

А-а-а!.. Насколько зверская боль в голове! Я попробовал шевельнуть рукой, но голова отозвалась очередной вспышкой боли.

— Ура! Ура, капец всем тюленям! — послышался радостный вопль Мусы. Я сдавленно застонал.

— Тихо, придурок, не ори! — звук увесистого подзатыльника. — У него сейчас знаешь, как голова болит?!

— Слышь, ты, сам не ори! — громким шепотом возмутился Муса.

— А при чем тут тюлени?

— А кто такие тюлени?

— Так тюлени, тихо! — цыкнул на говоривших Муса.

— Эй, бледнолицый! Ты меня слышишь?

— Ммммм... — тяжелый стон.

— Значит, слышишь! Тебе что-то дать?

— МыМы...

— Ага, воды! Так, тюлень, дай свой бурдюк! Та не жмись, видишь, человеку плохо! Я наш посеял где-то! Так бы и сразу! Ану, сыночек, делай ааааа....

Я приоткрыл рот, и в него тоненькой струйкой потекла вода. Когда рот наполнился, гоблин перестал лить, я закрыл его и глотнул набравшуюся воду.

Таким вот образом я всосал пол-литра воды.

— Вот какой хороший мальчик! — сказал гоблин, когда я отказался пить. Оставшуюся воду он вылил мне на лицо и голову, чем знатно облегчил мои страдания.

— Во какой смышлённый зеленый человечек! — ехидненько прошептал я.

— А не ной ты, я сказал, перелью тебе воду со своего бурдюка! Ты запарил! — это к кому-то, у кого была экспроприирована вода.

— А ты не обзывайся!

Ну, это уже ко мне. Я показал гоблину язык, так и не открывая глаз, и уснул.

— Ну, что с ним? — послышался голос Банехора.

— Нормально вроде. Вон ребята говорят, ночью в себя пришел, воду пил, разговаривал.

— Понятно. Ну, вы его поите Плесенью, за неделю на ноги встанет!

— А как же с... он же Бешеного ушатал...

— Хм... Так и быть. Бешеный сам нарвался, да и тут явно самозащита была, так что... Как на ноги встанет — одного кнута будет достаточно. Чтоб другим неповадно было.

«Благо, хоть не до смерти! — подумал я. — А то уже давно бы того. Возможно, даже не суетились вокруг, а сразу: хлобысь — и все. Вот так.

— Эй, дружище, ты как? — услышал я рядом спустя некоторое время, когда, судя по шуму, сверху на лебедке спустили казан с едой. — Ты кушать будешь?

— С удовольствием! Не откажусь! — произнес я, силясь усесться. Раза с четвертого, преодолевая боль, и с помощью моего зеленого друга все же сел на тюфяке. Открыв глаза, я почувствовал, что открылся только один, и то, не полностью! Осторожно ощупав лицо, я понял, почему у меня такие проблемы со зрением. Правый глаз закрывала гематома, краем докатившаяся к левому. Пучками пальцев потрогав и выяснив ее размеры, я печально вздохнул. Муса уже принес мне тарелку с гречневым супом, снова на бульоне. На второе —

сухая гречневая каша, луковица и кусок ржаного хлеба.

— Вот, нашел нашу флягу. Возьми, запей!

Муса заботливо вручил мне бурдюк, я сделал из него несколько глотков и искренне поблагодарил его.

Через неделю я действительно был на ногах. Муса поил меня Плесенью (название происходило от запаха этой микстуры), и мастырил мне глаз зеленой жижей, но мазь была уже его личной инициативой. Он прибегал ко мне в перерывах на обед и рассказывал свежие новости. Дружок Бешеного стал тише воды ниже травы, такой строгий контроль сняли, и теперь в шахте осталось только четыре охранника, на ночь приходили другие шесть стражников. Жизнь стала более спокойной. Ну, а когда я вернулся в строй, то стала даже веселей. Хоть было с кем поболтать!

«...а год уйдет, и больше не вернется, не повторится в жизни никогда...»

Строчки из песни.

На следующий день после того, как я пришел в себя, я узнал подробности драки. Бешеный добить меня не смог, так как я, с последних сил, бросив камень, угодил острым углом ему точнехенько ему в глаз! Скажете, глупо?! А то! Сам удивляюсь своей везучести! В общем, теперь убить меня хотел только «подружка» Бешеного, но так как скорости его передвижения значительно уменьшилась после моего удара, доползти ко мне он не успел, прибежали на истерический рев зеленого человечка охранники. И сначала решили, что мы оба скопытились! Я тоже был «не фонтан»: все лицо в крови, возле моей тыквы уже собралась небольшая лужица, а Бешеный вообще в ней плавал! Быстро сориентировавшись на вопли Мусы, они оказали мне первую помощь. Ну, там, непрямой массаж сердца, дыхание из рта через тряпку в рот. Ну, брезговали они, а что?!

Вот так.

А дальше поползли нудные будни. Сон, несколько часов работы, приём пищи, работа, обед, работа, ужин, сон. Количество охраны срезали до четверых гномов, а без Бешеного, работа стала веселей. Его дружка перевели, и его судьба была нам неизвестна. Краем уха один заключенный услышал разговор охранников, и там упоминалось о каком-то гноме, которого «загноили» до такой степени, что он от безвыходности и отчаяния бросился в какую-то выработанную штольню. Было предположение, что это был тот шакал, который ходил с Бешеным, а после потери покровителя не нашел другого выхода, как покончить жизнь самоубийством, дабы избежать расплаты.

Нас постоянно развлекали два гнома, заслуженные Мастера-механики, которые бесконечно спорили о своих мысленных расчётах. Их новые машины и проекты были выстроены в их воображении, и они спорили — поднимет данный механизм такой вес с минимальной затратой ресурса, отопит ли этот котел здание с таким количеством комнат и с такой квадратурой. Сможет ли некий механизм закинуть ядро на расстояние в n -ное количество километров. Естественно, их кнутами не били, награждали тумачами, вопили, но не больше. Они катали тележку с базальтом, так как давать им кирки было гиблым делом. Они больше бы разговаривали, нежели работали. Тумачи тоже мало помогали, так как за день они могли понабивать себе больше фингалов, чем им набивали охранники. Вагонетку возили вчетвером, так что их подгоняли и работающие с ними гномы, чтобы не отвлекали и помогали толкать.

Ну, а больше никаких интересных происшествий не было, ничего, что стоило бы внимания. Разве что ладони были стерты чуть ли не до кости, каждый вечер они мазались волшебными, чудодейственными мазями гномов, состоящими из грибов, мха и плесени.

Где-то через два, три месяца мы закончили разгрести завал, и приступили к выковыриванию девственной породы. Тут дело пошло уже тяжелей.

По прошествии неопределенного количества времени мои ладони загубели, стали мозолистыми, куда и подевалась былая мягкость кожи. В голове появились первые седины (и это в моих-то неполных тридцать лет!), на лице появились морщинки, глаза поблекли. Тело стало жилистым и бледным, а что вы думали, год не быть на солнце, и временами слышать потрескивание гор! Тут волосы не только поседеют, но и выпадут!

Отступление 2. Прошло полгода после 1-го

— Ней, привет! — улыбнулся Кален, входя в комнату.

Девушка сидела за столиком, уставленным косметикой, и протирала личико хлопковой ваткой, смоченной в какой-то настойке, стоящей здесь же, на столике.

— Ней, ты с каждым днем выглядишь все лучше и лучше! Можно задать тебе один вопрос: что случилось с тобой в ту ночь? Тебя как подменили! Ты стала совсем другой!

— Кален, ты заигрываешь? — Девушка лукаво взглянула на эльфа из-под ресниц.

— А если и так, то что? — приподнял бровь квартерон. — Ой, подруга, успокойся! И в мыслях не было! И, предупреждая твой вопрос, скажу: ты — потрясающе красива, но ты мне нравишься, как девушка, а любви я к тебе не испытываю. Разве как к лучшему другу и как к сестренке.

— Ой, спасибочки! Ты мне льстишь! — девушка мило улыбнулась.

— И все же, не избегай вопроса: что произошло? Тебя больше не задевают воспоминания о нем, и на твоём лице мелькает только грусть о нем, и видно то, что ты за ним скучаешь. И...

— Он жив, — прервала его словоизлияние Нейлин.

— ... и создается впечатление, что ты уверена, что он жи... Чего?!

Глаза эльфа округлились и стали похожи на два грецких ореха... В коже.

— Он жив. Я в этом уверена.

— И все это время ты жила с уверенностью, что он...

— Да, поверь мне. Я знаю, о чем говорю.

Эльф встал со стула, стоящего рядом со столиком, мгновение спустя вновь сел на него, затем нервно заходил по комнате. Пальцами правой руки он тер лоб, его лицо отражало взволнованность.

— Ты мне сейчас говоришь правду? — спросил он, облокочиваясь на спинку стула. На стуле часто сидела Криста.

— Я знаю, ты считаешь меня ненормальной, но эта мысль — единственное, что удерживает меня на плаву.

— Нет, все хорошо, — лицо эльфа обрело нормальный цвет. — Я все понял, да, такое явление есть. Все хорошо. Я так тебя понимаю. Это чем-то похоже на мои надежды, что я вновь обрету память, и узнаю, кто была моя мать, отец, и кто сделал это со мной. И тогда я смогу отомстить.

— Если честно, то я уже жалею, что сказала тебе об этом.

— Перестань. Я тебя понял! И я не жалею, что встретил тебя тогда. По крайней мере, сейчас и не собираюсь жалеть. Вернее, о том, что вас всех встретил, я вовсе не жалею, боюсь

пожалеть о чем-то другом, упущенном. Вдруг я не успел, не смог сделать чего-то очень важного.

— Я тоже тебя поняла, Кален. — Нейлин подошла к эльфу, и нежно провела рукой по его щеке. — Я тебя люблю, братишка! Ты мне роднее всех.

Кален обнял девушку, притянул к себе, и крепко-крепко прижал к груди. Она положила голову ему на плечо, и так они простояли несколько мгновений.

— Бери куртку, и пойдем вниз!

А на улице стоял мороз. Мороз был сильным и хорошенько щипал за щеки. Непривычно для этих земель! Хоть бы не замерзли деревья и озимые сорта пшеницы.

— Поедем, покатаемся на лошадях?

— А давай, почему бы и нет?

— Я лук возьму, проедем немного, может, горного козла встретим, или косулю какую завалиющую. Ходя, до ближайших больших лесов далеко, а в леске, по правую сторону от замка, крупнее белки и косога вряд ли что-то встретишь! Ладно, хоть так, хоть так возьму!

Они выехали из ворот замка и рысью поскакали по направлению из горной долины, где решил разместить свой замок ныне покойный граф Эрландо Эрнст. Дорогу успели сравнять, и она стала заметно удобней с того времени, как они впервые попали сюда. Время проходит, все меняется. А надежда в сердце девушки живет!

Домой они вернулись, когда стемнело, через седло эльфа был перекинут горный козел.

— Растопите камин в малом зале, и принесите вино! — распорядился эльф. — И пусть прислуга сварит картофель, и нарежет салаты. Кристу не беспокойте!

Слуга поклонился, и убежал выполнять распоряжения, а парочка друзей, переодевшись, уселась у камина. Душевно пообщавшись и засидевшись далеко за полночь, довольные, разошлись по комнатам. А завтра жизнь потекла прежним руслом.

Конец отступления.

После событий, описанных в нем прошло еще полгода.

Итого, год, проведенный под землей.

После лёгонького обеда пшеничной кашей, луковицей и куском хлеба, который гoblin деловито завернул в тряпицу, резонно заявив, что пшеничная каша, это тот же хлеб, только вид сбоку, присоединив к нему свою луковицу, мою мы съели с ним напополам. Запив еду водой из двухлитровой мятой фляги и закинув ее в мешок, где уже притаились заботливо сложенные Мусой хлеб и луковица, мы смотали мешки, на которых сидели, подняли кирки и лопату, двинулись назад в штрек.

Настроение было, как говорится, — ни холодно, ни жарко. Человек — чудное создание — привыкает ко всему. Недели вымахивания киркой, долбя породу, в надежде найти хоть немного алмазной руды, выматывала, приедались, задалбывали до тошноты, прочно оседали в печенках и подбиралась к почкам. Днем — грохот ударов о камень, сплевывание пыли, каменной крошки, запах пота, жжение кровотокащих ранок, нанесенных отлетающими во все стороны острыми камешками. Голова пригибается, и ты систематично, тупо гасишь

киркой в стену. На небольшом от тебя отдалении стоит гном, или гоблин, и наблюдают за породой, отлетающей под ударами. Если вдруг попадается алмазная крупца, работа останавливается, кто-то из отдыхающих вооружается кайлом, осторожно вынимает камень, относит его в начальную штольню, кладет в ящик, и работа продолжается. Наши успехи за прошедший месяц означились тремястами граммами ценной породы.

Дедушки вывозили мусор, а к нам прислали еще одного напарника, того угрюмого и нелюдимого гнома, который на поверку оказался довольно неплохим малым. Его вечно подкалывал Мусса. Не было и дня, чтобы гоблин чего-нибудь не учудил. Вот так и жили.

— Сурнгин, как ты сегодня себя чувствуешь? — зашел издалека зеленый коротышка, и я понял, что этот мелкий подготовил очередной прикол.

— Да нормально! — сказал гном.

— Ты уверен? — заискивающе сказал гоблин, поднимая и опуская брови. — А ты прислушайся к себе!..

Гном остановился на время, действительно прислушиваясь к своему организму, склонив голову набок и скосив глаза к потолку пещеры.

— Ну, ничего не чувствуешь? — гном мотнул головой, но уже начал подозревать какую-то подставу. — Значит, еще не взяло! Скоро так возьмёт, кислым не покажется!

— Ты что сделал, негодяй?! — взвыл испуганный гном. Зная Мусу, он мог учудить что хочешь!

— Жди, мой дорогой, жди! Гы!

— Муса, мы уже год долбим этот камень, а ты все не можешь успокоиться! — укоризненно произнес я.

— Не, ну ты сам посуди: если бы не Суги, ты бы, да и я, все уже бы давно померли со скуки!

С ним невозможно было не согласиться.

— Тихо!.. — произнес Муса шепотом.

Гном уже занес большую ладонь, чтоб отвесить гоблину мощный подзатыльник, от которого тот отправился бы в полет до ближайшей стены штрека.

— Тихо, я сказал! — зло зашипел Муса.

— Вы слышите?!

Раздался громкий треск, вопли тех, кто возил вагонетку, а потом грохот очередного обвала камней. Он начался при выходе из штрека, и обвал, судя по пыли, поднимавшейся от свалившихся камней, с жуткой скоростью приближался к нам. Гном, гоблин, да и я, наверное, возопили дурным голосом во всю глотку. Ну, а кому хотелось так умереть, и не умирать же с улыбкой на лице, страх заставляет не улыбаться, а пробуждает в груди истерический крик. Вот в пятнадцати метрах от нас рухнул огромный, размером с нашу вагонетку, камень, под нашими ногами камень содрогнулся, раскололся, и мы полетели вниз.

Когда все очнулись, оказалось, что мы лежали на полу пещеры. Вокруг нас были разбросаны обломки камней, прямо над нами нависла огромная глыба, упершаяся боком в небольшой камень, и именно он удерживал ее на расстоянии сорока сантиметров над нашими лицами.

Истерично всхлипнув, мы осторожно полезли из-под этой нависшей громады, а то не дай Бог что-то случится с этой дрянью, и она как грянет на нас, и останется от бедных

рудокопов один «чвырк»!

Отбежав на безопасное расстояние, мы начали рассматривать последствие обвала шпрека.

Глыбы камня основательно завалили проход за нами, они громоздились до самого потолка, где гипотетически было отверстие, в которое мы провалились в эту пустоту в породе. Овалом она уходила за наши спины и скрывалась в черноте, которую не могли осветить наши нашлемные фонарики.

— Приплыли... — констатировал факт гном. — Как думаете, завал успеют разобрать до того, как мы помрем от жажды и голода?

Гоблин поправил на плече котомку с нашим недоеденным завтраком, я проверил наличие бурдюка с водой у себя на спине. Во время работы с плеча сбрасывалась одна шейка, он передвигался на грудь, с него отпивалось несколько глотков, и он вешался на место.

— На раз покушать хватит... и то, не покушать, а понюхать, — сказал гоблин.

— Воды дня на два, если сильно экономить, и пить раз в день по несколько глотков, должно хватить.

Мы угрюмо воззрились друг на друга, в свете фонариков разглядывая наши запыленные лица.

— Скоро закончится вода, начнет мучить жажда... — уныло заговорил Муса. — Мы сделаем надрез на запястье гнома, и будем пить с него кровь. Таким образом, мы утолим свою жажду. Но крови у него не бесконечное количество, и он станет захиревший, и будет обузой. Мы убьем гнома и съедим.

Это было произнесено настолько серьезно, что мы удивленно уставились на зеленого человечка.

— Готовься, Суги. Недолго тебе осталось.... - гоблин подошел ближе, и похлопал того по плечу.

Гном пришел в дикую ярость и с ревом погнался за улепетывающим гоблином, а у меня мелькнула мыслишка, что они уже сходят с ума.

— Суги, успокойся, я шутил! Лучше смотри, тут выход!

Я побежал в том направлении, где мелькали далекие лучики фонарей. И только сейчас обратил внимание на то, что у меня начинает болеть рука, и поднес ее к лицу. Моя ладонь цепко держала кирку. От нервного срыва рука занемела, и мне пришлось разгибать пальцы, чтобы освободить свой инструмент. Я подошел к ребятам, растирая запястье, кирку я повесил в петлю на поясе.

В свете нашлемных фонарей перед нами раскинулась пещера. На ее полу росли кристаллы. Нет, не те, которые были одной из составляющей лампы, хотя и эти присутствовали. Прозрачные, как слеза младенца, с голубоватым отливом.

— Слава богу, мы выжили! — радостно пискнул Муса. — Мы выжили, ребята! Суги, дай я тебя поцелую!

Гоблин, вытянув трубочкой губы и расставив руки, потянулся к Сурнгину.

— Тьфу ты, гадость-то какая! — сплюнул тот в сторону, выставляя перед собой руки. — Уберись, извращенец!

— Да нет, ты не понял! — Муса игриво захопал ресницами и сально улыбнулся. — Я по-дружески — в щечку!

Гоблин, чмокая губами, показушно широкими шагами направился к взвизгнувшему

гному.

— Так, извращенцы, успокойтесь! Смотрите сюда!

Игривые мальчишки успокоились и подошли ко мне. Я продолжал стоять, разглядывая громоздящиеся кристаллы, растущие, как стриженные под шары туйки. Разве только из этих шаров выступали разные фигурные отростки.

— Я торчу!!! — вскрикнул гоблин, разглядывая все это искрящееся великолепие.

— Откуда?... — удивился Суги.

— Тормоз, это иносказательно! — поучительно заявил Муса, и замахнулся, чтобы отвесить «тупому гному» подзатыльник. Тот боковым зрением заметил движение руки зеленого, и, вскинув руку, щелкнул гоблина по носу.

— Ай! — обиженно взвизгнул гоблин.

— Кто как обзывается, тот так и называется, — хохотнул Сурнгин.

— А это-то здесь при чем? — потирая ушибленную часть тела, вытаращился Муса.

— Это тоже иносказательно, придурок! — Щелк по уху. — Ты первый полез, вот и получил!

Толстеный коротышка захохотал над своей шуткой, и радуясь за два смачных щелбана другу, он закинул голову, и, подражая Главному Злодею, раскатисто захохотал: «Ха!.. Ха!.. Ха!» Но смех тут же оборвался, так как обиженный Муса подкрался сзади, с двух рук щелкнул гнома по ушам, и закрепил все это дело пенделем от всей души под зад!

— Ха!.. Ха!.. Бу-га-га!

Его смех «Главного Злодея» быстро перешел в довольный залиvistый хохот.

— У-у-у-у, сопля ты мелкая! — взвыл гном, и бросился за улепетывающим во все лопатки худющим зеленым другом. Шкарбалеты того гулко бухали по полу (если бы не туго затянуты шнурки эти сапожища давно потерялись бы). Я, посмеиваясь, двинулся за ними, прихватив валяющуюся тут же кирку. Но потом остановился и крикнул вдогонку шалопаям:

— Ей! Вернитесь! Есть дело! — доселе незаметное (на него просто не обращали внимания) эхо загуляло под высоким сводом пещеры. Но всем моим намерениям не суждено было сбыться...

Часть пустоты, находившаяся под штреком, где мы долбили камень, и в которую провалились после обвала основного коридора, загудела, мелко завибрировала, и я бросился прочь.

Через мгновение из коридора выкатился валун размером с колесо телеги, а за ним рухнул «потолок» спасшего нас прохода. Кирка и брошенная совковая лопата остались лежать при входе в огромный зал, погребенные под тоннами камня. Я сплюнул новую порцию каменной крошки и пыли. Все. Теперь нас в ближайшие...надцать лет не сыщут! Нужно двигать вперед, главное, чтобы выход был из этого подземного зала. Тогда все будет «зашибись», как говорит Муса.

— Хух, Эрли, ты жив! А то я чуть в свои сапоги-бродуны не наложил, когда обрушилось тут! — сказал Муса, подходя ко мне и мотая головой, освещая рассыпанные по полу камни.

— Оп-па! — гулко крикнул гном. — Ну-ка, ну-ка, посвети!

Сурнгин деловито раздвинул нас в стороны, добавил яркости фонарю на каске и поперся по завалу, иногда спотыкаясь на шатающихся камнях. — Прум-пум-пум...

Он деловито откинул в сторону несколько камней, поковырял рукой в образовавшемся зазоре, сплюнул и взялся за камень побольше. Мы с Мусой с интересом за ним наблюдали.

— Ну, чё, жалкие людишки, я теперь богач! — с гаденькой улыбкой заявил гном,

разворачиваясь к нам. В руках он держал алмаз размером с голову гоблина. Наши челюсти гулко грянули о пол.

Во дела! У нас в руках огромное богатство, измеряющееся тоннами золотых, а мы находимся под землей, и за него не дашь и ломаного гроша! Гном водрузил алмаз на большой валун и стал его разглядывать. Это было чудо света! Такой огромный камень, наверное, не находил еще никто!

— Ребята, мы богатые! — зачарованно произнес гном, двигая головой, и в свете его фонарика по стенам забегали блики света, отражающегося от алмаза.

— И не говори! — воскликнул Муса, но потом вздохнул. — Ребят, мы будем богачами тогда, когда мы выберемся из-под земли, а сейчас... Я так переволновался, что мне жуть как кушать хочется!

Прислушавшись к себе, я понял, что мой желудок тоже желает чего-нибудь съестного.

— А пойдете, посмотрим, может здесь есть съедобные грибы, — предложил гоблин, и мы отправлялись в обход подземного зала. Он поражал своими размерами. Спустя десять минут мы слышали шум воды.

— Хоть одно радуется: от жажды не помрем! — облегченно вздохнул я.

Небольшая струйка воды появлялась из-под земли, вернее, из каменной толщи, и нешироким ручейком бежала куда-то в темноту подземного зала. Мы упали на колени рядом с родниковой водой, настолько чистой и прозрачной, что если бы не блики воды на ее поверхности, то и не увидишь! Наклонившись и сделав несколько небольших осторожных глотков, мы откинулись назад, присев на пятки согнутых ног.

— Вку-у-усно! — причмокнул губами гоблин.

— Ледяная! — поддакнул Сурнгин. — И сладкая!

— Да, ребятки, вода что надо! Муса, доставай наши харчи, кинем кусочек в рот.

Муса хозяйственно дернул котомку у себя со спины и начал извлекать оттуда наш скудный харч.

Лук нарезали моим малюсеньким складным ножиком, о котором я и думать забыл. Он был надежно зашит в моей кожаной одежде в поясе ушитых штанов. Однажды я выпросил у охранника нож и клубок прочной бечевы и под их бдительным надзором в «ночное» время занялся перекройкой штанов. Дело было не из лёгких, трудился я до «первых петухов», но результат того стоил. Подогнанные под меня штаны из толстенной, чуть ли не носорожьей кожи (зверя так и не определил, а спросить не подумал), на коленях и локтях — нашивки из обрезков кожи, да еще и грубые рукавицы с двойными ладошками.

— Силен, силен... — протянул охранник, созерцая мои труды.

— Молодец, парень!

За тот прошедший месяц ко мне уже привыкли, относились нормально, так что можно было и поговорить спокойно. Ну а что, спокойный парень, не дебоширит, не хамит, не волынит от работы, чего придирааться? Правда, поначалу страх как надоело рассказывать каждой смене о жизни на поверхности — там, за горами, да еще и по несколько раз, но потом страсти улеглись.

Пришили мне прозвище Граф, и только Муса экспериментировал с моим настоящим именем. Я у него был то Эрли, то Эрля, Эрл, и еще куча разных интерпретаций моего имени. Однажды он выдал вообще что-то не понятное — Элиазар, но на следующее утро он его забыл и пристал ко мне, что же он вчера придумал, но я только хитро усмехался.

Весь день он ходил и, беззвучно шевеля губами, пытался вспомнить, а в конце снова

вернулся к Сурнгину.

— Нож у тебя давно? — вкрадчиво спросил зеленый.

— Ну, да, с самого начала.

И ты все это время молчал?! — обиженно взвыл гоблин.

— А что здесь такого? — удивленно повел бровей я.

— Да ты знаешь, сколько всего можно было сделать ножом?!

— Сколько? И чего именно?

— Ну, например... Например... Например, пример на... Да много чего!

— Не знаю про «много чего», пока что я никаких веских доводов я не услышал.

Лук и хлеб мы съели быстро, так как это было «с гулькин нос», запивая большим количеством воды, чтобы хоть некоторое время чувствовать набитым желудок. И, наполнив бурдюк водой, мы побрели на поиски съедобных грибов. Обходя пещеру под стеночкой, мы убедились, что зал достаточно большой.

Мы прошли уже около двухсот метров, а завала, с которого мы появились видно не было.

— И, все же, придется есть гнома, — уныло вздохнул Муса, косясь на Сурнгина. — А его мясо точно жесткое, а может, и ядовитое!

Суги зарычал, а гоблин только отмахнулся. Мы прошли еще сто метров, и решили остановиться.

— Ребят, я не знаю как вы, а я уже жутко устал! — сказал я. — Голова трещит по швам, думаю, это после обвала. Я бы очень рекомендовал...

— Парень, ты читаешь мои мысли! — пробасил гном. — Давайте будем искать место ночевки!

Такое очень скоро обнаружилось: в толще скалы под воздействием природы образовалась небольшая впадина, угол, в самом широком месте. У выхода он был метра три шириной, а вглубь около трех с половиной. Конечно, он был со щербинами, выпуклостями и выпирающим на сорок сантиметров камнем с одной стороны в сорока сантиметрах от входа. Но, как бы ни неудобно там было, но не на «сырой земле» же! Уютней немного.

Гном ненадолго отлучился, принес с собой целую кипу сухого мха, и, свалив его, нашел два подходящих камня, минут двадцать ими колотил друг о дружку, пока мох наконец не начал тлеть. Гном склонился и начал осторожно раздувать тлеющую искру. Спустя минутки полторы мох тлел уже уверенней, а потом мы почувствовали исходящее от него тепло.

Мы придвинулись поближе и вытянули руки над тлеющим сырём. Так приятно было ощущать тепло огня под своими руками, что, казалось, от счастья кружится голова. Столько времени под землей, в собачьем холоде, и тут — такая радость в виде тепла! Кстати, а почему холод «собачий», никто не задумывался? Собачий так собачий, чего тут париться, главное, что в полноте характеризует ощущения!

Пока мы так грелись, гном принес еще охапку мха, а потом мы поднялись все втроем и пошли за запасом на ночь. Притащив кучу малу сего чудесного топлива для огня и для подстилок, мы разделили дежурства, и улеглись спать.

Первым дежурил Сурнгин, а мы сладко дрыхли поближе к «печке». Спалось преотлично!

Казалось, ну только уснул, и тут тебе на ухо вопят! Воспаленный от недосыпа мозг жутко тормозил, прежде, чем стало понятно, что вопит гном.

— Аааа, парни, просыпайтесь!

Я вскочил, как ужаленный, протирая глаза, и оглядываясь по сторонам. Когда глаза мои наконец сфокусировались, и я обрел возможность видеть и мыслить, у меня дыхание перехватило от ужаса. Черная четвероногая тварь с блестящими во тьме глазами. Огромное рыло с бивнями, угрожающе торчащими вверх. Нос пяточком, маленькие крысиные уши, когтистые лапы, толстое туловище длиной полтора метра и высотой метр с копейками. Если у страхолюдины и был хвост, то он скрывался во тьме.

— Ёшкин кот... — протянул появившийся рядом гоблин.

— Это, что ли?! — удивился я. Нет, а что, я его никогда не видел, кота этого! Может просто его хозяина Йошка или Ёшка звали?!

— Та не, это каменный боров.

— И что, такой опасный? Выглядит страшно...

— Да, страшный, что капец!

И тут эта каменная свинюшка решила перейти к действиям. Тварь наклонила голову, шумно выдохнула воздух, и...

Угол, в котором мы прятались, наполнился ярким светом и воплем трех глоток, а за ним — истошным визгом. Гоблин не растерялся и врубил свет на всю в своем фонарике, который до этого был полностью выключен, едва-едва светил нашлемный фонарик Сурнгина. Я с гномом заорал от испуга, а гоблин для устрашения. От того же испуга Сурнгин маханул киркой со всей силы, и каким бы ни был бронебойным и прочее, прочее, но против ужаса, который придает силы...

Острие кирки вошло глубоко в мозг, и зверь умер в мгновение, даже пискнуть не успел. Огромная туша, постояв еще несколько мгновений, рухнула на землю, вокруг головы начала растекаться темная лужа. Гном бессильно опустил на землю, а гном, наконец, прикрутил луч своего фонарика.

— Пф-ф-ф-ф... — выдохнул Муса. — Вот свезло так свезло!

Гном продолжал молча сидеть. Его мелко трясло.

— Сурнгин, ты теперь у нас спаситель! — сказал гоблин, хлопнув друга по плечу. — За что я тебе благодарен от чистого сердца!

Гном только и кивнул.

— Эй, Сурн, ты чего! — подошел я к нему. — Успокойся, уже все позади!

Гнома отпустило минут через двадцать! Он тряхнул головой, поднялся на ноги и пошел вокруг туши, оглядывая добычу.

— Ребят, это же теперь у нас мясо есть! — воскликнул повеселевший гоблин. — Суги, мясо есть! Можно наесться от пуза!

— О да! — закивал гном, похлопывая тушу по боку. Теперь мяса у нас действительно было валом. Им можно было объесться до спазмов желудка и тошноты.

— Суги, на тебе — добыча горючих веществ, а я разделаю эту тушку. Ты мне только кирку с головы вытащи.

Гному пришлось поднапрячься, чтобы извлечь упомянутый предмет. Он засел глубоко и прочно, и ему довелось упираться ногами в голову, а руками тянуть за крестовину кирки до тех пор, пока он, как мячик, не отлетел в сторону от туши мертвого кабана.

— Ну, все, я пошел, а вы тут трудитесь над мясом!

Он деловито взвесил свое оружие в руке, я же вытащил ножик из потайного кармашка. Да, он маленький и смешной, зато не ногтями же скрести тушу!

— Давай! — протянул руку гоблин, да и я ничего против не имел! Не хотелось мне возиться с этой тушей.

Муса деловито закачал рукава, открыл ножичек, хмыкнул, потрогал пальцем лезвие и снова хмыкнул, только теперь одобрительно:

— Что-что, а металл у гномов всегда был отличным! Ну, приступим!

Гоблин с моей помощью с огромным усилием перевернул кабанчика на спину, оттянул вбок переднюю лапу зверя, и сделал надрез подмышкой, там, где самая мягкая кожа, а затем черкнул разрезом грудь твари от лапы до лапы. Под толстой кожей блеснуло белое сало.

— Эй, стойте! — послышался крик гнома. — Стойте!

— Смотрите, что я нашел!

Гном вывалил на пол кучу непонятных стручков и палочек. — Осмалим кабанчика, будет вкусней!

— Да, действительно! — подхватил гоблин.

— А без части кожи его осмалить можно? — скромненько поинтересовался я.

— Это еще зачем?! — удивленно возрились на меня друзья.

— Да я тут подумал: а в чем мы будем переносить добычу. Нужна же кожа сырая...

Мои спутники крепко задумались.

— Так-то оно так, но если ее нести сырой, то быстро испортится все... — печально произнес гоблин. — И такой кучи мяса нам не унести.

— Ладно, давайте будем думать в процессе, пока ветки носить будем. Жарить и осмалить все равно нужно. Муська, оставайся здесь, а мы с Эрлом ходим за местным хворостом.

— Кто-о? — взвился Муса. — Как ты меня назвал?!

— О-о-о, вот ты и попался, голубчик! — гаденько захихикал гном. — Вот твое истинное имя!

— Ты, ты, ты... Да ты вообще....

— Кто? Муська, кто я?!

— Суги!

— Суги, так Суги. — безразличным голосом сказал гном. — Это всего лишь не нравящееся мне сокращение моего же имени! А тут — целый Муська! Ути-пути, мой хороший!

Гном, шевеля пальцами, потянулся к негодующему гоблину, воркуя при этом таким ележным голоском, каким одинокие бабульки к своему домашнему питомцу.

— Уйди-и! — взвизгнул гоблин.

— Иди я тебя поглажу, мой пупси-ик!

И неизвестно, сколько бы они так выдывались, пока я их не одернул:

— Так, успокойтесь! У меня уже желудок болит, я есть хочу, а вы тут непонятно чем занимаетесь! А там кабанчик стынет!

Напоминание о еде быстро отрезвило горячие головы моих друзей, и гном бодреньким шагом повел меня за своеобразным сеном. Бросать добычу совершенно не хотелось, и вскоре мы натаскали целую гору этих самых палочек. Потом гном принес еще мха для жарки уже подготовленного мяса.

Мы обложили тушку зверя палочками и подожгли. Прогорали они быстро, как сено, а гоблин со знанием дела суетился вокруг огня, отдавая команды. Мы переворачивали кабанчика и так, и эдак до тех пор, пока гоблин не одобрил результат. Теперь он скреб тушу

плоской стороной кирки, наподобие ножа, и поливал ее водичкой из бурдюка, смывая гарь. Снова взял мой перочинный ножик, и теперь приступил к разделке. Нарезал полоски мяса ровными ломтиками, и складывал на относительно ровный вымытый камень. По ходу дела придумали, как транспортировать хотя бы какую-то часть мяса. Гном отрезал полосу кожи от своей куртки, примотал концы полоски к окорокам, и теперь их можно было перебросить через плечо и нести. Температура в пещере не позволяла мясу быстро испортиться, а также его можно было бы положить ночью на пол, и еще немного отстрочить его разложение и порчу. Мясо решили зажарить, чтобы дольше хранилось.

Когда занялись жаркой мяса, по пещере поползли ну просто сногшибательные, слюноковыделительные и животоурчательные запахи. Мы еле терпели, чтобы не начать есть полусырое и не начать рвать его зубами!

Когда мясо дошло до готовности, мы с яростью набросились на него. С того времени, когда мы последний раз нормально ели, прошло порядочно, а с тех пор, когда мы НОРМАЛЬНО, вдоволь ели мясо, прошло еще больше! Поэтому от еды мы получал огромное удовольствие.

— Сейчас бы сюда перца, соли и хлеба... — мечтательно закатил глаза гоблин. — И вымочить бы его предварительно в маринаде, чтобы сочным стало...

От таких словоизлияний гоблин аж поперхнулся слюной и закашлялся.

— Тебе как мед, так и ложкой! — пробубнил гном, дожевывая кусок мяса и вытаскивая из жара следующий.

— Что, помечтать нельзя? — просипел Муса, так как горло еще не отошло после кашля. — Гкхм! Кхм! Е-е-е-гкхм! А! Сюда еще б пива!

— Тьфу! — хлопнул ладонью гном по колену. — Не может успокоиться он! Ты бы еще Сердце горна пожелал!

— А это что такое?! — удивились мы.

— Сильная штука! По виду похожа на воду, ее иногда так и называют — огненная вода. Когда глотаешь, как кипяток плотнул, докатится в желудок — как вулкан внутри взорвался, а от одной кружки разносит, как от трех литров пива!

— Рассказывай мне тут басни! — не веря, махнул рукой гоблин, однако глаза выдавали его неподдельный интерес.

— Я при возможности попробую ее сделать, это будет самогон нескольких уровней очистки...

— Гном сказал — гном сделал! Сам говорил! Ловлю на слове!

Гоблин потер ладошки, предвкушая грандиозную попойку.

— А теперь, братцы, ложимся отдыхать! Дежурит следующий, кто должен быть на очереди, а я — жирок завязывать, — счастливо улыбнулся гном, улегся на мою лежанку, и с той же счастливой улыбкой уснул мертвецким сном.

Гоблин поворчал, устраиваясь поудобней, чем сразу напомнил кошку Мусю, и тоже отрубился, а я подкинул мха в костер и уселся на небольшом островке мха, подложенного под седалище.

Сон не шел. Я вертел в своих мозолистых руках кирку, обдумывая свою будущую жизнь. Вот выберусь на поверхность, если, конечно, выберусь, а что выберусь — я был уверен, и что я буду дальше делать?! Ну, конечно же вернусь к себе в графство! В графство? А если Кален, Нейлин, Егор, Элизия и остальные мертвы?! И уже и королевства, как такового, не существует, что тогда? И я снова один, и потерял всех, кого любил?! Что я отпираюсь,

прикрываюсь словом «все», если думаю об одной! Да, я сильно соскучился за моим лучшим другом — Каленом, квартироном, помощником во всех моих, если так можно сказать, проказах, и т. д. и т. п., да что там, просто отличным человеком! Его хотелось крепко обнять, от души похлопать «по горбу», загнуть хорошую шутку, а вот... Вот к кому я стремился всем своим сердцем и душой, хотелось обнять, и никогда-никогда не отпускать! Фух, замечтался!

Я очнулся от раздумий из-за того, что мне в лицо дохнуло теплым воздухом, а затем уставились две блестящие точки. Рука конвульсивно сжала держак кирки, кровь отлила от лица, а спина стала мокрой. Глаза обшаривали темноту, немного обрисовывая силуэт, стоящий передо мною. Лохматая, круглая голова, темная полоска рта с выглядывающими желтыми клыками. Остальная часть тела скрывалась во тьме, видно было только широкую грудь скотины, и передние волосатые лапы, заканчивающиеся когтями. И шевельнуться ж резко не могу, и что предпринять — тоже в голову не лезет! Ну, так и быть, пригну голову, отмахнусь киркой, а там будь что будет!

Я зажмурил глаза, и когда голова уже опускалась к груди, а рука была в пути к морде тварюки, по глазам резнул яркий свет, и послышался истошный визг Мусы. К нему присоединился рев гнома, послышался стук двух глухих ударов, а потом грохот падающих камней на пол.

Первый мой удар прошел впустую, даже не задев страхолюдину, но потом я стал ориентироваться на визг существа, и удары пошли пометче.

— Во капец! — выдохнул я, привалившись спиной к холодной стене пещеры. — За одну ночь, и столько предшествий. Уходим отсюда!

Но мои друзья уже и без моих советов и предложений собирали наши вещи. Часть мяса набили в заплечный мешок, я и гном развесили его на плечах. Он тащил задние ноги, я — передние. Еще по куску мяса взяли в руку, так сказать — на завтрак, а остальное бросили. По карманам решили не распихивать: будет лишний вес, все съесть не сможем — пропадет раньше, да и жадность — это плохо! «Жадность фраера погубит!» — слышал я когда-то от Мусы такое выражение.

Сначала мы вернулись к ручью, смыли с себя грязь, пот, кровь, жир, да и вообще, немного привели вещи в порядок. А потом мы отправились в путь, обходя пещеру по периметру. Откуда-то же брались эти твари? Вскоре мы вышли к месту, где находился выход из подземного зала.

Темный провал, похожий на бывшее русло реки (куда делась она, неизвестно, но нас и такое устраивало), ведь путь у воды был же куда-то?

Дуновение ветра.

«... и только сердце трепетно забьется, Что принесут грядущие года...»

Строчки из песни.

Ход убежал вниз. Стены и пол были ровными, гладкими, слизанные потоком воды. На стенах были видны вкрапления, полосы, оставленные веками шумящей здесь воды. Тоннель, проложенный водой, изгибался змеей, вода выбирала себе путь в трещинах, выскивала слабины в камне, и пробивала себе путь в толще скалы.

Воды здесь не было давно, пол был сухим и покрыт слоем пыли. По этому ходу мы двигались вот уже четвертые сутки, а он все никак не хотел нас хоть куда-то выводить. Мясо уже закончилось, большая часть его просто пропала, и мы выбросили его сегодня утром. А что вы думали: приготовлено кустарным способом, никаких специй, приправ, никаких условий хранения! Воды в бурдюке было еще пару глотков, протянуть пару дней можно, но это будет проблематично.

— Суги, Суги, все же придется тебя выпить и съесть! — от нечего делать забормотал Муса. — Я буду пить твою кровь медленно-медленно... И, возможно, мясо срезать с тебя, еще живого... А то видишь, как неудачно получилось: столько добра пропало! А тут еда сама себя несет!

— Муся, заткнись! — взвыли мы с Сурнгином в один голос. — И без тебя тошно!

— Злые вы какие-то! Уйду я от вас!

— Да нет, ну ты сам подумай! Ты уже неделю бурчишь про съеденного гнома, тебе еще самому не надоело?!

— Да нормально вроде...

Хоть гoblin этого и не захотел показывать, но призадумался. Задумался над своими действиями и моими словами, и теперь от него можно было ждать новых пакостей.

— Ты... Ты, ты слышал этот звук? — заикаясь, спросил Сурнгин.

— Ну, — утвердительно кивнул я.

— Керн-лиа — дух руин! И вообще, говорят, что если ты услышал его вой, плач, то ты скоро умрешь! — проговорил гном дрожащим голосом. Луч фонарика на его каске предательски дрожал на стене.

— Суги, ты дурак? Вот ты скажи мне! Ты где находишься?

— В пещере... — проямлил гном.

— Вот именно, придурочное! — наставительно сказал гoblin, выходя из-за поворота хода, где совсем недавно скрылся, подняв палец. — Пе-ще-ре! И вообще, Суги, ты трус, и тупица!

Гoblin спрятался назад, за поворот, и заунывный, леденящий душу вой улетел в уходящий вдаль тоннель. Вой «Керн-лиа», отражаясь от каменных стен, вызывал мурашки по коже.

— Prrray! — взвился гном. — Ах, это ты, скотина малорослая!

Гном припустил за зеленым гоблином, тот с хохотом побежал по тоннелю.

— А ты у нас высокий да? — ехидно поинтересовался Муса, удирая во все лопатки. —

Эй, Суги, там же Керн-лиа!

И гoblin снова завыл, подражая вою древнего ужаса.

— Я не Суги! — возмущённый рев Сурнгина.

Я, похохатывая, двинулся туда, где только что скрылись мои друзья.

Вопили они дико, поэтому слышно их было далеко. Но когда их ор внезапно оборвался, я забеспокоился и прибавил шагу. Может их двоих слопали, как котят?!

— Эй, Эрл! — послышался крик гоблина, и у меня отлегло от сердца. Голос его был спокойным, даже довольным, а, еще немного погодя стал радостным, и я решил немного пробежаться.

Перед нами раскинулся огромный зал. В центре было небольшое озеро, а возле него росли грибы. И эти грибы были съедобными! Радость наша была безгранична.

— Давайте хоть костер разожжем! — предложил гoblin. — Суги, ты можешь найти свой волшебный мох?

— Как ты меня достал! — вяло взбрыкнул гном, но на поиски сырья для костра все же пошел.

— Я, как существо непривередливое и закаленное, не сильно боюсь замерзнуть, полезу-ка я в воду, страсть как ополоснуться хочу!

— Эй, ребята! Смотрите, что у меня есть! — на плече гнома висел мешок, наполненный мхом, а в руке он держал розовый камень, и такими же были набиты карманы.

— А это что за страсть такая?! — воскликнул гoblin. — Ты это собираешься есть?

— Нет, конечно! — неподдельно возмутился коренастый коротышка. — Я сейчас тебя ими накормлю!

— Сурн, и все же, что это? — спросил я.

— Полезная штука! Если бросить его в воду, то она начнет нагреваться!

— И ты хочешь забросать ими все это озеро, и вскипятить его?! — саркастически поинтересовался Муса.

— Нет, зеленая пиявка, ты все же тупой! Сделать в камне выбоину киркой, набрать туда воды, накрошить грибов и сделать бульон!

— А что, идея! — озадаченно почесал голову гoblin.

— Во-от, а то на меня грузишь, а сам тупой, как, не знаю, что!

— А если выдолбить в скале ямку побольше, набросать этих камней и сделать горячий источник... — предложил я.

— О-о-о!

— Д-а-а... — мечтательно закатили глаза мои друзья. — А зачем долбить? Есть тут неподалеку...

— Веди, показывай!

Яма, вернее овальная впадина, промытая бурным потоком исчезнувшей подземной реки, была пятидесяти сантиметров глубины в самой низкой точке, и четыре метра в диаметре.

— Сойдет! — радостно констатировал факт гoblin. — А в чем мы воду носить будем?

— Есть бурдюк.

— И им до послезавтрашнего вечера будем таскать!

— Можно еще шлемами носить!

На том и сошлись, и было решено сначала натаскать воды в «ванну», а потом что-то думать о приготовлении грибного бульона.

И работа закипела. Сначала вымели из лунки всякий сор, потом сходили, нагребли кучу нагревательных камешков, насыпали их на дно вымоины, и начали таскать воду. Пока приносили очередную порцию воды, уже налитая вода становилась горячей. Так постепенно заполнили «ванну» до краев.

Выкинув шлемом на берег половину горячих камней, остальные сгребли в кучку по центру нашей купальни, чтобы вода не остывала, и осторожно сунулись в воду.

— О-о-о! — с наслаждением выдохнул гоблин, ему в один голос вторили мы. — Как же хорошо-о!

— Как в Счастливых Садах! — подтвердил гном.

Так как стены лужи были пологими, то мы смогли немного поваляться, но камень все равно быстро остывал, и валяться на нем, значило заработать воспаление легких и простуду почек, поэтому мы вытащили оставшиеся камни и принялись ожесточенно тереться, смывая с себя отмокшую грязь.

— Знаете, мне теперь и одежду свою противно одевать! — заявил гоблин. — Она такая грязная и вонючая!

— А я думал, раз вы живете на болотах, то и к грязищи и вонищи привыкли! — сказал гном.

— Слышишь, ты... уважаемый! — возмутился гоблин, прекращая тереть правый бицепс. — Я тебе сейчас горб намну!

— Ох, ой, ой! Боюсь, боюсь!

— Да как ты!..

— И даже вода здесь соленей стала! — сказал Сути, намекая на то, что он уже описался со страху.

Друзья начали баловаться и бороться в воде, а я побежал к колодцу с чистой водой, чтобы смыть с себя ту болотную воду, что теперь стояла в лунке после нашего купания.

Я забрел в воду по косточки, дальше камень заканчивался, и под землю шел бездонный колодец, сложив руки лодочкой, начал плескаться на себя. Когда я очередной раз набирал воду, мое предплечье обожгло жидким огнем. Я возопил от боли, и выскочил из этой проклятой лужи.

— Что такое? — заволновались мои друзья, и побежали ко мне. У меня на руке висела огромная пиявка, или угорь, не знаю точно, что это было, и сейчас оно бешено извивалось, трепыхаясь с тыльной стороны руки чуть ниже локтя.

— Ага! — быстро сориентировался гном и проворно ухватил кровопийцу за хвост, а другой рукой щелкнул гада по носу. Рыбина меня сразу отпустила, а гном отбросил ее подальше от колодца.

— А вот и наша уха! — обрадованно казал он, потирая руки. — А ты сходи, помочись на рану, чтобы кровь остановилась!

— Да как-то не хочется! — неуверенно сказал я.

— А давай я! — с готовностью заявил гоблин.

— Так! Нет!

— Да, у тебя моча ядовитая! Ты хочешь убить Эрландо?

— Да идите вы! Я тут к ним со всей душой, а они! — обиделся наш зеленый друг.

— Да ты успокойся, все нормально, просто это неэтично, — поспешил успокоить его я. — Я и сам справлюсь.

— Ну, ладно, уболтал. Может, пойдём, оденемся?

Спустя некоторое время моя рука была забинтована полоской кожи, освободившейся от тяжести переносимых на ней кабаньих ляжек, под которой лежал лоскут выстиранной тряпицы. Вторая полоска кожи была заботливо спрятана гномом обратно в карман.

— М-м-м-м! — промычал гоблин, уплетая ущицу за обе щеки, орудуя своей деревянной ложкой. Ели мы ею по очереди, кладя в рот по три ложечки, и передавая ее соседу, так как один гоблин таскал сей инструмент в кармане. Вприкуску со мхом мы хорошо подкрепились, и, немного отдохнув, отправились дальше в путь-дорожку. Конечно же, предварительно набив карманы и котомку съедобным мхом. В бурдюке была свежая водица, что покушать было, и жить стало веселей.

Уже прошло четыре дня, а рана на руке так и не затянулась, с нее сочилась сукровица и гной.

— Капец! — сказал гоблин, оглядывая мою руку. Она распухла и ныла. У меня был жар.

— И не говори, — вздохнул гном. — И лечить нечем!

— Придется отрезать, — печально заявил гоблин.

— Да, и съесть! — кисло улыбаясь, произнес я.

— Тьфу, на тебя!

— Да, она отравлена, и вы тоже сможете умереть!

— Нет, ну какой же ты все-таки...

Мы уныло побрели дальше. Тоннель, пробитый водой в толще скалы, по-прежнему извивался и изгибался гусеницей. Гладкие, местами бугристые, там, где порода была плотнее, или же были вкрапления другой породы камня, стены утомляли своей монотонностью, и меня уже начало охватывать безразличие, удручающая апатия...

— Эй, народ! — я резко остановился. — Или я глючу, или же здесь есть ветер!

— Глючишь! — заявил Муса, трогая меня за руку, проверяя температуру тела, но, все же наслюнявил указательный палец и ткнул им в потолок.

— Погоди, погоди! — взволновано затараторил он. — Суги, а ну-ка, проверь и ты!

Гном проделал только что совершенную гоблином манипуляцию и обрадованно закивал:

— Ага, есть что-то!

Голова кружилась, перед глазами плыли разноцветные круги, в ушах волны часто накатывались на каменистый пляж. С частотой ударов сердца.

— Вот и славненько, а я, с вашего позволения бахнусь в обморок!

* * *

— Эй, чувак!

Надо мной нависала зелёная морда, с глазами с желтой радужкой, торчащими в разные стороны острыми ушами, и со стрижкой «конская грива». В глаза било яркое солнце, в ушах шумел ветер, и шуршали трепещущиеся листочки деревьев.

— Чего тебе, зеленый человечек? — голосом наркомана, покупающего Пыльцу счастья из-под полы, спросил я.

— Есть чё? — подыграл мне гоблин.

— Так, болваны, вы меня достали! — взвыл гном. Ну, сколько можно трепать мне нервы?

— Так, все, ш-ш-ш! Мамочка проснулась! — заговорщицки прошептал Муса.

Гном в отчаянии замычал.

— Вы мне лучше скажите, где мы, и как мы!

— Это потом! Как ты себя чувствуешь? — деловито поинтересовался гоблин.

Я прислушался к себе.

— Слабость, немного голова кружится и кушать очень хочется... И... И в туалет, по маленькому ну о-очень, прям до «не могу!» хочется!

— И первую, и вторую твою нужду можно удовлетворить на раз! Давай, мы тебе поможем встать. Гномяра, помоги!

Сурнгин и Муса помогли мне сесть, а потом и встать, и я, наконец сквозь разноцветные разводы перед глазами смог оглядеться. Еще зеленая трава, высокие, толстые старые деревья с зелеными листочками, на которых появились желтые прожилки.

— А кто такой чувак? — спросил гном.

— Сокращение от слова человек, чтоб проще произносить было!

— Чувак... Хм! — Суги с улыбкой покатал слово на языке. — Эй, чувак... Смешно звучит!

— Ай! — вскрикнул я. Забывшись, я резко взмахнул правой рукой, отмахиваясь от мошки. Ее резануло адской болью, а голова закружилась.

— Ты вообще дурной, да?! — возмутился Муса. — Тебе может еще в ухо дать, чтоб для баланса — и голова болела, и рука! Все, так и пирай! К кустам не поведем, а то что-то еще как отмочишь!

— Ну, вы хотя бы отвернитесь! — взмолился я.

— Тьфу, неженка! Отверни-итесь! — передразнил меня зеленый, но все же отвернулись, и теперь поддерживали меня под руки, разглядывая горы у меня за спиной.

— Ну-у-у?

— Да не нукай, дай сосредоточится! — буркнул я.

Вскоре мой мочевого пузырь окончательно взбесился, и процесс его освобождения прошел спокойно.

— Фу-ух, словно заново родился! — облегченный вздох вырвался из моей груди.

— А теперь садись, и не ерзай! — приказал гоблин, и, выпрямив мою руку, подтянул рукав, и начал разматывать тряпку на руке:

— Посмотри, тупица, что ты натворил!

Из-под зеленых листочков, которые гоблин наложил на мою рану, сочилась кровь вперемешку с зеленой жижей.

— Это что, яд выделяется? — преувеличенно испуганно спросил я.

— Яд тебе в мозг выделяется! Вечно что-то как ляпнет! Как штанами об вешалку!

Муса убрал листики с раны, и я увидел два надреза, идущих параллельно друг другу, длиной по пять сантиметров. Раны были старательно заштопаны.

— Место укуса начало сильно гноиться, и руку пришлось резать. Вытащили дрянь какую-то. Кризис миновал, но, все равно сейчас идти мы не можем. Ты сам чувствуешь,

насколько слаб. Будешь кушать всякую ерунду, и отлеживаться! На.

Гоблин протянул мне какую-то коричневую мерзость, похожую на засохший палец мертвеца. Я ее подозрительно оглядел, понюхал.

— Ешь, не выживайся! Это снимет жар и не даст ране гноиться. Целебный корень Скального ветреника.

Я засунул этот палец в рот, ожидая, что вкус почувствую соответственный, но мои опасения не подтвердились. Вкус у корешка был сладковатым и хрустел он на зубах, как спелое яблоко.

— А сколько времени прошло после нашего выхода на поверхность? — уточнил я, старательно разжевывая жижу.

— Второй день. Прошлым утром, часов в двенадцать мы увидели солнечный свет, дарованный нам Всевышним!

— Радости-то сколько было! — поддакнул пузатый. — Минут десять не могли в себя прийти! Гоблин даже тебя уронил, а я так и держал тебя под руки!

— Это все пасквиль на добряка Мусу! — возмутился Муса, угрожающе глядя на гнома, явно обещая тому хороший пинок за то, что выдал его.

— Да ладно, главное, что мы выбрались! — примирил их я.

— Это да! Как хорошо наверху пахнет!

— Нам придется задержаться тут некоторое время, — сказал гоблин. — Тебе нужно окрепнуть, попить разные бульончики. Я сейчас пойду, поищу чего-то мясного, а гном пока достроит нашу временную халупу. А ты попытайся уснуть.

Зеленая морда исчезла, а мой рот растянулся в зевке. Проснулся я, когда в воздухе приятно запахло съестным, а солнце начало прятаться за горы. Подняв голову, я увидел подвешенную над огнем каску Сургина, в которой булькало варево. Мой живот заурчал, а рот наполнился слюной.

— Ты вовремя! — воскликнул гоблин, и отлил мне немного юшки в другой шлем, с которого предварительно был заботливо свинчен фонарик. Я вдохнул умопомрачительный запах варева, и сделал маленький глоточек.

— А что-то кроме юшки мне достанется? — жалобно спросил я.

— Ты сначала ее съешь!

К юшке добавился маленький кусочек какой-то птицы величиной с курицу и еще какие-то корешки, по вкусу напоминающие картошку.

Некоторое время мы прожили в просторном шалаше. Гном и гоблин были добытчиками пищи. Меня старательно кормили, и кормили не только едой, но и разнообразными отварами на травах, корнями, веточками, что под конец мне уже свет божий стал не мил. Но долгожданный конец спокойствию настал, и на шестой день начался долгожданный спуск. Сбитые коленки, локти, разодранные руки, сорванные ногти, и я не удивлюсь, если, вдобавок ко всему, я стал еще и седым. По кручам, отвесным скалам, оврагам, расщелинам, гребням, перевалам, каньонам мы перли вперед. Купались в бурных потоках, смывая с себя кровь, грязь, пот, спали на камнях, в пещерках, жили впроголодь, питались, чем Бог послал, но мы шли к цивилизации! Я ШЕЛ ДОМОЙ! Я ШЕЛ К НЕЙЛИН!

— Ты дурной, тебя посадят! — сказал однажды зеленый человечек, устало привалившись спиной к скале. — Я уже еле дышу, а тебе все нейдет, вперед да вперед!

Славным, солнечным утром, через шесть часов после того, как мы снялись со стоянки в одной пещере, мы вышли на горный карниз. Внизу, перед нами раскинулась солнечная долина. На ней паслись козы, мирно пощипывая травку. Гоблин нервно сглотнул и торопливо предложил:

— Спускаемся, что ли?

Нас упрасивать не пришлось, и спустя час мы уже стояли на зеленой травке.

— Так, я на охоту! — заявил гоблин и шмыгнул в кусты, за которыми мы затаились.

Трава, которая начиналась за ними даже не шелхнулась. Мы сидели и наблюдали за козами, спокойно пасшимися в семидесяти метрах от нас.

— Интересно, где он сейчас ползет? — ни к кому не обращаясь, даже к самому себе, пробормотал гном.

— Ну, на...

— Бубала-бала!

Из травы взметнулось что-то зеленое и свалилось на стоящую рядом козу. Сдается мне, что она сдохла от ужаса, а не от свернутой на сто восемьдесят градусов головы. А неумолимый гоблин помчался за убегающим стадом.

Мы выбрались из-за кустов, и подошли к лежащей добыче. Козочка оказалась большой, нам покушать раза на два хватит, с учетом того, что есть мы будем одно мясо.

— И зачем этот ненормальный за ними погнался?! — возмущенно спросил гном.

— Ребята, наверное, нам нужно валить отсюда подобру-поздорову... - нервно пробормотал гоблин, прижимая к себе козу поменьше. Та спокойно смотрела на окружающий мир, иногда тихонько мекая. Это выглядело странно. Очень странно! А потом меня осенила догадка: они домашние, ручные, так сказать.

— Я видел здесь следы троллей!

А вот теперь стало страшно. Очень.

— Действительно, дуем отсюда! — икнул гном.

Улепетывали мы до самого вечера, не останавливаясь. Коза, связанная за ноги, ехала у гнома на спине, маленькая тряслась у гоблина на горбу.

Но, слава Богу, мы ушли. Или тролли не умеют считать, или они редко навещают своих козам, или... они еще придут за нами.

А на утро нас все же догнали. Черный тролль — огромная зубастая машина, от которой я чуть зайкой не стал!

Тролль что-то зарычал, гоблин зарычал ему в ответ.

— Он нас отпустит. Только не всех. — спустя некоторое время сиплым от рычания голосом доложил гоблин.

— Вот так просто?! — вскинул брови Сурнгин.

— Нет... — только двоих из нас, — печально сказал гоблин. — Один должен остаться. Сожрут, наверное....

Мы тяжело задумались, после чего хором выдали:

— Я останусь.

— ... а вы идите.

Предложение гнома вышло самым длинным.

— Нет! — снова хором.

— Тогда давайте тянуть травинку, — обреченно вздохнул гоблин и пошел вырывать травку. Когда он вернулся, зажав в кулаке три тростинки, и мы протянули руки к ним, внезапно козочка одним махом смела травку своим языком. Мы ошарашенно уставились на нее.

— Гера-га рыги гора хе! — через секунду зарычал гоблин троллю. Тыкая пальцем в нас, тролль морщился, а на его лице отображалась титаническая работа мозга.

— Грааа-а! — сказал тролль и, ударив с гоблином по рукам, от чего рука зеленого чуть за спину не завернулась, подхватил протянутую козу и утопал восвояси.

— Ты что ему сказал?! — вытаращились мы на довольно улыбающегося зеленого поганца.

— Я сказал ему, что коза — наш неотъемлемый член группы, она сама вытащила роковой жребий, и не оставила нам выбора!

Наш смех и дрыганье ногами в воздухе утих минут через двадцать, когда уже сильно разболелся живот. Мы поднялись с земли.

— Спасибо тебе, Муса, ты спас нам жизнь! — сказал я, а гном так стиснул гоблина в своих объятиях, от чего казалось, что его глаза лопнут, а ребра поломаются.

— Так, Суги, завязывай! — прохрипел гоблин, и смутившийся гном его отпустил.

— Ты случайно, не того? — спросил Муса, ощупывая себя и проверяя, целы ли у него ребра. — Ну, из этих... гомиков?

Гном погрозил ему кулаком, и на этом дело было закрыто, ведь такое проявление дружеской любви зеленому понравилось. А на вечер мы остановились еще в одной долинке, но теперь поменьше, хорошо поели и завалились спать.

— По моим подсчетам, послезавтра мы подойдем к окончанию гор. Там уйдет еще какое-то время на спуск, и мы — у тебя в королевстве.

— Парни, я не могу этого дождаться! Вы себе просто не представляете, как я хочу домой!

— Да, домой... А дом зовут... Как там... Ней... Ней... Нейлин? — ехидно блеснул глазком гоблин.

— Я тебе ухо откушу! — зыркнул на него я. Хотя зла на малого разбойника совершенно не было. — А от....

— Слышал бы ты свои стоны по ночам, причмокивания губами, вздохи... Ты чем вообще в снах с ней занимаешься?!

— Муся, не преувеличивай! — гном многозначительно поднял пятерню.

— Нет, ну ты и гад! Я только во вкус вошел! Только хотел наглядно продемонстрировать, как он кого-то зажимает, облизывает... Потом добавить чего поэротичней...

— Пфффф... - я вытолкнул воздух через губы.

— Та ладно, не парься. — Гоблин перевернул рыбешку на камне, лежащем в огне. С одной стороны она была уже готова. Благодаря пеплу, насыпанному на камень она к нему не приставала. — А ты и вправду во сне говоришь. Нейлин, это твоя девушка?

Поджав губы, я кивнул.

— Расскажешь?

— Вообще-то я не прочь бы покушать!

— На! — гоблин с готовностью протянул мне большую рыбину. Я понял, что отвертеться не удастся.

— Мы ждем! — «подбодрил» меня гоблин. Они с гномом выжидающе смотрели на меня.

— Гады, позорные (видать, я действительно много говорил!)

— Там, — я мотнул головой на земли за горами, — я граф.

— Ну, это мы знаем... — вставил пять копеек гоблин, за что получил болезненный тычок кулаком в бок от гнома.

— Когда я еще только купил себе земли и строил себе замок, я повстречал пятерых друзей — рыцаря, монаха, его сестру, лекарку, и эльфа. Не чистокровного, квартерона, но все же. Я пригласил их к себе на работу, и мы отлично подружились. Остались не все, Рыцарь, согласно с его древними уставами, устоями, отказался идти ко мне на службу, дескать, рыцари его ордена никогда и никому не служили, и призваны бескорыстно защищать бедных, нищих, сирых.... Я предлагал ему защищать бедных, нищих, и т. д., в моем графстве, но... и не смотрите на меня так! Нищих и прочих у меня не было, по крайней мере, в то время, когда я его покидал!

— Ну и дубина твой рыцарь! — покачал головой гном.

— Именно это мы и пытались втолковать всей толпой!

— А зарплата, какая? Может ты ему предложил работать вообще за медяк?!

— Вполне, вполне приличная! И должность тоже серьезную предлагал! Первый рыцарь графства, со всеми вытекающими! Ведь я собирался присоединить к своему еще два соседних!

— Ну, тогда он вообще дурной! — разочарованно махнул рукой Муса. — Тормозила! — Гном тяжело вздохнул. — Но, не отступаем от темы! Ты запал на сестру...

— Мимо! На травницу! — улыбнулся я.

— И что, красивая?!

— Муса, это ты дурной и тормоз! Если бы не была красивой, он бы на нее запал?!

— А, ну да, ну да! Дальше!

— Длинные, вьющиеся каштановые волосы, изумрудные глаза...

— Да, мужик, ты влип! — сочувственно кивнул гоблин.

— Завидую я тебе! — протянул гном. — Тебе хоть есть, кого любить!

Я согласно кивнул.

— И-и-и?! — снова Муса.

— Ну, влюбился я, только вел себя как ребенок! — Муса насторожил уши, глядя искоса на меня. — Нет, чтоб как-то быстрее развивать события, хотя бы сказать ей о своих чувствах... помните, я говорил о сражении у крепости Сарантай? Вот там мы впервые поцеловались. В первый и в последний раз! И все это время я мучил себя только одним вопросом — почему? Почему я так тормозил? Ведь, мне кажется, и она меня любила! А оно... эх!.. — махнул я рукой.

Гном дернул щекой, а гоблин рукой потер шею:

— Это значит, что о многом из того, что было в твоей жизни, ты просто умолчал!

Я прикрыл глаза и закивал головой.

— И когда ты все это нам собираешься рассказывать?!

— Давайте, может в другой раз? — взмолился я.

— Э не, не пойдет! Никаких других разов!

— Давайте хоть поедим, и...

— И в процессе поглощения пищи ты нам все расскажешь! — закончил гоблин.

Гном молча улыбался.

— Ну, ладно... Только, смотрите, сейчас будут произнесены факты, которые никто кроме меня и дракона не знает...

— И дракона?! — возопили мои друзья в один голос. — А это еще интересней!

— Так вот, кроме меня и драконицы никто не знает. Ну, теперь и вы будете посвященными!

— Во, зуб даю! — гоблин щелкнул ногтем зуб.

— Могила! — гном вырвал пару волосков из бороды.

— Если быть короче, то все...

— А ты будь длиннее!

Я тяжело вздохнул, а гном отвесил хорошую оплеуху гоблину, и его шлем заскакал по поляне.

— Не морозься! — заявил он, возвращая головной убор на место.

Еще раз вздохнув, я начал сначала:

— О своих родственниках я много не скажу. Рос я без отца. Мать моя — графиня Эсаро, из древнего рода, который впал в немилость отца нынешнего императора. Мой отец был

убит, и мы с матерью жили в глухой деревеньке, стоящей на краю леса, почти у самых границ империи.

Денег у нас не было, бежали мы, как говорится, в чем стояли. И забежали достаточно далеко, чтобы нас не нашли ищейки императора. На деньги, вырученные от продажи маминых серёг, мы купили домик, и там поселились.

Белоручкой мать не была, работать умела, обзавелась хозяйством — куры, поросенок, корова, ну, а я помогал ей в меру своих возможностей семилетнего ребенка. Так и жили мы лет десять, в течении которых она обучала меня хорошим манерам, письму и грамоте, счету.

А потом мать заболела. Заболела очень сильно, даже наша деревенская травница в отчаянии разводила руками. А когда мать умерла, я собрался в дорогу.

Дом я оставил на старосту, попросив того приглядеть за ним до моего возвращения. Я надеялся когда-нибудь вернуться.

Одев свою самую лучшую одежду, скудные пожитки сложил в котомку, закинул за спину, взял бумаги, устанавливающие мою личность и мой титул, и пошел.

Отрезок дальнейшей жизни не очень хочется вспоминать. Все началось просто — так как знал письмо, устроился на работу к одному барону писчим.

Платили кровом и едой.

Ушел я без шума, просто вышел с большой сумкой за покупками к баронскому столу, в сумку бросил свою котомку со скудными пожитками и двинул на юг.

Уходил так, потому что знал на сто процентов, что барон меня не отпустит, да еще, чего доброго, и запрет! Подался в наемники, где и научился владеть оружием. Так зарабатывал себе на еду, плюс читал и писал письма за деньги. К двадцати пяти годам собрал немного денежек, а так как я не пьянствовал и по борделям не ходил, то денег у меня было значительно больше, чем у остальных. Пока наемничал, познакомился с принцем, ну теперь с нашим королем. Ему, сердешному, надоело сидеть дома и он сбежал от своих нянек и бодался в храбрые наемники. Никто и не догадывался что он король. Как-то раз в одной свалке прикрыл его от меча врага, после чего сдружились. А потом, спустя восемь месяцев его все-таки нашли ищейки его отца, и увезли домой.

Ушел я из наемников. Упаковал свои вещи, запрыгнул на лошадь и с жадной познания мира отправился гулять по империи. В конечном счете, гульки завели меня в королевство Керонел. Тут я прослышал о драконе, живущем в горах, и решил на него посмотреть!

Приехал в горы, придя в долинку, засел за камнями, разглядывая эту тушу. Он спал, я уже собирался потихоньку сваливать, но мне так захотелось посмотреть на него поближе, что прям невмоготу! Да и хоть парочку камушек стырить! Все сказки и рыцарские романы только и говорят, что о несметных богатствах дракона!

Я залез в эго нору, и... Столько сокровищ в одном месте, нет, столько сокровищ я за всю свою жизнь не видел! У меня аж икота началась!

— И-и-и? — Нетерпеливо протянул гоблин, видя, что я потянулся за флягой воды, а потом слишком надолго к ней приложился.

— Сначала я осматривал эту громадину из-за угла, заглядывая в отвесите входа в пещеру. — я перешел на тихий, зловещий шепот, — а потом, видя, что дракон спит, как убитый, только и разница, что рычит во время сна, осмелев, забрался в пещеру. Все богатства дракона лежали у дальней стены, так как он лежал перпендикулярно входу, то получается, что за его боком. Я человек не жадный, взял камешек размером с орех, пригоршню золотых, засунул все это дело в карманы, тихонько разворачиваюсь, и... БУ!

Гоблин, который придвинулся ко мне поближе, чтобы лучше слышать меня, дернулся, и откатился в сторону, гном, в испуге попытался ткнуть в меня веткой, которой ворошил угли в костре.

— Придурок!

— Большой?!

— Ах-ха-ха!

— Нет, Суги, ты только посмотри на него! Я тут терплю со всей силы, чтоб не отрываться от истории, по маленькому в кустики хочу, а он выделяется! Я чуть тут, на месте, не облегчился!

— Иди уже! Ха-ха, я подожду! — потер бороду я.

Гоблин со всех ног побежал в кусты, находящиеся в десяти метрах от нас.

— Так вот! — Нарочито громким голосом начал я, как только гоблин пристроился. — Поворачиваюсь, значит я...

— Подожди! — возопил гоблин.

— Да шучу я, шучу!

— Фу-у-х! А теперь давай! — приземлился Муса.

— Поворачиваюсь, значит, я, и тихонько выпадаю в осадок. Дракон, продолжая рычать, и «мирно спать», во-о-от такенным глазом смотрит на меня! Увидел, что я на него смотрю, враз рычать перестал, и моргнул....

— Страсть, то какая! — жалостливым голосом простонал Муса.

— А ты храбрый! — гудит он. Я уже всё, еще чуть-чуть, и зайкой стану, а эта зверюга чуть отодвигается, и морду ко мне поворачивает!

— Храбрый, и не жадный. Немого взял.

— А зачем мне много? — прочистив горло, и немного осмелев, заговорил я.

— Все равно, воруешь!

— Знаю. И мои оправдания даже мне глупыми кажутся.

Дракон улыбнулся, если этот оскал можно назвать улыбкой.

— И что собираешься делать? — прогудел ящер.

— Ну, во-первых, положить все на место. — Я опустошил карманы. — И если ты меня отпустишь, сбежать отсюда подальше. А если нет... значит, здесь и останусь. Драться с тобой, сопротивляться смысла нет, здесь воины и получше бывали, и все равно тебя не победили. Значит, мне останется только умереть. Вот и все.

Дракон хмыкнул, облачка пара поднялись из его ноздрей:

— Правильно рассуждаешь! Деньги и камень, можешь оставить себе, мне они не к чему, а заплатишь мне рассказом о внешнем мире. Я давно там не была. Так я понял, что это драконица.

Я уселся на пол, скрестил ноги, и начал рассказывать. Потом, по ее просьбе переключился на себя, рассказал о своей жизни.

— Ты мне нравишься, — сказала дракона. — Я тебя ни разу не уличила во лжи, ты искренний. А отличить ложь от истины я могу, и эмоции прочитывать тоже умею. Можешь идти. Никому обо мне не рассказывай. Так будет спокойней. Пусть приезжают, сражаются со мной, но о нашем разговоре ничего не говори.

Я поблагодарил дракона, распрощался, и пошел к выходу.

— Можешь приходить еще! — прорычала она мне вдогонку.

— И че? — спросил гоблин.

— И ниче! Раззнакомились мы с ней, подружились, я частенько ее навещал, устроился работать у одного фермера в Пригорном, и навещал ее. Через год она мне сделала мне предложение:

— Эрландо, ты же у нас благородный. Я даю тебе деньги, ты покупаешь это графство, и я ухожу. Мне тяжело жить в этом теле. Я уже не могу летать, не могу дышать огнем, и скоро и передвигаться не смогу. Возможно, я смогу превратиться в человека, но вернуть свой облик дракона больше не смогу. Человеком я проживу еще лет пятнадцать, двадцать, а драконом, если не захочу умереть сама, драконы это могут, то просуществую, жизнью это не назовешь, года три, четыре. Я давно уже хотела уйти, но не хотелось вот так бросать деньги. Кому я их оставляю? Тем высокородным ублюдкам, которые приезжают меня убить?! В нехороших руках деньги смогут наделать много беды. А ты хороший, и богатство не сделает из тебя подлого и развращенного человека. Твоя сущность не такая, ты не так воспитан.

— Но...

— Возражения не принимаются! Я так решила! Сейчас, езжай к королю, узнавай, сколько он хочет за это графство. Возьмешь нужную сумму, а дальше будет видно.

Если убрать кучу лишнего хлама и ненужных сведений, таких, как сколько дать кому на лапу, чтоб попасть к королю на аудиенцию, но все решилось очень просто. Вышел я на базар, хлебушка да овощей купить, и повстречал там принца. Вздохи ахи охи, все как положено при встрече старых друзей, ошарашенная охрана и обалдевшие люди, полный фарш. Ну значит поведал я ему о своих желаниях, что хочу попасть к его батюшке на прием. Принц взял меня за руку и повел к королю. А тот, прознав про то, что я его сына от смерти спас, мне графство так подарил, а деньги оставил «на развитие», так сказать.

А когда я вернулся к драконе, то старушка уже очень нехорошо выглядела. Чешуя уже не блестела, потеряла цвет. Глаза поблекли, и она даже дым из ноздрей выпускать уже не могла.

— Долго же ты бегал, голубчик! — ласково пророкотала она. — Сейчас я уже не знаю, смогу ли я превратиться! Но попробую! С тобой еда есть?

— Конечно! Вот! Луковица, головка сыра, буханка хлеба, фляга вина и фляга воды, и еще кусок копченого сала! — засуетился я, выкладывая пищу на камень.

— Это хорошо. Когда я обернусь, мне нужно будет хорошенько подкрепиться! Теперь, оставь мне свой плащ, и отойди к выходу из долины, а то я стесняюсь. — Дракона улыбнулась. — Я тебя позову.

Без разговоров я ушел из пещеры, и уселся на камень у выхода из долины, глядя на дорогу. Когда меня сзади окликнул голос, была уже глубокая ночь, и я думал, что уже не дождусь старую драконицу, и ей так и придется умереть в своем огромном теле.

Позади меня стояла женщина, завернутая в мой плащ.

Так у меня и появилась гора денег и власть. Так я стал Эрландо эл Эрнст!

Я снова приложился к фляжке, гном и гоблин задумчиво смотрели на меня.

— А где теперь твоя дракона? — спросил зеленый.

— А я ее спрятал! И ей не плохо там живется! — улыбнулся я. Ну, не рассказывать же мне, что Кристаллина и есть золотая драконица!

— А покажешь?!

— Нет!

— Ну пожа-а-лусйта! — заныл любопытный Муса.

— Муська, отвянь от него! — прогудел Сурнгин. — Чтоб ты ходил, и пялился на нее, а

потом не мог язык за зубами удержать?!

— А как она выглядит? — зашел гоблин с другой стороны.

— Молодо! — отчеканил я. — Все!

* * *

На следующее утро мы продолжили путь. Спать на земле уже было холодно, заканчивался второй месяц осени. Мы сели на лапнике зябко ежась, и потирая руки покрутили головами в поисках гнома. Тот куда-то запропастился, и в голову начали лезть всякие нехорошие мысли. А может его уже... того... расстройство желудка одолело? И теперь наш охранник где-то тяжело мучается?!

Ан, нет, вот он с довольной рожей выбрался из кустов. В руке два зайчонка, ночью попавших в силки! Завтрак обещал быть вкусным.

— А ты, зеленый человечек, дух за хворостом! Эрландо, на тебе вода!

Я подхватил котелок, и бодрой походкой, чтобы разогнать кровь пошел к речушке. Прежде всего, я избавился от лишней воды, и умылся холодной водой, наполнил жидкостью котелок, и вернулся назад. По дороге обломал у корня невысокую сухостоину, и приволочил ее к огню. Вскоре из зарослей появился Муса, таща в обнимку хворост, сбросив его рядом с костром, вытащил из кармана различные листочки и ростки.

— Испоганишь похлебку, я тебе твои уши еще большими сделаю! — угрожающе заявил Суги, водружая котелок над огнем.

— Боюсь-боюсь! — хмыкнул гоблин. — А не понравится, я сам съем!

— Я тебе дам — сам!

— Ну, так тогда молча жди!

Гном для виду поворчал, но больше не сопротивлялся. Мою деревяшку Суги наломал голыми руками, не смотря, что она была в полтора моих роста, и сломал я со второго раза, костер загорелся бодрее, вскоре зайчонок сварился, и мы с удовольствием его утоптали, запивая бульоном. Вопреки опасениям Сурнгина еда получилась вкусной, и он аж причмокивал.

— Ты хоть бы спасибо сказал, хамло! — возмутился гоблин. — Сожрал и не муркнул!

— На здоровье, мой зеленый человечек!

Гном подхватил котелок, и отправился к реке его мыть, и спустя полчаса мы были уже в пути.

— Правда, с хлебом было вкуснее, — цыкнул зубом гном и сломал тонкую ветку. Ножом заострил ее, и принялся увлеченно выковыривать мясо, застрявшее между зубов.

— Как думаешь, нам долго топать до твоего графства? — поинтересовался гоблин.

— Недельки три, на лошадях. Я думаю. Мы далеко ушли по скалам на северо-запад, и теперь возвращаемся назад.

— О-о-о, — страдальчески закатил глаза зеленый. — Мы так и к первому снегу не успеем! Я хочу тепла, еды и спокойствия! Чтоб больше никуда не идти, не спать на земле, рискуя заработать воспаление легких!

— Муська, ну ной, и без тебя тошно!

— А вот за Муську я могу и горба намять! — возмутился гоблин. — Как же ты меня достал! Мне уже кошмары снятся, с тобой в главной роли!

— Ты думаешь, мне они не снились, когда мы еще руду копали? И ничего, привык! Так что и ты привыкай! Тебе не долго осталось, месяца два... ну три... пол года.

— Prrr! — зарычал гоблин, сгибая пальцы наподобие когтей, и тряся руками. — Как же ты меня достал! Я тебя ночью убью!

— Не получится. Спасибо, что предупредил! Теперь я тебя обухом топора по голове на ночь — хрясь, и спокойно ложусь спать. На утро водичкой в лицо побрызгал, и мы пошли дальше! Если, конечно, я вечером не перестарался, и ты до утра уже и околеть успел....

Гоблин оттопырил нижнюю губу, дуновением сдувая челку с глаза.

— Как же ты...

— Уже слышали, давай что-то но...

Из-за деревьев потянуло дымком. Мы сбавили обороты, и пошли медленнее, пузатый коротышка снял кирку со спины и перехватил поудобней.

— Первые люди?

— Не медведи же! — так же шепотом ответил гоблин.

— Зеленый, дуй на разведку! Тебя не так хорошо видно в траве, ты с ней сливаешься! — Сказал я, гоблин сплюнул, но в кусты полез, а мы затаились. Через минуту Муса вернулся:

— Четыре организма. Грязные, вонючие, заросшие... Подозрительные товарищи!

— Да, доверия не внушают. Совсем-совсем... — Я задумчиво почесал трехдневную щетину.

— Как и мы, — подтвердил гном.

— Эй! — послышался возглас за нашими спинами. Мы синхронно повернулись. Перед нами стоял субъект. Точно такой, как его описывал Муса: грязный, одетый в рванье, и т. д. и т. п. — Вы кто?

— У нас аналогичный вопрос: ты кто?! — не растерялся гоблин.

— Эй, парни! — с улыбкой крикнул стоящий перед нами. Гнилые, сломанные зубы вызывали приступы тошноты. — Смотрите кто у нас здесь!

— Это пятый, — прошептал гоблин. Из зарослей полезли его товарищи. У двоих были плохонькие мечи, у третьего самый обычный топор. Четвертый сжимал в руке заступ, ну а у стоящего перед нами типчика — сучковатая дубина. Вопрос о роде их занятия сразу отпадал.

— Я пьян? — спросил один.

— Ущипните меня! Я сплю!

— Тогда я тоже галлюцинирую с перепоя! Зеленый человечек!

— А я уж было подумал, что удар того придурка, что визжал как баба, которого мы вчера прирезали, все же, прошел не без последствий. Мерещатся тут всякие!

— Так сожжет у них есть че...

Гоблин взмыл с места в воздух, и, приземлившись возле того, что был с дубиной, ребром ладони ударил его по шее. Хороший прыжок, добрых метра три. Подхватив дубину падающего, поспешил к нам на помощь. Сурнгин умело отбивался от двоих мечников киркой, и вскоре один рухнул с проломленной головой, второй — с дырой в грудной клетке. Своей дубиной я парировал удар лопатой и с силой ударил ногой в лицо напавшего на меня. Гоблин пропустил топор над собой, и тот увяз в ключице моего противника. Даже добивать не пришлось! А гоблин наотмашь врезал оставшегося в живых противника. Про брызги во все стороны писать не буду.

— Надеюсь, никого больше рядом нет! — брезгливо отбросив свою дубину, сказал гоблин.

— Фе! — добавил гном, пытаясь оттереть свою кирку от крови листками лопуха.

— Столько убийств за раз, меня аж мутит, — поморщился я. — Муса, проверь их на наличие денег, и пойдём к костру. Гоблин пошарил по карманам разбойников, выскреб себе всю мелочь, и принялся я складки одежды.

— Муса, оставь! — начал было Суги, но остановился, когда зелёный вырезал прихватизированным кинжалом золотой из пояса штанов убитого. — Давай помогу!

Направляясь к костру поверженных бандитов, мы пересчитали свою добычу: полтора золотых — один распилен надвое, меньшего номинала, пятнадцать серебрушек, и двадцать три медные монеты. Два плохих меча, три кинжала, два ножа и топор. Фляга с дрянным вином, три кожаных пояса, кожаный нагрудник, который ещё следовало оттереть обещанной Мусой травой, чтобы перебить мерзкий запах. На плече Мусы висели новенькие сапоги, точно снятые грабителями с трупа.

— Неплохой улов! — констатировал гоблин. Сейчас ещё до костра дойдём!

Место у костра порадовало горкой одежды. Безразмерная холщовая куртка, которая пришлась впору гному, такие же штаны, залитая кровью рубаха, огромные сапоги, — всё это лежало кучей. Вещи сочли ненужными, так как никому из шайки они не подходили. Мне тоже досталась куртка и штаны. Гоблин обрезал штанины каких-то суперузеньких станов, и теперь радовался обновке.

Мертвых бандитов затащили в овраг и забросали лапником. После трудов, мы приняли ванну в озере, которое было неподалеку от реки, и одели чистую одежду.

Мы немного преобразились. Худую, старую одежду мы сожгли, так как и ту, что на нас не подошла. В мешке, возле поваленного бревна, мы нашли морковь и лук и взяли всё это с собой. Залили огонь и продолжили путь.

— Вот так встретил нас сей приветливый мир! — сказал гном, помахивая топором, принаравливаясь к нему. Хотя у нас таких тоже хватает.

— Слушай Сурнгин, у меня к тебе вопрос. — спустя некоторое время заговорил я. — Вот смотри, столько лет прошло, а у вас нет перенаселения в той долине! Как такое возможно?

Гоблин нукнул, подтверждая своё согласие, а гном дернул щекой, поморщил нос, огляделся по сторонам, и:

— Только пообещайте, что никому не скажете?

— Я все прекрасно понимаю, мир не готов узнать, что есть ещё одна разумная раса на земле. Ты сойдёшь за карлика, просто странный человек, ведь о вас никто не знает. Но зачем кому-то знать, что ты вообще из другого мира, фигурально выражаясь, и совсем не человек.

Гоблин согласно кивнул. Сурнгин огляделся, и поведал нам страшную тайну.

Глубоко под землей лежит огромный тоннель, тянущийся на тысячи километров. На юго-востоке, за рифами, простирается большой остров, и ход из этого тоннеля там выходит на поверхность.

На самом острове живет около трех миллионов жителей, там же есть поля и фермы, с которых они кормятся. А дальше, с острова, можно добраться на огромных кораблях до далекого материка, на котором живут гномы, орки, эльфы, гоблины, драконицы. Последние на две головы выше людей, покрыты чешуей, ходят на задних лапах. Руки и ноги заканчиваются когтями, голова похожа на морду дракона, сзади, до кончика хвоста, тянется гребень.

Драконицы обладают огромной силой, по словам гоблина, так, «на одну ногу черному

троллю наступит, за другую дернет, и, пиши: пропало».

Также там живут кендеры. Маленькие создания, похожи на детей, ростом примерно с гоблина. Жуткие воришки, хотя этого совершенно не признают! Они ничего не воруют, они просто «валялось, и жалко было оставлять, кто-то плохой может забрать!», и «я шел, а оно само мне в сумку, карман, упало!». В тюрьмы их сажали толпами, хотя и понимали, что это бессмысленно, потому и отпускали на следующий день. Своими «находками» они страсть как любили обмениваться, совсем, как малые дети. В их стране, Кендероне, в поселениях, замков на дверях не было, и любой мог зайти и взять себе понравившиеся вещи.

— Какие-то раненые эти коротышки! В голову! — заявил Муса. — Как так можно жить?!

— А получается как-то, же! — усмехнулся гном. — А вот людей у нас там нет. И это счастье!

— Да, не исключено, — хмыкнул я.

— Было бы интересно повидаться со своими соплеменниками с другого материка! — улыбнулся гoblin.

— Насколько я знаю, сам не видел, они такие же притрушенные, как и ты!

— Да прям-таки! И вообще, сам ты притрушенный!

Препираться они могли вечность, и я к этому уже успел привыкнуть. А вечером мы остановились в роще у скалы. Ручья здесь не было, потому пришлось обходиться водой из бурдюка. На ужин варился, да простит читатель за тавтологию, наваристый мясной суп. На дне мешка укрылись четыре сморщенные картофелины приличных размеров, которые и были основой нашего варева.

— И все же с солью приятней есть, — философски произнёс Муса. — А то от той еды уже блевать хотелось! Мерзость редкая!

— Не преувеличивай! — одернул его гном. — Месяц ползли по горам, и ты ни разу не проблевался!

— Ой, ой, ой! Нет, ну хотелось же!

— Не умер от бессолевой голодухи до сих пор, так и радуйся!

— Ребят, давайте ложиться спать, а? — попросил их я. Мы распределили дежурства, и я с гномом завалился спать, подложив под голову опавшие листья, накрытые тряпками, оставив дежурить у костра гоблина.

* * *

К деревеньке мы добрались далеко за полночь. Не хотелось, чтобы нас увидели, да и просто, чтоб стыдно до смерти не было, когда застукают. И вообще: тех, кого грабишь, нужно уважать!

Сию, преисполненную глубочайшим смыслом мысль, изрек Муса, когда мы на закате выползли из лесу и советовались, когда б его «облапошить» (тоже, Муса) эту «дерёвню». И, вообще, много слов в нашем лексиконе прибавлялось именно благодаря Мусе. Такого словарного запаса я еще не слышал.

— Знаете, у меня уже изжога началась! — страдальческим голосом поделился гoblin. — Так кушать охота!

— А чтоб в горб настучали, тоже охота? — спросил Сурнгин. — Ты видел их мужчин?!

— Да, такие в лоб дадут, и шкура слезет!

Да, мужская, да и женская (видели, правда, только троих) половины населения, внушала уважение. От двух метров роста, а в плечах — метр ширины. Нет, может у страха глаза и велики, но зайкой стать можно!

— А может они так быков и свежуют? — от безделья болтал гоблин.

— Да ладно тебе! Не накручивай себя! — одернул его гном.

— Да кто себя накручивает?! — слишком сильно, как для спокойного, возмутился гоблин. Волновался, все же.

Повисло молчание.

За добычей, пошли мы с Мусой, только заходили с разных сторон. Хотелось побыстрее набрать еды, и убираться отсюда. Гнома отправили глубоко в чащобу, к приметному, замшелому валуну, выпирающему из земли. Ну а с зеленым договорились встретиться там же.

Я решил особо не мудрствовать и поперся в ближайший сарайчик. Само строение было небольшим, но в его полу я обнаружил ход в погреб. В карманы набрал соленых огурцов, заправив рубашку в штаны и покрепче затянув пояс, наложил за пазуху луковиц, в сумку — три морковки, свеклу и картофель. Решил, что этого будет достаточно, а то, как известно, жадность гоблина погубит.

По металлической лестнице поднялся с погреба, осторожно, стараясь не издавать лишнего шума, положил люк на место и направился к выходу. И тут я услышал шаги. Мое сердце РУХНУЛО в пятки, и застучало там, а потом покатилося дальше, и теперь стучало в правом мизинце.

Стараясь как можно меньше шуметь, я вжался в угол возле двери, и вовремя это сделал. Огромный мужик, слава Богу, без светильника вошел в складское помещение, и выставив одну руку перед собой, а левой вел по стенке. Я стоял с противоположной стороны. Ноги он вытягивал перед собой, чтобы не удариться в препятствие с налету, и я решил, что, вот он, шанс улепётывать отсюда по-тихому, но тут дверь от ветра со скрипом затворилась, и гигант выругался матом. От моей попытки, спастись бегством, сапы, лопаты, грабли и прочая сельскохозяйственная лабуда, в которую я вжался боком начала съезжать, и мне пришлось еще сильнее напрячься, и в мой многострадальный бок еще сильнее врезались черенки. Мужик, от неясного шума, остановился и прислушался. Я чуть не околел на месте! Постояв немного, хозяин сего хранилища живительных веществ продолжил свой ход к бочке с огурцами. По крайней мере, в той стороне стояла только она. Дойдя до цели, он открыл крышку, три огурца оприходовал на месте, еще штук десять, двенадцать разложил на ладони. Его грабля это позволяла.

Тем же макаром он вернулся назад. Я вздохнул, тихо-тихо, но вздохнул с облегчением. Но, как оказалось, расслабился рано. Бугай уселся, недалеко, метрах в десяти от сарайчика, на пенечек, сгрузил на пенечек огурчики, достал кисет, трубку, огниво, и закурил. Сапа, за моей спиной начала угрожающе двигаться. Да куда же ты! — в уме простонал я.

Скурив первую трубку, чувачок, Муса, я тебя убью за пополнение моего словарного запаса этими странными словами! он забил вторую. Хотелось плакать навзрыд, и, в то же время, истерично хохотать. Петь частушки, при этом растягивая слова в самых неподобающих до самых неподобающих, бочина уже онемела. Пот струился по мне, рубаха была мокрая, как хлющ. Ему хорошо, он сидит себе, спокойненько покуривает, а я тут с ума схожу!

Я не умер, и через двадцать минут, боком, спотыкаясь, поковылял в лесную чашу, и, доползая до точки сбора, свалил всю еду на кучку, и улегся на траву. Спустя несколько минут явился и гоблин, и мы обменялись впечатлениями.

Этот умник совсем от голода мозг и страх потерял, в курятник поперся! Ну не дурное создание, а?! А если бы нас, да всех... но как бы там ни было, полтора десятка яиц и курица были у него в руках.

— Ну ты и... — Гном вlepил затрещину гоблину. — Рисковый парень!

Этой ночью мы улеглись спать сытыми — до отрыжки и икания.

* * *

Наутро четвертого дня начал накрапывать дождик, и мы, не выспавшиеся и злые, продолжили свой путь.

Ближе к вечеру дождь припустил изо всех сил, благо, что после унылого мелкоколосья с левой стороны снова потянулся лес, и деревья немного защищали нас от воды, льющейся с неба.

— Я сейчас расклеюсь! — заныл Муса. — Ну, сколько можно?! У меня снова насморк начнется!

— Не умрешь! И вообще, насморк у тебя и не прекращался! Где бы ты ни был, все вокруг тебя в твоей зеленухе!

— Суги, шел бы ты со своей зеленухой куда подальше!

Ну вот, опять начинается!

Но, вскоре мы встретили вырубку, с земли торчали одни пеньки, а из-за деревьев потянуло дымком.

— Ура, люди! — воскликнул гоблин.

— Умник, ты лучше уши лучше спрячь под капюшон, и на глаза его надвинь! Ты хочешь, чтобы люди тебя убили при первом же взгляде на них?

— Слушай, Эрландо дело говорит! — поддержал меня гном, и сам поправил свой широкополый головной убор.

Мы немного задержались, приводя себя в порядок, а потом вышли из леса.

Перед нами лежала деревня. Восемь дворов, аккуратные бревенчатые домики, на северо-западе — поле, убранное на зиму.

Возле домов росли плодовые деревья, были разбиты небольшие грядки. Из хлевов доносилось мычание и блеяние, окна домов светились, а из труб поднимался дым.

Еще раз проверив себя, мы начали спускаться с небольшого холмика, на который краем напoлзал лес.

По размокшей, чавкающей дороге мы вошли в деревеньку. Деревню, на три неровные части разделяла дорога. Одна, самая широкая, шла с юго-запада на север, вторая — от поля к центру деревни. Людей на улице не было. Холодный, промозглый дождь разогнал всех по домам, и только у крайнего дома, возле огромной лужи сидела маленькая девочка и пускала кораблик из куска сосновой коры. На вид ей было от силы пять. Мы ошарашенно переглянулись и подошли к ней.

— А вы меня украдете? — спросила кроха. Мы оторопело посмотрели на нее.

— А с чего ты так решила? — спросил я, усаживаясь возле нее на корточки.

— Мне мама говорила, что если я буду гулять одна, то меня украдут, — глядя на меня большими серыми глазами, ответил ребёнок. — И еще она говорит, что лучше бы меня украли и побыстрее, так как я ей надоела.

Ее слова было больно слышать. Как можно так разговаривать с пятилетним ребенком?!

— А ты хочешь, чтобы тебя украли? — спросил гоблин.

Девочка пристально посмотрела на него, будто пытаясь что-то рассмотреть под надвинутым на глаза капюшоном.

— Наверное, да. Если вы не будете меня бить. Я не люблю, когда меня бьют. Мама меня постоянно бьет, а это больно. Она выгнала меня на улицу и сказала, чтобы я не возвращалась.

— Тогда пойдем с нами! — надтреснутым голосом предложил гном, глянув на меня. В его взгляде читалась непоколебимая решимость, и он бы не потерпел возражений, а мог бы и в нос дать. Я только согласно моргнул, показывая, я что только «за».

— Иди к дядьке Суги! — как можно ласковее сказал гном, протягивая свои ручищи-лопаты к девочке. — Он тебя никому бить не позволит!

Малышка с готовностью встала и пошла к нему на руки.

— Как тебя зовут, маленькая?

— Тварь.

— К-к-как? — у нас отняло речь, а гоблин начал заикаться.

— Меня мама так называла: Тварь!

— Н-не-ет, мы тебя так звать не будем! — наконец-то обрел дар речи гном. — Это некрасивое, и плохое имя! Очень плохое! Мы тебя назовём Иоланой!

— Да, точно, Иоланой! — обрадованно произнес Муса, уже начавший морщить лоб в поиске подходящего имени. — Тебе нравится?

— Да, дяденька!

— Вот и отлично! Меня зовут дядя Муса!

— Хорошо, я буду называть вас так!

— А я Эрл, — с улыбкой представился я.

— Дяденьки, у меня ножки замерзли! — жалобно произнёс ребёнок.

Мы все посмотрели на ее ступни. Крохотные, грязные, в синяках и ссадинах, они были босыми.

У меня дрогнуло сердце. Конец октября, а дитя босое!

— Где же твои ботиночки?

— А у меня их нет! Мама сказала, что мне они не нужны! А они мне очень нужны, так холодно босиком ходить!

— Кто твоя мама? — изменившимся голосом спросил Суги.

— Она ко всяким дядям ходит. А потом приходит пьяная и уставшая! Мало кушать мне дает, говорила, что если удастся, то продаст меня кому-то!

— Ну, уж этому не бывать! — в горле гнома заклокотал гневные нотки. — Теперь тебя точно никуда не продадут!

— Да, теперь она умерла. — Иолана хлопнула носом.

Сурнгин снял с себя тяжелую куртку и замотал в нее маленькую, а ножки спрятал в ладони, согревая их теплом своих рук.

— Так будет теплее! — заботливо произнёс он, бережно прижимая девчушку к груди. — Где здесь у вас таверна?

— Вот там, на главной улице!

В центре села, где находилось что-то похожее на площадь, стояла деревенская таверна. Ее окна светились теплым светом, а за дверью слышался гул разговора и взрывы хохота.

Люд отдыхал. Наверное, это было здесь единственное место, где могли собраться все мужики и поболтать о своем, без всяких бабьих стонов, охов и пяти копеек в разговоре.

Гоблин надвинул капюшон пониже, и мы вошли в здание. В нос ударило жаренной на огне свининой, крепким элем, жаром камина и воздухом, нагретым дыханием десяти мужиков, удобно устроившихся за одним из трех длинных столов.

На столе, на огромном разносе лежал поросенок, истекающий жиром. В центре зала было пустое место, выложенное тесаным камнем и огороженное металлическим бортиком.

На каменной площадке тлели угли, и стоял опустевший вертел, поросенок с которого удобно устроился перед мужиками. Над всей этой площадкой нависала большая, жестяная, закопченная вытяжка.

Мужчины синхронно повернулись к нам. Те, которые сидели к нам спиной, повернулись вполоборота.

Выглядели мы эффектно. Промокшие до нитки (гном вообще представлял собой жалкое зрелище — в шерстяной рубаше и жилетке, шляпе с обвисшими полями и мокрой бородой, — мокрый кот, только особо габаритный. Сверток с ребенком в его руках выглядел чем-то подозрительным), такой же, как и гном, гоблин громко чихнул. Казалось, мутное стекло в оконных рамах задребезжало от его чиха. Ну и я, ежащийся от холода и посиневшими руками сжимавший шнурок котомки, висевшей на плече. Настоящие разбойники с большой дороги, которой тут и не пахло. Может, и пахло, но пока мы ее не видели.

— Добрый вечер! — поприветствовал я сидевших, настороженно зыркающих на нас. Вон один уже вилку в руке сжал, а другие руки в опасной близости к ножам держали.

— Можно у вас подкрепиться и согреться? — продолжил я миролюбивым тоном. Спины крестьян оставались напряженными, поэтому я, не спеша, снял с плеча котомку, поставил ее на лавку возле ближайшего к нам стола, аккуратно расстегнул ремень с висящими на нем ножом и мечом и поставил их в угол, с левой стороны от входа. Мои спутники проделали тот же маневр.

Мужики немного расслабились. Я снял куртку и повесил ее на палку, стоящую на четырех деревянных ногах, на вершине которой были оставлены сучки (на них вешались вещи).

— Если вы не возражаете, то позвольте поставить вешалку поближе к огню!

Крупный мужичок, по всей видимости, хозяин заведения, кивнул. Гном развернул куртку, и опустил девчонку на пол.

— Иолана, иди поближе к огню!

Маленькая шмыгнула носом, и подошла к камину в центре зала.

— Уважаемый, а у вас таз с горячей водой выпросить можно? Девочка должна ноги попарить, а то, не приведи Всевышний — заболит!

Толстячок встал, потопал за стойку, скрылся за дубовой дверью и через минуту появился с большим казаном воды, который подвесил над огнем.

— Что-то еще?

— Если можно, то выделите нам теплую комнату на четверых, и ванну с горячей водой. И еды побольше, мы очень голодны, — попросил я, и положил золотой на стол. Хозяин сразу засуетился:

— Есть комната, но только на троих, я сейчас с мужиками внесу туда еще одну кровать! И, может, вам лучше в баньку? Ее как раз истопили!

— Благодарю вас! — искренне поблагодарил я. — Если можно, то мы прям сейчас туда!

— Да, конечно! Вещи можете оставить в комнате, вот туда по коридору, вторая дверь справа!

— Иди на руки, пол холодный! — сказал гном, поднимая Иолану с теплых камней возле огромной жаровни.

Хозяин скрылся в проеме двери за стойкой, и оттуда зазвучали его указания по обслуживанию гостей. Золотой со стола загадочным образом исчез.

— Уважаемый, а кто вам эта девочка? — спросил жилистый, кареглазый мужик, наконец решившийся на расспросы.

— Наверное, приемная дочь. — я пожал плечами. — Сидела на окраине села. Сказала, что ее мать выгнала. Не бросать же ее там, одну?!

— Пропащая она женщина! Вечно мотается в городок, продает свою любовь. Живет в перекосившейся хибаре, за дочкой совсем не глядит!

— Да оно и видно! А вы что, не могли присмотреть, образумить непутевую мамашу? — возмутился Суги. — Маленькая девочка одна бродит, без надзора?

Все как-то сдулись, пристыженно опустили головы.

— Авось, какие воры и насильники?! — поддакнул Муса.

— Ты мы, это... она сегодня померла... горячка...

— В общем, теперь я... мы за ней приглянем!

— А...

— И...

— Эм...

— Не обидим! А из одежды что найдется? Купим! — заверил гном, видя, что мужики начинают мяться. Услышав о деньгах, три человека поднялись, и вышли под дождь. Наверное, домой пошли, вещи выросших детей собрать.

Я прошел в нашу комнату и оставил там наши вещи и оружие. Ножи я все же оставил, полностью доверять крестьянам я не решился.

Комната, в которую нас поселили, была просторной и светлой, если так можно ее назвать в данное время суток и при настоящей погоде. Стены были чисто выбелены, еще и красный кантик под потолком! Какие-то переплетенные цветочки, наверняка творение местного художника, организовавшего этот шедевр за пинту-другую пива.

Порывшись в котомках и вытащив чистое, но мокрое нижнее белье, я вернулся в зал.

— В баньке уже все готово, я даже распорядился бочонок пива туда отнести! — доложил хозяин таверны.

— А квас у вас есть? — поинтересовался я.

— Принесем!

— Вот и отлично!

— Идемте, я вас проведу!

Выйдя на проливной дождь, я зябко поежился. На улице окончательно стемнело, и крепко пахло дымом, подымавшимся из трубы хорошо прогретой бани.

— Вот сюда!

Пройдя по тропинке, выложенной деревянными досками и зайдя за дом, я наконец-то смог рассмотреть сооружение целиком. Невысокий сруб с крылечком, возле которого стояла

большая бадья дождевой воды.

— Можно распариться, и тут окунуться, — деловито пояснил хозяин.

Скрипнула дверь, и мы вошли в просторный предбанник.

— Там полотенца и шляпы, чтоб париться, а в парилке есть жерди, повесите мокрые вещи! Вам кушать в комнату принести?

— Да, любезный! — сказал я и сунул ему в руку еще две серебряшки.

— Если что, обязательно обращайтесь, не молчите! — закланялся толстячок.

— Просто накорми нас хорошо и дай выспаться! И еще просьба: не тревожьте нас пока.

— Все будет в лучшем виде, господин! В лучшем виде! Ну, я пошел!

Мужик скрылся за дверью, а гном возмущенно зашипел:

— Это непозволительное расточительство!

— Ничего, все будет хорошо. Вот слышал, городок недалеко. Там продадим первый кусочек алмаза. Дадут за него много.

— И, все равно, сорить деньгами не нужно!

— Так, перестаньте париться, давайте уже париться! — возмутился гоблин. — И Иолане нужно хорошо отогреться!

Мы начали раздеваться. Гном остался в одних своих женских панталонах с цветочками на ягодицах:

— Это чтоб не травмировать детскую психику! — назидательно пояснил он, и под хихиканье Мусы раздел малышку и потопал в парилку. Мы с Мусой, заложив щеколду и надев фетровые шляпы, пошли за ним.

— Хорошо-о! — закатил глаза Муса, влезая на третью полку, и развалившись на ней. Девочку посадили на самую нижнюю, чтоб не очень жарко было, а гном влез на четвертую, и сидел там, зажмурив глаза. Я присоединился к нему.

— Иолана, если будет слишком жарко, или будет кружиться голова, ты сразу говори! — сказал гном девочке.

— Хорошо, дядя Суги! — ответила девчушка.

— Ну, ребят, кажется, теперь отдохнем! — разомлевающим голосом пробормотал Муса. — хочется вечность так пролежать!

— Вечность ты пролежишь в сырой земле! — заявил гном.

— Тс-с, тут дети! — цыкнул на него гоблин.

Я только улыбался, глядя на заботливых папаш.

— Дядя Суги, мне уже жарко! Можно выходить?

— Сейчас, детка, сейчас! — засуетился гном, и, протопав вниз, подхватил стоящий здесь таз с водой с торчащей из него плоской, вышел с девочкой из парилки.

За дверью послышалось его бормотание и хлопанье воды, потом все затихло, а через несколько минут вернулся гном:

— Теперь, попаримся по-мужски! Суги, лезь выше! Ты как баба, мостишься ближе к земле!

— И ничего не баба! — возмутился гоблин и уселся рядом со мной. Суги отодвинул два веника, мочащихся в тазике, зачерпнул плоской воды, и щедро плеснул на камни за сеткой, которыми был завален котел с горящими дровами.

— Уа-а-а! — возопил гоблин из поднявшихся клубов пара.

— Я же сказал — баба!

Гоблин опустил назад на сосновую полку и дышал открытым ртом. Выйти, чтобы

гном потом все время колупал его, что он баба, он передумал.

— А ничего так, да? — Суги сел рядом с нами.

— Давно о таком мечтал! — счастливо вздохнул я. — Как домой вернулся!

— Есть такое! А ты, Муса, ложись, пошлепаю тебя веничком!

Я спустился полкой ниже, а Муса улегся лицом вниз, уткнувшись в шапку. Гном, поиграв мышцами, выхватил березовый веник, и шмякнул гоблина по спине. Раз, другой, а потом начал помахивать веником, гоня горячий воздух над спиной зеленого. Тот зашипел в шляпу, а гном, прихлопнув веник к спине рукой, с силой провел им по коже, прижимая ладонью. Шлепками прошелся по спине и ногам, а потом заставил перевернуться. Спустя некоторое время, гоблин, разомлевший и довольный, покинул парилку, а я занял его место:

— Потом меня попаришь? — спросил Суги, шлепая меня веником.

— Ага!

— Хорошо жить на свете, братцы! — шепотом произнёс гоблин, делая большой глоток пива.

Я пил квас, гном предпочел пиво, девочка спала, накрытая льняным полотенцем. — День был отличным! Вот даже девочку спасли.

— Я себе всегда дочку хотел...

— Муса, ты что несешь?! — уставился на него Суги.

— Что взял, то и несу!

— Тьфу!

— Так, тихо, малютку разбудите!

Товарищи зашикали друг на друга, и мы пошли стирать и сушить свои вещи, а потом развесили одежду в парилке. Запах, конечно, будет от нее не очень, но, зато стираная и сухая.

Тук-тук-тук...

В дверь робко, чуть слышно постучали. Гоблин завернулся в одну из лежавших здесь простыней, а я пошел открывать.

— Нет, ну просили не тревожить, — прошипел гном.

Гоблин скрылся в парилке.

— Вы простите, что тревожим, я тут вещей сухих немного собрал, — прошептал хозяин. — Думаю, подойдет! И, по собственной инициативе, за вашу щедрость, принес вам одежду.

— Премного благодарен! — поблагодарил я, принимая из его рук наши новые шмотки.

— Все, не осмелюсь больше отвлекать!

Я прикрыл дверь, и вернулся в предбанник. Бросил вещи на лавку, и сказал:

— Ну что, еще один заход, и спать?

Со мной все согласились, и мы полезли еще разок пропариться.

— Нужно купить лошадей, — сказал гоблин.

— Конечно, на них быстрее доберемся! Да и оружие нормальное нужно купить, этими жабоколами много не навоюешь! — Кивком головы подтвердил я.

Хорошо вымывшись водой из бочки и выстирав вещи (развесили их в парилке над котлом), примерили новую одежду. Не знаю, с кого стащили одежду для гнома, но он в нее влез, она пришлась ему впору. Гоблина обрядили в детские вещи, а мне достались обычные штаны и рубаха. Вся одежда была льняной, домотканой и крепкой. Довершали нашу экипировку кожаные куртки и сапоги, в общем, хозяин расстарался на славу!

Гном поднял спящую девочку на руки, взяв её вещи подмышку. Гоблин держал над ней свою куртку.

Народа в зале не уменьшилось, наоборот, нарисовался приходской священник, и сразу стало ясно, чьи одежды теперь носил гном.

— Всем добрый вечер еще раз, и, уважаемый хозяин заведения, можете подавать еду! — делал я заказ, пока гоблин с гномом подымались в комнату.

— Сейчас прикажу доставать из печи, а то она и остыть могла, пока вы принимали водные процедуры! — засуетился толстячок, а священник зазывающе махнул мне рукой:

— Присядь на минутку, сын мой!

Я подчинился и сел против него. Святой отец стал разглядывать меня.

— Куда путь держишь, сын мой?

— К морю, в Кертен. — доверительно сказал я. — К родственникам. — Нечего делать у границ империи, смутные времена нынче.

Последнюю фразу я произнёс, сильно рискуя, ведь последних новостей о мире я не знал!

— Да, сынок, беспокойно сейчас. Очень беспокойно. Не приведи, Всевышний, война начнется. Разбойники шалить начали!

Я в такт кивал головой и еще некоторое время отвечал на расспросы, наблюдая за поведением и настроением сидящих вокруг меня посетителей, но подозрений у них я не вызвал. Затем, откланявшись, ушел спать. О нашей схватке с бандой я решил не рассказывать, а то мало ли что, вдруг окажется, что это односельчане озверевшие!? Утром мы купили троих коней, взяли еды в дорогу и уехали из деревеньки. Дождь наконец-то прекратился, и из-за туч показалось осеннее солнце.

Через сутки мы были в городке под названием Месвишь.

— Ну и вонь! — поморщился гоблин, натягивая рубашку на нос. — Она меня убьет!

— Рано ли, поздно ли нас всех что-то убивает, кого меч, кого радикулит, — философски пожал я плечами.

Мы попали в Месвишь после уплаты въездной пошлины. Когда я дал стражу серебряный вместо двух медяков с носа, нас даже не проверяли.

Гоблин вывихнул палец одному воришке, шарящему у него в кармане:

— В следующий раз я тебе его сломаю, — добродушно улыбаясь сказал ему гоблин. В голосе его звучало одно добродушные нотки. Улыбки гоблина видно не было, так как нижнюю его часть прикрывала повязка. Особых подозрений мы не вызывали, так как были чистыми. Доверие усиливалось, когда видели девочку на руках, восторженно рассматривающую город. Гном и гоблин тоже поглядывали по сторонам.

— Уважаемый, скажи пожалуйста, где здесь можно найти хорошую таверну? — спросил я у прохожего. Тот ткнул пальцем в сторону, указывая направление, и вскоре перед нами предстало двухэтажное каменное здание.

Зал был заполнен, потому я сразу прошел к стойке и снял на день за четыре серебряных комнату с включенной в эту сумму в придачу едой. Мы сразу же туда поднялись.

Слуга внес чан на сто литров воды, а служанки доставили курицу, варёный рис, компот, вино, хлеб, квашеную капусту, которую гном с гоблином пробовали впервые.

— Ну и кислятина! — произнёс, жуя с удовольствием Муса. — Но вкусно.

Гном с ним согласился, и мы налегли на еду в четыре горла. А после трапезы завалились спать.

Хотя я и отвык от больших городов, и они казались мне грязными и вонючими, но быстро это дело вспомнил.

Город оказался достаточно большим, а ювелирных лавок оказалось целых две. И в одной нам предложили хорошую цену. По меркам этого захолустья:

— Здравствуйте! — поздоровался я, входя в светлое помещение, над дверью которого был нарисован рубин с бликом на одной из граней. Рисунок получился не хорошим и не плохим: нормальным.

— И тебе не хворать! — поздоровался со мной седой, просто одетый мужичок, приподнимаясь из-за прилавка и откладывая книжку, которую читал, в сторону.

— Я хотел бы продать камушек. Если он, конечно, настоящий, а то я в этом не очень разбираюсь.

— Ну, показывай, — улыбнулся хозяин лавки.

Я выложил на прилавок осколок алмаза размером с горошину, бережно вытряхнув его из кожаного мешочка. Туда же я положил для пущей верности серебряный. Хозяин подвинул его к себе, взял увеличительное стекло, и глаза его алчно блеснули.

— Нет, это пустышка! — заверил он меня, собираясь было сунуть его себе в тумбочку.

— Знаешь, я не такой уж и простофиля, как тебе показалось. — в прилавок воткнулся кинжал. — Сдается мне, что ты просто хочешь меня кинуть.

— Нет, нет что вы! — засуетился седовласый. — Я просто переживаю, что ко мне потом явится его хозяин, и мне придется его отдать, а я вам заплатил!

— Что ты лепишь горбатого к стене! — рыкнул я. — И за камнем никто не придет, будь уверен.

Рано я расслабился. Из двери за прилавком вышел громила, охранявший этого негодяя.

— Сандо, выкинь это за дверь! — брезгливо ткнул в меня пальцем показавший свое истинное лицо ювелир.

Громила передернул плечами и двинулся ко мне. Я дал ему подойти на расстояние вытянутой ноги и с размаху вlepил ему между ног, добив ударом рукояти ножа в висок.

— А теперь с тобой, — перегнувшись через прилавок, я схватил побледневшего кидалу, не ожидавшего такого поворота событий, руками за голову, и дернул на себя. Тот смачно чвакнулся носом о стол и сполз под прилавок.

Через десять минут он очухался и выбрался на свет божий, уселся на стул и запрокинул голову назад.

— Зачем же так сразу? — заныл он, ощупывая нос.

— Затем, что ты «так сразу». Я к тебе мирно пришел, а ты хотел ободрать меня, как липку.

— Хорошо, я тебе заплачу...

— Сполна. — перебил я его. — И только попробуй меня снова начать дурачить, нос я тебе сломаю. И руку в придачу!

— Хорошо, хорошо! — засуетился тот, отирая тряпкой лицо. — Семьдесят золотых, больше дать не могу, и так в убыток себе!

— Хорошо, семьдесят хватит, а про убыток будешь кому-то другому бабушку лохматить!

Ювелир бережно отсчитал мне семьдесят золотых, сложил их в мешочек. Я поблагодарил его и пошел к выходу. По дороге пнул вышибалу, начавшего приходить в себя, и, остановившись у двери, сказал:

— И еще одно предостережение: не пытайся за мной следить и вернуть свои деньги. Будь здоров!

Я на прощание махнул рукой, а ювелир нервно сглотнул. Вернувшись в таверну, перекусив и зацепив с собой гнома, мы ушли на рынок.

По дороге мы зашли в оружейную лавку, где теперь нам пытались втюхать галимые мечи. За двадцать минут гном доказал хозяину, что он не на тех нарвался, и тот пошел в подсобку за нормальным железом:

— И откуда ты такой грамотный взялся? — спросил он у гнома.

— Там, откуда взялся, много еще есть! — с улыбкой сказал ему гном, разглядывая два меча и трогая их режущую кромку. — Эти тоже «не фонтан», но получше тех, что раньше были!

— Как «не фонтан»?! Как «не фонтан»?! Да это мои лучшие мечи!

— Ладно, ладно! А боевой секиры твоего производства не найдется?

Хозяин, обиженно бормоча что-то под нос, удалился, и вскоре вернулся с увесистой двуручной топорягой с шипом на навершии. Гном и ее придирчиво осмотрел, пару раз маханул, крутнул в руке, подбросил до потолка, поймал и одобрил творение кузнеца.

— Хорошо сделано! Сколько с нас?

— Сорок пять золотых!

— Тридцать, больше не дам! — отрезал я.

— Бесплатно! — заявил гном. Мы с хозяином оружейной вытаращили на него глаза.

— Я тебе расскажу секрет, как сделать металл тверже. Как ты догадался, я тоже кузнец, и у меня есть свои секреты.

Немного подумав, хозяин согласился, и гном рассказал тому что-то о температуре закаливания, сырье для огня, температуре горна, растворе, в котором нужно охлаждать оружие послековки. Хозяин лавки быстро строчил на листочке все рекомендации моего гнома.

— Ты что, сдал ему все ваши секреты? — спросил я у гнома, когда мы покинули оружейную лавку.

— Гонишь! какие секреты?! Это металл для столовых ножей, кос, тяпок, лопат, но не для оружия! — и, глядя на мою приподнятую бровь, добавил: — но металл этот все же тверже вашего.

— Не кислые у вас тяпки и лопаты!

Гном только хмыкнул.

На рынке меня попытались ограбить в третий раз. После увесистого подзатыльника, от которого мелкий воришка отлетел на три шага и брякнулся в лужу, протаранив при этом какого-то мужика, поползновения на мое добро закончились.

Мы приобрели себе новую одежду для путешествий, гном купил вебе отличную кожаную перевязь, десяток ножей для гоблина, себе — хороший кинжал и отличные сапоги. У старушки купили грим и пудру для нашего зеленого и всяческие лекарственные травы.

Лошадей решили не менять, просто поменяли на новую потёртую сбрую. О маленьких радостях для Иоланы тоже не забыли: купили ей костюмчик, платице, ботинки, ну в общем, скупались по полной. Весь этот ворох подарков увенчали мешочком со сладостями. Себя, естественно, и гоблина не забыли, — купили теплые куртки, всякие мелочи, необходимые для дороги, и вернулись в таверну.

Девочка была несказанно рада обновкам, и за все это расцеловали нас всех по очереди. Счастье в глазах гнома было непередаваемым.

Отсыпались мы три дня, отъедали утраченный жирок, а на утро четвертого дня, отправились в путь.

Погода стояла безветренная, солнечная. Осень отдавала последнее солнечное тепло, как отдают долги добрые старые люди.

Девочка, сидящая перед Сурнгином, весело смеялась и щебетала. Гном довольным взглядом разглядывал окружающий мир. Дорога домой продолжалась!

Вскоре я буду там!

Дом, милый дом!

Девушка вышла за ворота замка:

— Кто здесь спрашивал меня?

Возле ворот стоял битый жизнью парень в потертom дорожном костюме. Мозолистая рука он придерживала за уздечку каштановую кобылку. К седлу был приторочен короткий меч, скатка из одеяла и перекинутые чересседельные сумки. Короткие светлые, цвета кленовой коры, немного с проседью волосы, легкая небритость на щеках. Голубые глаза, шрам, рассекающий правую бровь. И такая грустная и одновременно счастливая улыбка.

— Эй, приятель, это и есть твоя Нейлин? — послышался голос сзади.

— Эрл, она и вправду красавица! — пробасил второй.

По щекам девушки катились слезы. Слезы радости.

Парень бросил поводья, и сделал шаг не встречу к девушке. Та вскинула руки, и бросилась к нему на грудь.

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigolub.net